

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ ПЕТРОГРАДСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГИИ.

ЖУРНАЛЪ,

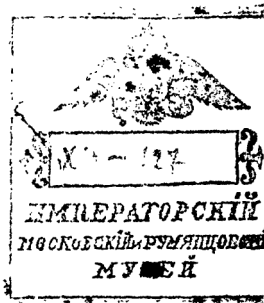
основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XXVII.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина.

Книга 134—(IV).

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.

Пяменовская ул., соб. домъ.

1916 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Философія и исторія. Г. Шпета	427
Объ общественномъ идеалѣ. П. Новгородцева	440

Къ ученію о психической активности. Новыя экспериментальныя данныя. А. Лазурскаго	201
Проблема смысла жизни въ философіи Кайта. М. Рубинштейна	252
Новая исторія европейской философіи. Б. Яковенко	271
Два типа міросозерцанія. (По поводу книги С. Л. Франка „Предметъ знанія“.) Н. Бердяева	302

Критика и библиографія.

1. Обзоръ книгъ.

Г. Шпетъ. Исторія какъ проблема логики. Ч. I. Материалы. М. 1916. Г. Челпанова.	316
2. Библиографическій листокъ.	325
Условія для соисканія преміи Д. Столыпина	326
Положеніе о преміи имени Вл. Соловьева	327

Философія и исторія.

(Рѣчь) ¹⁾.

Существуетъ мнѣніе о философіи, довольно распростра-
ненное, въ нѣкоторыхъ кругахъ даже популярное, такъ что
оно начинается уже звучать прямо какъ голосъ здраваго
смысла. Это мнѣніе гласитъ: занятія философіей бесплодны
и бесполезны,—едва не двадцать пять вѣковъ существуетъ
философія съ претензіей на научное знаніе, и она не до-
стигла ни одного всѣми раздѣляемаго положенія; философія
есть только собраніе „субъективныхъ“ и случайныхъ мнѣній
и построеній..

Однако именно философъ признаетъ, что такое сужденіе
обнаруживаетъ одинаково неправильное пониманіе у его
авторовъ, какъ научнаго знанія вообще, такъ и философіи
въ особенности. Представленіе о наукѣ здѣсь складывается
по одному только образцу ея,—математическому естество-
знанію, которое безъ всякаго основанія возводится во все-
общій и единственный идеаль научнаго знанія. Особенности
этого вида знанія заключаются въ томъ, что оно устана-
вливаетъ „законы“, механическія формулы, дающія намъ
„предвидѣніе“, а цѣнность его—въ томъ, что благодаря
„предвидѣнію“ оно служитъ нашему дѣйствованію, т.-е. въ
концѣ-концовъ *техникѣ*. Въ представленіи же о философіи

¹⁾ Здѣсь воспроизводится въ основномъ вступительная рѣчь, произне-
сенная авторомъ въ публичномъ засѣданіи Историко-филологическаго Фа-
культета Московскаго Университета 9 мая 1916 г. передъ защитой диссерта-
ціи „Исторія какъ проблема логики“. Ч. I.

здѣсь игнорируется какъ-разъ одна изъ самыхъ древнихъ примѣтъ философіи: ея существенно діалектической характеръ. Діалектика, какъ методъ, есть методъ строгій и точный, — только это не строгость математическаго доказательства. Но, кромѣ того, діалектика, по опредѣленію Сократа, — *совмѣстное мышленіе, διάλογος* въ самомъ подлинномъ и полномъ значеніи. Отсюда специфическія особенности философіи, рѣшительно ея отличающія отъ другихъ видовъ знанія. Какъ нельзя свести драматическое дѣйствіе къ монологу, такъ нельзя требовать отъ философіи, чтобы она была знаніемъ въ точности подобнымъ математическому естествознанію, чтобы ея цѣнность и ея смыслъ опредѣлялись технической приложимостью! Въ діалогѣ, въ жизненномъ дѣйствіи *personarum dramatis*, ея собственная жизненность, ея оригинальность, ея единственность въ сферѣ знанія. Философія — не наука въ смыслѣ механистическихъ формулъ и не искусство въ смыслѣ техники! Въ этомъ направленіи она, конечно, бесполезна, и въ этомъ направленіи она, конечно, не имѣетъ прочно установленныхъ, всѣми раздѣляемыхъ положеній!

Но почему же тогда для всякаго философа — одинъ образецъ, одно начало и одинъ неизсякаемый источникъ — *Платонъ*? Но почему даже для не-философа ясно, что Платонъ — типъ, идеаль, философъ *κατ' ἐξοχήν*, — *philosophus archetypus*? Откуда, при субъективности и случайности философскихъ мнѣній, такая устойчивость въ признаніи основнаго образца и мѣры? — Какъ все на свѣтѣ, философія пребываетъ, философія едина — не въ эмпирическихъ проявленіяхъ и „случаяхъ“, а въ своей *идеѣ*; Платонъ — ея воплощеніе!

И не трудно убѣдиться, что положительная философія, поставивъ вмѣстѣ съ Платономъ себѣ свои задачи, на протяженіи всей своей исторіи всегда идетъ въ одномъ направленіи, одушевленная одною цѣлью. Мѣнялись лица и сроки, языки и народы, а положительная философія осталась вѣрна своему началу и выковала свою прочную традицію. Не отъ Евклида, не отъ Архимеда, не отъ Птолемея, не отъ Гипо-

крата, не отъ Геродота, а только отъ Платона,—ясное своеобразие и единственность, явная невозможность смѣшать философію съ иными видами и типами нашего знанія! И тутъ самый надежный критерій положительной философіи...

И прежде всего по своему предмету и содержанию философія отличается отъ остальныхъ видовъ знанія: всегда, отъ начала и до нашего времени,—такъ и останется,—у философіи былъ одинъ предметъ, — *конкретный*; предметъ конкретной дѣйствительности! Это отличительная черта философскаго знанія: *философское знаніе есть всегда и по существу знаніе конкретное и цѣльное*; въ этомъ прямой замыселъ и постоянное напряженіе всей философіи. Философія не можетъ примириться съ частностью, съ абстракціей, съ частичностью;—какъ требовалъ Платонъ, она направляется на „все“, на все въ его идеѣ, т.-е. она направляется *по существу* на конкретное и цѣльное: *ἐν καὶ πᾶν*. Вотъ почему съ философіей нельзя сопоставлять знанія спеціальнаго, всегда частнаго и абстрактнаго; она можетъ быть сопоставляема только съ такимъ знаніемъ, которое, подобно ей, направляется также на цѣльное, полное, конкретное. Какую бы тему, хотя бы частную, ни взяла философія, она тотчасъ превращаетъ ее въ тему общую и принципиальную!

Но какъ же вышло, что въ философіи такъ много абстрактнаго? Какъ вышло, что философію даже часто упрекаютъ въ абстрактности или отвлеченности? И чтò важно, упрекаютъ, повидимому, не безъ основанія...

Говоря о философіи, какъ о единомъ и внутренне связанномъ цѣломъ, я имѣлъ въ виду разсмотрѣніе самой философіи въ ея идеѣ, осуществленіе которой и составляетъ положительную философію. Но нельзя игнорировать и голосовъ отрицательной философіи,—„злодѣевъ“ ея драматическаго дѣйствія,—иначе изъ развитія философіи пришлось бы выбросить Протагора, Канта, Кондильяка, Спенсера и многихъ другихъ ея эмпирическихъ феноменовъ... Но какъ же отличить отрицательную философію?

Здѣсь мы тщетно будемъ искать единства и преемствен-

ности традиціи, всякій начинаеть заново и съ отрицанія прошлаго и предковъ. Но когда на мѣсто отрицаемаго, тѣмъ не менѣе, ставится *свое*, то есть одинъ *общій* способъ нарушить философскую традицію: на мѣсто конкретнаго поставить абстракцію, на мѣсто цѣлаго—часть. И если оставить послѣдовательный философскій нигилизмъ, который, какъ такой, уже—не философія, то признакъ отрицательной философіи всегда—отвлеченность, это философія—отвлеченная. Нельзя отрицать важной роли въ цѣломъ философскаго развитія, которую играетъ отрицательная философія,—нерѣдко она ставить *новыя* проблемы и выдѣляетъ *новыя* стороны,—не слѣдуетъ только выдавать частное, частичное и отвлеченное за полное и цѣлостное: въ этой поддѣлкѣ—зло отрицательной философіи.

Но важнѣе, можетъ быть, для уясненія смысла положительной философіи другое. Философія не только есть знаніе, но также нѣкоторый *типъ очень сложнаго переживанія*, выходящаго далеко за предѣлы чисто-интеллектуальныхъ отношеній. Ея составъ въ этомъ смыслѣ опредѣляется чрезвычайно многообразными условіями. Здѣсь имѣютъ свое значеніе не только научныя понятія эпохи, но и ея предразсудки, ея заботы и волненія, ея настроенія, словомъ, все ея міровоззрѣніе. И весьма существенно, что этими настроеніями и взглядами весьма часто предопредѣляется не только содержаніе ея проблемъ, но также характеръ, форма и составъ ея познавательнаго предмета.

Въ свѣтѣ этихъ отношеній легко понять, какъ на вопросъ, что такое конкретное, мы получаемъ, сходныя по логической формѣ, но весьма несходныя по содержанію и смыслу, отвѣты. Въ цѣломъ это только лишній разъ свидѣтельствуеть въ пользу существенно конкретнаго характера философіи, въ пользу ея стремленія разрѣшать свои проблемы въ связи съ цѣльностью жизни, но это же объясняетъ разнообразіе отвѣтовъ тамъ, гдѣ съ точки зрѣнія формалистическихъ ожиданій слѣдовало бы получить одинъ отвѣтъ, въ одномъ „всѣми раздѣляемомъ положеніи“...

Стоить воспроизвести въ памяти, какъ философствовали Сократъ и Платонъ, чтобы убѣдиться въ конкретномъ характерѣ *ихъ* философскихъ проблемъ: тутъ проблемы берутся прямо изъ самой жизни, и послѣ тщательной діалектической обработки, возвращаются въ нее. *Res publica* есть конкретный предметъ этой философіи! Нужно имѣть это въ виду, чтобы понять также цѣлый рядъ своеобразныхъ методическихъ приемовъ, которые диктуются такого рода предметомъ. Я воспользуюсь только однимъ примѣромъ. Отрицательная философія достаточно приучила насъ къ своего рода „логическому матеріализму“ съ его всеобщимъ методологическимъ требованіемъ: сводить болѣе сложное къ болѣе простому,—физиологію къ физикѣ и химіи, психологію къ физиологіи, и даже социологію къ биологіи, и пр. По истинѣ странной или парадоксальной съ точки зрѣнія такой принципiальной симплификаціи должна представиться попытка итти въ анализъ предметовъ изученія путемъ обратнымъ: класть въ основу, напр., „социологію“... Логически и методологически это значило бы, вѣдь, признать основнымъ знаніемъ не наиболѣе абстрактное, а наиболѣе конкретное! Сколько примѣровъ и образцовъ биологическихъ и индивидуально-психологическихъ аналогій мы могли бы привести изъ современной философіи, но, вотъ, примѣръ Платона: онъ опредѣляетъ „справедливое“ въ *Res publica*, а отсюда только переходитъ къ отдѣльному человѣку, ибо найденное на болѣе обширномъ цѣломъ легко усмотрѣть, по его словамъ, на отдѣльномъ человѣкѣ. На нашемъ языкѣ мы сказали бы что здѣсь психологія „сводится“ къ социологіи, а не социологія къ психологіи, но это и есть объясненіе абстрактнаго черезъ конкретное, части изъ цѣлаго!

Какъ бы ни было, древній міръ философствовалъ надъ своимъ содержаніемъ конкретнаго. Новая эра мѣняетъ это содержаніе, но также искренно и серьезно сосредоточиваетъ всѣ свои умственные силы на своемъ конкретномъ, которому оно даетъ и свое названіе—*Civitas Dei*. И не

трудно видѣть, какъ успѣхи естествознанія опять преображаютъ содержаніе конкретнаго, и оно выступаетъ то какъ мертвая, но хорошо осязаемая матерія, то какъ живое и одушевленное начало,—тутъ по очереди и въ разбивку фигурируютъ матерія, духъ, душа, энергія, идея, монада, жизненный порывъ и т. д., и т. д. Civitas Dei перешла въ Regnum hominis, а самъ человѣкъ постигается тѣми многочисленными путями, по которымъ идетъ Interpretatio Naturae.

Но теперь, на склонѣ столькихъ вѣковъ, не возвращаемся ли мы къ тому пониманію конкретнаго, по которому наиболѣе полное, что только знаетъ наша жизнь, есть именно социальное. Но „социальное“ не момента только даннаго созерцанія, а обремененное всѣмъ прошлымъ: настоящее въ каждой своей части и во всемъ своемъ цѣломъ тяготящее протекшимъ, его всюду обнаруживающее и съ нимъ связанное мириадами нитей. Такое конкретное въ своей исчерпывающей полнотѣ есть не что иное, какъ *историческое!* И я думаю, такова, дѣйствительно, идея конкретнаго современной философіи...

Кромѣ своей всеобъемлющей полноты историческое характеризуется еще тѣмъ, что оно, какъ конкретное, мыслится необходимо въ движеніи и дѣйстви, — такое конкретное по существу *динамично*. И вотъ, именно въ современной философіи иногда приходится слышать упрекъ по адресу философіи античной: античная философія, говорятъ, есть философія статическая, динамизмъ есть преодолѣніе платонизма; новая философія началась съ того момента, заявляетъ популярный нынѣ философъ, когда Галилей пустилъ шаръ катиться по наклонной плоскости... Выводъ, который можно было бы сдѣлать отсюда, требоваль бы, чтобы мы признали, что не только Платона, но весь платонизмъ, по нашему опредѣленію, всю положительную философію, слѣдовало бы характеризовать, какъ философію неисторическую!..

Такъ ли это? Не забываютъ ли въ этомъ противопоста-

вленіи коренного различія *умовій* античнаго міровоззрѣнія и нашего?—различія умовій, не исключаютцаго, однако, единства и тожества самаго предмета философствованія! Философія древней Греціи широко открытыми глазами прежде всего созерцала самое себя въ своемъ „настоящемъ“, она начинала съ *созерцанія*, и тутъ ея творчество было свободно и грандіозно; ея *память* не была обременена,—міръ для нея былъ свѣжъ и юнъ. Мы начинаемъ съ памяти, съ „преданій“, мы видимъ свой міръ сквозь „пыль вѣковъ“; „преданія старины глубокой“—для насъ подчасъ единственный источникъ, и всегда близкій, необходимый. Мы смотримъ на одно съ античнымъ міромъ, но *пата реті* для насъ имѣетъ новое содержаніе и новый смыслъ: для насъ это—потокъ вещей и людей, трудовъ и дней, вѣковъ и народовъ. Потокъ, который проносится передъ *нашимъ* умственнымъ взоромъ, есть прежде всего *потокъ исторіи*.

И мы думаемъ, что это есть *наше* собственное приобрѣтеніе. Во всякомъ случаѣ, часто приходится слышать, что такая постановка философской проблемы есть особенность присущая нашему времени,—XIX вѣкъ, говорятъ, серьезно поставилъ проблему исторіи. И для этого онъ долженъ былъ порвать съ статическимъ представленіемъ древняго міра, создавъ міровоззрѣніе динамическое; онъ порвалъ съ рационализмомъ, постигая иррациональное, порвалъ съ традиціонной логикой, утверждая права алогического, и т. д. И все-таки мы можемъ спросить: случайно ли, что идея „новой науки“ нашла себѣ геніальнаго выразителя въ лицѣ *платоника* Вико, что сознательная рефлексія объ исторической методологіи находитъ своего выразителя въ раціоналистѣ Хладеніусѣ, что Гердеръ—лейбниціанецъ, что платоникъ Лейбницъ—динамистъ,—случайны ли всѣ эти и подобные факты?—Именно признаніе случайности здѣсь было бы показательнымъ отсутствіемъ историзма!

Но въ характеристикѣ XIX вѣка, какъ вѣка историческаго по преимуществу, вѣрно то, что наша эпоха, въ самомъ дѣлѣ, пришла къ *ясному* сознанію исторической про-

блемы. Въ этомъ смыслѣ наша философія становится по преимуществу *исторической философіей*,—и чѣмъ больше она будетъ проникаться идеей конкретнаго, какъ историческаго, тѣмъ болѣе она будетъ становиться исторической философіей.

Разумѣется, говоря о конкретности предмета, мы говоримъ еще слишкомъ мало. „Предметъ“ въ своемъ логическомъ значеніи есть только *неопредѣленный* „носитель“ многообразнаго содержанія, связаннаго въ одинъ узелъ въ нѣкоторомъ его осмысливающимъ центральномъ ядрѣ. Предметъ—это только нѣкоторый *пунктъ*, опредѣляющій направленіе нашихъ устремленій и изысканій. Необходимо выдѣлить въ многообразіи его содержанія, прежде всего, *типы* отношеній, которыя мы эмпирически характеризуемъ, какъ отношенія культурныя, правовыя, религіозныя и т. п.

Въ общемъ потокѣ исторіи мы различаемъ отношенія человѣка къ окружающему, которыя въ цѣломъ такъ же многообразны, какъ само это окружающее. Мы выдѣляемъ не только его отношенія къ „дѣйствительному“ міру въ ограниченномъ смыслѣ, т.-е. отношенія техническія, культурныя, познавательныя и под., но также устанавливаемъ, какъ специфическое, его отношеніе къ „сверхчувственному“, и говоримъ объ отношеніяхъ религіозныхъ. Наконецъ, мы выдѣляемъ отношенія человѣка къ человѣку, какъ отношенія по преимуществу правовыя и нравственныя. Въ цѣломъ, мы замѣчаемъ, какъ изъ отношеній человѣка къ человѣку возникаютъ отношенія группъ: классовъ, сословій, государствъ, и т. д. Мы узнаемъ, что всѣ эти отношенія подчиняются нѣкоторой опредѣленной формѣ, *формѣ организацин*. И вотъ, изъ этого организующаго и организующагося потока исторіи мы извлекаемъ отдѣльныя вещи, отдѣльныхъ людей, отдѣльныя отношенія и связи,—и дѣлаемъ ихъ предметомъ своей рефлексіи и своего познанія. Мы уже привыкли „вещи“ разрѣшать въ сложную систему отношеній,—не такъ съ „людьми“, и мы все еще склонны, поэтому, именно въ „человѣкѣ“ видѣть подлинный предметъ исторіи.

Существенно однако, что у насъ уже есть опытъ, мы уже научились и можемъ видѣть „предметъ“ въ отношеніяхъ. И тутъ-то и возникаетъ вопросъ: не такъ ли дѣло обстоять и въ историческомъ?

Что важно исторически: самый потокъ исторіи, или то, что несется въ его волнахъ?—Отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ очень многое. Нужно научиться постигать этотъ потокъ въ его цѣломъ; нужно научиться не вылавливать изъ него части и частности, а умѣть охватить само подвижное цѣлое; нужно направить свое вниманіе на само историческое содержаніе...

Вотъ тутъ и встаютъ методологическія задачи историческаго познанія въ ихъ исключительномъ значеніи и всеохватывающемъ интересѣ. Здѣсь съ особенной остротой поднимается старое противопоставленіе многообразнаго и единого! И если мы не забываемъ, что философское рѣшеніе по существу своему есть рѣшеніе *конкретное*, то удовлетворитъ ли насъ привычное противопоставленіе чувственности и разсудка? Удовлетворитъ ли насъ то рѣшеніе, по которому отъ частнаго къ общему путь черезъ отвлеченіе, черезъ обѣднѣніе содержанія? Развѣ не этимъ путемъ пришли въ современной философіи къ парадоксу, что, чѣмъ дальше отъ дѣйствительнаго многообразія, тѣмъ только ближе къ истинѣ? Но тогда еще съ большей, прямо-таки антиномической остротой, стоятъ другъ противъ друга: многообразное и единое въ ихъ конкретности! Конечно, въ основѣ, въ принципѣ, это—старая „антиномія“: опытъ и разумъ, зрѣніе и умозрѣніе...

Но дѣйствительно ли здѣсь антиномія, дѣйствительно ли здѣсь нужно выбирать, какъ между членами дилеммы?—Тутъ въ высшей степени поучительно вспомнить діалектику и исторію понятія *опыта*. Оно возникло и было поставлено въ центръ философскихъ интересовъ, какъ весьма здоровая реакція противъ словесныхъ формулъ въ пользу смысла и вещей. Но сколько въ немъ было притязаній на средство познанія, на то, чтобы быть орудіемъ мысли; оно съ

самаго начала требовало участія разума. Всякая попытка ограничить права и значеніе разума означала въ то же время ограниченіе и обѣднѣніе опыта; въ предѣлѣ minimum разума совпадаетъ съ minimum опыта,—таковъ, напр., сенсуалистическій феноменализмъ, ограничивающій все сознание данными чувственности, съ его угрюмой и тупой формулой: міръ есть комплексъ ощущеній! Напротивъ, расширение содержанія „опыта“, прежде всего, за предѣлы ограниченной чувственности, въ нѣдрахъ самой философіи эмпиризма, доводитъ въ такъ называемомъ радикальномъ эмпиризмѣ до такого обогащенія понятія, гдѣ „опытъ“ просто отождествляется съ „переживаніемъ“. Опытъ теряетъ свои ограничительныя формы, и неизбѣжно приходится признать, что нѣтъ зрѣнія безъ умозрѣнія, что въ самомъ реальномъ переживаніи видитъ не „глазъ“, а „умъ“,—глазъ его послушное орудіе. И тѣмъ болѣе вступаетъ въ свои права и обязанности разумъ, чѣмъ болѣе мы хотимъ въ капризной и прихотливой смѣнѣ переживаній найти устойчивое и „тождественное“. Въ результатъ мы убѣждаемся въ совершенно всеобщемъ значеніи положеній: глазъ безъ разума смотритъ, но не видитъ, ухо слушаетъ, но не слышитъ, и вся научная логика захватываетъ добычу въ сѣти своихъ понятій, но не разумѣетъ захваченнаго...

Но если тѣмъ не менѣе, возстановливая права разума, наша логика справляется со всѣмъ этимъ, то не возникаютъ ли новыя и еще болѣе непреодолимыя трудности, когда понятіе *опыта* нужно расширить какъ будто далеко за предѣлы самаго переживанія?—Когда приходится констатировать, что для нашего разумѣнія „и камни гласъ пріяли“, когда и „прахъ дряхлѣющей вселенной“ есть прахъ „краснорѣчивый“, входящій, какъ необходимый составной моментъ, въ наше сознание?..

Невольно рождается вопросъ: не нуждается ли то конкретное, о которомъ у насъ идетъ рѣчь,—конкретное, какъ историческое,—не нуждается ли оно для своего познанія въ особомъ еще источникѣ познанія, который не есть

опытъ въ привычномъ для насъ смыслѣ? Если мы признавали вообще два источника познанія, опытъ и разумъ, то не есть ли это нѣчто совершенно новое, „третье“, какъ источникъ познанія? А если мы въ опытѣ и разумѣ видимъ два послѣдовательныхъ момента проникновенія въ глубину познаваемаго, то опять-таки не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ новымъ, третьимъ, еще болѣе глубокимъ проникновеніемъ? Если, по болѣе изысканной философской терминологіи, мы различали интуицію чувственную и разумную, то не придется ли здѣсь говорить о совсѣмъ особенной, скажемъ, интеллигибельной интуиціи? Ибо всякій видитъ, что значеніе переживаній, ведущихъ отъ „камня“ или отъ „правдивыхъ сказаній“, или отъ другихъ историческихъ источниковъ, состоитъ преимущественно въ ихъ истолковательномъ или герменевтическомъ характерѣ.

Дѣйствительно, для уразумѣнія любого „отрывка“ въ потокѣ исторіи нужна, какъ кажется, особая „способность“ или дѣятельность духа. Это—особое умѣніе хотя бы просто схватить картину *цѣлаго* тамъ, гдѣ называется только „часть“: мы *говоримъ* о физическомъ, живомъ, моральномъ, экономическомъ, политическомъ и пр., и пр.,—все это нужно реституировать какъ единое передъ своимъ умственнымъ взоромъ! Но вѣдь требуется еще больше: нужно по внѣшнему, наружному, проникнувъ сквозь него, дойти до внутренняго, интимнаго, ибо это и есть путь уразумѣнія и интерпретаціи. Мы удивляемся на натуралиста, который по одной кости ископаемаго возстанавливаетъ передъ нами обликъ когда-то существовавшего и теперь исчезнувшего вида,—но насколько же сложнѣе та конкретная интуиція, съ помощью которой мы возстанавливаемъ картину историческаго быта по ничтожнѣйшему иногда слѣду человѣка...

Я не настаиваю на томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло непосредственно съ особымъ „третьимъ“ самостоятельнымъ источникомъ нашего познанія, но здѣсь, очевидно, есть такое своеобразіе, мимо котораго не можетъ пройти философскій умъ со своей логикой и методологіей. Онъ долженъ

поставить здѣсь свои проблемы и долженъ искать для нихъ свои рѣшенія.

Какъ проблемы конкретнаго, онѣ не безусловно новы для философіи, но новое содержаніе конкретнаго даетъ новую характеристику: *задачи современнаго философскаго знанія суть задачи исторической философіи.* Какъ мѣняется и прогрессируетъ содержаніе жизни и „мировоззрѣнія“, такъ только мѣняется содержаніе философскаго конкретнаго!—Философская традиція не есть передача отъ поколѣнія къ поколѣнію зарытаго въ землю таланта: это есть духовный ростъ и обогащеніе. Требовать, чтобы философія устанавливала незыблемыя положенія, какъ въ специальныхъ отвлеченныхъ наукахъ, значитъ требовать, чтобы наша философія въ точности только копировала жизненный опытъ нашихъ предковъ, а не заботилась о своемъ собственномъ опытѣ! Специальныя науки довольствуются, дѣйствительно, незыблемыми положеніями, запечатлѣвая въ нихъ именно частное и въ его абстрактности,—такія формулы остаются; здѣсь ростъ есть не что иное, какъ *накопленіе*. Въ философіи ростъ есть всегда новое и новое порожденіе,—философія не накапливаетъ, а *производително тратитъ*. Поэтому-то, не объ незыблемости положеній ея забота, а объ единствѣ и преемствѣ ея творческаго движенія.

Это единство я и понимаю, какъ традицію положительной философіи. И я смѣю думать, что ощущаю эту традицію не какъ отдаленную, общую и косвенную связь, а какъ живое, самое близкое и непосредственное духовное единство. Возьмемъ только *наше* и самое ближайшее: кто станетъ отрицать, что философскія ученія Юркевича, Соловьева, кн. С. Трубецкого, Лопатина входятъ именно въ традицію положительной философіи, идущую, какъ я указывалъ, отъ Платона? И мы видимъ, что Юркевичъ понималъ философію, какъ *полное и цѣлостное* знаніе,—философія для него, какъ цѣлостное мировоззрѣніе,—дѣло не человѣка, а человѣчества; Вл. Соловьевъ начинаетъ съ критики отвлеченной философіи и уже въ „Философскихъ началахъ

цѣльнаго знанія“ даетъ настоящую конкретно-историческую философію; кн. С. Н. Трубецкой называетъ свое ученіе „конкретнымъ идеализмомъ“; система Л. М. Лопатина есть „система конкретно спиритуализма“...

Этого всего достаточно, чтобы видѣть то единство, въ направленіи котораго должна и дальше слѣдовать наша положительная философія. Въ этомъ направленіи должны быть сосредоточены наши стремленія, въ этомъ направленіи должны прилагаться наши силы...

Густавъ Шпетъ.

Объ общественномъ идеалѣ. ¹⁾

Практическая двойственность марксизма: противорѣчія эволюціонизма и утопизма, фатализма и прагматизма. Необходимость обнаруженія этихъ противорѣчій. Распаденіе марксизма на реалистическое и утопическое направленія. Колебанія Маркса между реализмомъ и утопизмомъ. „Коммунистическій Манифестъ“, какъ цѣлостное выраженіе революціоннаго утопизма. Послѣдующія уступки реалистической программѣ. Признаніе политики частныхъ улучшеній. Попытка сочетанія этой политики съ революціонными требованіями. Отступленіе отъ чисто революціонной доктрины. Отношеніе Маркса и Энгельса къ идеѣ государства. Двойственность этого отношенія. Критика идеи государства въ раннихъ статьяхъ Маркса. Утопія безгосударственнаго состоянія. Позднѣйшія формулы классовой теоріи государства. Мысль объ исчезновеніи государства въ социалистическомъ строѣ. Противорѣчіе этой мысли съ идеей обобществленія и регулированія хозяйственнаго оборота. Идея саморегулированія общественной жизни, какъ скрытое предположеніе утопіи безгосударственнаго состоянія. Отрицаніе демократическаго государства съ точки зрѣнія этой утопіи. Практическая неизбѣжность для социализма признанія государственной идеи. Марксъ и Бакуинь. Марксъ и Лассаль. Государственный социализмъ Лассала и революціонный социализмъ Маркса. Позднѣйшая эволюція марксизма у Энгельса.

Основное противорѣчіе, которое раскрывается при анализѣ философскихъ основъ классическаго марксизма, есть противорѣчіе между абсолютизмомъ его конечныхъ практическихъ стремленій и требованіемъ относительности, которое вытекаетъ и изъ его собственной теоріи, и изъ началъ научнаго познанія, подъ знамя котораго онъ становится. Утопія земнаго рая со всѣми ея догматами о вели-

¹⁾ Вопр. фил. и псих. кн. 132—133.

чи и торжествѣ челоуѣка въ будущемъ царствѣ свободы никакъ не могла быть примирена съ теоріей научнаго эволюціонизма, и всего менѣе она могла быть примирена съ тѣмъ нигилистическимъ релятивизмомъ, который проповѣдывался марксизмомъ. Столь же трудно было провести до конца то сочетаніе фатализма и прагматизма, которое свойственно было ученію Маркса. Фаталистическая увѣренность въ неизбѣжномъ наступленіи совершеннаго состоянія въ сущности низводила челоуѣческое дѣйствіе до степени простаго отраженія объективнаго хода событій. Что значать призывы къ дѣйствію и борьбѣ, если все рѣшается неотвратимыми имманентными законами исторіи? Эта несогласованность марксистской доктрины легко скрывалась въ теоретическомъ построеніи, въ которомъ основныя идеи ярко окрашивали всю систему, придавая ей характеръ стройнаго единства; только болѣе внимательный анализъ обнаруживаетъ ея внутреннія противорѣчія. Но не столь же легко было сохранить это видимое единство системы, когда отъ теоріи переходили къ практическому приложенію. Здѣсь надо было говорить о средствахъ къ цѣли, о программѣ дѣйствій, а эта программа не могла остаться одинаковой и въ теоріи эволюціонизма, и въ утопіи ожидаемаго абсолютнаго совершенства. Это два противоположныхъ полюса мысли, которые тотчасъ же обнаруживаютъ свою непримиримость, какъ только жизнь своей неумолимой логикой подчеркиваетъ ихъ противорѣчіе.

И въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія эволюціонизма осуществленіе социалистическаго идеала должно совершиться путемъ медленнаго, но вѣрнаго дѣйствія законовъ историческаго развитія. Социализмъ долженъ вырасти изъ капитализма, какъ пышное растеніе вырастаетъ изъ своего зерна. Превращеніе настоящаго общества въ будущее произойдетъ незамѣтно и постепенно путемъ неумолимыхъ и послѣдовательныхъ переходовъ. Соотвѣтственно съ такимъ пониманіемъ историческаго развитія слѣдовало бы заключить, что и практическія дѣйствія, направленные къ осу-

ществленію лучшаго будущаго, должны сообразоваться съ послѣдовательностью эволюціоннаго процесса, должны приспособляться къ условіямъ и обстоятельствамъ, къ времени и мѣсту.

Таковы выводы, вытекавшіе изъ эволюціонной теоріи. Но утопія грядущаго абсолютнаго совершенства не могла примириться съ такой картиной мирнаго послѣдовательнаго развитія. Казалось невозможнымъ, чтобы новый міръ содался изъ стараго путемъ послѣдовательныхъ перемѣнъ, чтобы идеальное будущее постепенно выросло изъ настоящаго. Чѣмъ болѣе подчеркивалось противорѣчіе между сіяющимъ свѣтомъ грядущаго совершенства и непрогляднымъ мракомъ современнаго состоянія, тѣмъ болѣе представлялось невозможнымъ установить между ними непрерывную цѣпь развитія, найти органическую связь. Жизнь преобразенная и совершенная можетъ наступить лишь послѣ кореннаго переворота, послѣ окончательнаго и абсолютнаго перерожденія. Мысль требовала тутъ радикальнаго разрыва съ прошлымъ, мгновеннаго и катастрофическаго перелома существующихъ отношеній, и здѣсь въ марксистскую идеологію вторгались элементы, чуждые эволюціонизму: появлялись идеи о „прыжкѣ изъ царства необходимости въ царство свободы“, о социальной революціи, о сокрушительной катастрофѣ. Въ своей замѣчательной статьѣ: „Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung“ Струве показали, насколько всѣ эти идеи, которыя Маркс искусно соединялъ въ своей теоріи эволюціи, и философски непріемлемы и внутренне противорѣчивы ¹⁾. Идея социальной революціи есть идея социального чуда, прерывающаго естественный ходъ вещей. Съ этой стороны она вполне соответствуетъ утопіи абсолютнаго преобразенія дѣйствительности, но кореннымъ образомъ противорѣчитъ эволюціонной теоріи. Какъ замѣтилъ еще Бернштейнъ, въ

¹⁾ Braun's Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. Bd. XIV, см. особенно SS. 673—675, 682—685, 692.

марксизмъ есть несомнѣнный элементъ бланкизма и бабувизма: къ понятію естественной эволюціи въ немъ присоединяется понятіе переворота ¹⁾. Правда, реалистическое міровоззрѣніе Маркса сказалось и въ самомъ представленіи объ этомъ переворотѣ: онъ представлялъ его себѣ не въ видѣ произвольнаго акта, осуществляемаго въ любой моментъ человѣческой волей, а въ видѣ закономернаго конца назрѣвшихъ общественныхъ конфликтовъ, наступающаго лишь въ опредѣленное время въ силу внутреннихъ законовъ историческаго развитія. Такимъ образомъ самый его утопизмъ опирался, повидимому, на реалистическій фундаментъ. Однако, эта видимость реализма всецѣло покрывалась утопическимъ завершеніемъ программы: вѣрой въ близкое и безусловное торжество социализма. И сообразно этой вѣрѣ практическіе выводы эволюціонизма отсѣкались и отбрасывались, а на мѣсто ихъ выступали требованія утопіи абсолютнаго совершенства. Предъ величіемъ конечной цѣли, предъ безусловнымъ счастьемъ социалистическаго рая всѣ временныя и частныя улучшения не могутъ не казаться незначительными и ничтожными. Всякія отдѣльныя мѣры и реформы должны быть отвергнуты, какъ поверхностныя палліативы, отвлекающіе отъ единаго истиннаго пути. Тутъ могутъ быть оправданы только дѣйствія окончательныя, непосредственно приближающія къ конечной цѣли, представляющія послѣдній шагъ въ царство свободы. Утопическая мысль невольно подсказывала здѣсь образъ всеобщей катастрофы, полной революціи всѣхъ общественныхъ отношеній, послѣ чего міръ станетъ инымъ и лучшимъ. И чѣмъ ближе казался желанный конецъ, тѣмъ рѣшительнѣе отбрасывались всякія временныя реформы, всякіе компромиссы съ этимъ несовершеннымъ міромъ отживающей дѣйствительности, тѣмъ болѣе казались они ничтожными и ненужными. Спокойно готовится

¹⁾ Bernstein, Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart 1899. SS. 27—36.

къ приближающейся катастрофѣ и затѣмъ нанести существующему послѣдній роковой ударъ—вотъ тактика, которая вытекала изъ утопическихъ вѣрованій марксизма. Когда Марксъ и Энгельсъ говорили, что господство пролетаріата осуществится въ близкомъ будущемъ, что оно будетъ полнымъ и безусловнымъ, оставалось, очевидно, лишь ждать этого часа, когда власть, какъ зрѣлый плодъ, достанется въ руки рабочаго класса, когда достаточно будетъ совершить нѣкоторыя, такъ сказать, символическія дѣйствія, чтобы окончательно закрѣпить наступленіе новой эпохи.

Но провозглашать такую вѣру можно было только въ ожиданіи близкаго наступленія катастрофы, когда всѣ частныя усилія кажутся ничтожными предъ неотвратимостью великаго переворота, когда вся жажда дѣйствія выливается въ одну всеобъемлющую мечту. Только въ такомъ случаѣ получало свою убѣдительность и то сочетаніе утопизма и реализма, которое мы находимъ у Маркса. Когда процессъ историческаго развитія изображался такъ, что неотвратимые естественные законы предрѣшаютъ скорое наступленіе катастрофы, что всѣ признаки времени, всѣ реальныя данныя говорятъ за это, получалось впечатлѣніе, что мы имѣемъ дѣло не съ утопійей, не съ мечтой, а съ прямымъ выводомъ изъ фактовъ. Но стоило поколебаться этой надеждѣ на неотвратимое и близкое наступленіе великаго исхода, и цѣльность марсистскаго синтеза должна была потерпѣть крушеніе. Утопическій и реалистическій элементы его, столь прочно спаянные вѣрующимъ энтузіазмомъ Маркса, тотчасъ же разъединились. Утопическая вѣра, не находя для себя прежней опоры въ наблюденіи надъ неотвратимымъ и естественнымъ ходомъ реальныхъ событій, вынуждалась искать для себя какой-либо иной поддержки, менѣе реалистической, а изученіе реального хода событій, не вдохновляемое прежней вѣрой, обращалось противъ ея утопическихъ указаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ разъединились и два другіе элемента марксистскаго построения,—

фатализмъ и прагматизмъ,—также сохранявшіе свое сочетаніе лишь силою первоначальной вѣры. По мѣрѣ того какъ ускользала изъ вида прямая и непосредственная связь естественнаго хода событій съ желаннымъ великимъ результатомъ,—вслѣдствіе того, что этотъ результатъ все болѣе отодвигался въ туманную даль,—фатализмъ утрачивалъ свою убѣждающую силу, и укрѣплялся прагматизмъ; возрасталъ духъ дѣятельнаго участія въ историческомъ процессѣ, духъ активнаго содѣйствія приближенію лучшаго будущаго. Сидѣть и ждать, утѣшая себя тѣмъ, что рано или поздно великій день все же наступитъ, что если не намъ, такъ отдаленнымъ потомкамъ нашимъ все же доставятся плоды естественной эволюціи, для этого надо было имѣть слишкомъ горячую и твердую вѣру. А для того, чтобы обречь себя на отказъ отъ временныхъ улучшеній своего быта, отъ частныхъ, хотя и палліативныхъ реформъ, нужно было еще и значительное самоотреченіе, нуженъ былъ политическій аскетизмъ, подкрѣпленный непреклонной вѣрой въ торжество социализма. Дальнѣйшая судьба марксизма показала, что такая позиція противорѣчитъ всѣмъ инстинктамъ дѣятельнаго человѣческаго сознанія, что у социальныхъ группъ, поставленныхъ въ водоворотъ событій, жажда политическаго дѣйствія перевѣшиваетъ доводы отвлеченной мысли, призывающей вѣрить въ естественное теченіе эволюціи. Но соотвѣтственно двумъ сторонамъ марксизма, утопической и реалистической, и жажда дѣйствія проявлялась въ двухъ направленіяхъ: или перевѣшивалъ элементъ реалистической, и тогда, несмотря на утопическія пророчества о будущемъ всецѣломъ переворотѣ, принимались за политику послѣдовательныхъ реформъ, съ ея частными мѣрами и ближайшими задачами, съ ея компромиссами и палліативами; или же перевѣшивалъ элементъ утопической, и тогда, вопреки всѣмъ указаніямъ на естественный ходъ событій, на закономѣрное теченіе исторіи, впадали въ старую революціонную вѣру и хотѣли дѣятельнымъ вмѣшательствомъ силы, прямымъ и непосредствен-

нымъ дѣйствіемъ приблизить счастливый конецъ. Очевидно, это двѣ совершенно различныхъ тактики: въ первомъ случаѣ мы имѣемъ социализмъ реформистскій, практическій; во второмъ—социализмъ революціонный, бунтарскій. Но въ томъ и въ другомъ случаѣ фатализмъ отгѣсняется прагматизмомъ. Не ждать, а дѣйствовать, не ограничиваться вѣрой въ пришествіе будущаго блаженства, а стараться его приблизить—вотъ лозунги обоихъ противоположныхъ теченій новаго социализма. Ясно, что оба эти теченія представляютъ собою знаменіе конца или, чтобы повторить выраженіе Струве, *facies Hippocratica* стараго марксизма. Социализмъ реформистскій уничтожаетъ марксизмъ, какъ утопію, какъ вѣру, какъ міросозерцаніе, превращая его въ одинъ изъ методовъ усовершенствованія общественной жизни. Социализмъ революціонный наноситъ непоправимый ударъ реалистической основѣ марксизма, которая поистинѣ составляетъ его силу и славу. Бернштейнъ и Сорель сколько угодно могутъ называть себя марксистами, но истиннаго и подлиннаго марксизма у нихъ уже нѣтъ, хотя оба они, каждый по своему, социалисты.

Изъ всего сказаннаго видно, какое огромное и опредѣляющее значеніе для судьбы марксизма имѣло крушеніе вѣры въ близкое, естественное и неотвратимое торжество социализма. Сила этой вѣры спаяла въ марксизмъ воедино столь противорѣчивые элементы, какъ реализмъ и утопизмъ, фатализмъ и прагматизмъ; она сдѣлала изъ него то синтетическое цѣлое, которое своей цѣльностью и стройностью такъ обаятельно дѣйствовало на его приверженцевъ. Неудивительно, если потомъ такъ старались поддержать и воспламенить эту вѣру, какъ лучезарный свѣтъ, какъ яркое солнце социализма. Но очевидно, что продолжаться долго это постоянное оживленіе старой вѣры не могло. Первымъ провозвѣстникамъ марксизма легко было вѣрить и провозглашать свою вѣру: они были убѣждены, на основаніи даннаго ими истолкованія фактовъ, что дѣйствительность ихъ оправдаетъ, что они говорятъ, какъ глашатаи занимаю-

щейся новой зари. Но чѣмъ далѣе шло время, чѣмъ болѣе факты оказывались непокорными и неподатливыми для произведенія великаго результата, тѣмъ труднѣе было сохранить непреклонность фаталистическаго ожиданія. И здѣсь-то обнаруживался въ марксизмѣ глубокой и роковой пробѣлъ. Великая катастрофа наступить—говорилъ марксизмъ—и наступить по неотвратимымъ имманентнымъ законамъ; но какъ удостовѣрить, что она наступить скоро,—здѣсь встрѣчался камень преткновенія. Марксъ думалъ первоначально, что, основываясь на фактахъ, онъ можетъ это опредѣлить съ должной точностью; но его собственный опытъ вскорѣ показалъ, что эти опредѣленія приходилось постоянно мѣнять, въ соотвѣтствіи съ мѣняющейся картиной событій. Очевидно, одного научнаго знанія оказывалось недостаточно, для того чтобы съ точностью предвидѣть будущее, и тамъ, гдѣ не хватало знанія, рѣшающее значеніе получалъ темпераментъ. Тѣмъ, у кого реалистическія сомнѣнія перевѣшивали утопическую вѣру, приходилось приспособлять свою мысль къ перспективѣ болѣе или менѣе долговременной переходной поры, къ представленію о длительномъ и затяжномъ характерѣ предстоящаго періода подготовленія. И наоборотъ, у тѣхъ, кто болѣе вдохновлялся страстью революціоннаго дерзанія, тяжелый балластъ реалистическихъ данныхъ выбрасывался за бортъ, и воздушный полетъ утопической мысли открывалъ уже въ близкомъ будущемъ яркіе горизонты обѣтованной земли.

Такъ въ самомъ существѣ марксизма—въ невозможности для него оправдать объективными данными вѣру въ неотвратимость и близость социальной революціи и въ неизбѣжной зависимости этой вѣры отъ субъективнаго настроенія—заключался источникъ его постоянныхъ колебаній между утопизмомъ и реализмомъ, между фатализмомъ и прагматизмомъ. Но, быть можетъ, лучшимъ подтвержденіемъ неизбѣжности этихъ колебаній служить примѣръ самого Маркса. Синтезъ разнородныхъ элементовъ, имъ достигнутый,

съ перваго взгляда представляется весьма стройнымъ и блестящимъ. Но испытаніе времени вскорѣ обнаружило, что этотъ синтезъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма шаткимъ и непрочнымъ. Не трудно показать, что подъ внѣшней видимостью гармоническаго единства эти элементы очень скоро у самого Маркса вступаютъ въ противорѣчіе и противоборство. Неудивительно, если вполнѣдствіи самыя противоположныя теченія марксизма ссылаются на своего родоначальника: это объясняется тѣмъ, что при личности въ его системѣ противорѣчивыхъ основаній, эти основанія уже у него самого приходили къ обособленію и столкновенію. И причиной этихъ внутреннихъ бореній въ мысли самого Маркса является именно то обстоятельство, которое мы здѣсь подчеркнули: явная зависимость цѣльности его синтеза отъ субъективнаго настроенія, отъ субъективной вѣры въ близость и неотвратимость социальной революціи¹⁾.

Марксъ сороковыхъ годовъ, съ необычайной яркостью и пламеннымъ воодушевленіемъ залагающій основы своего ученія, горячо и страстно вѣрить въ скорое пришествіе пролетарской революціи. Послѣ 48-го года онъ долженъ былъ признать, что надежда его была обманчива; однако, онъ не оставляетъ ея, а только откладываетъ. Онъ все ждетъ великихъ событій, которыя приблизятъ желанный часъ, и до конца жизни сохраняетъ мечту юности, продолжая вѣрить, что наступаетъ торжество социализма. А

¹⁾ Исторія этихъ внутреннихъ бореній марксизма, изъ которой въ дальнѣйшемъ изложеніи мы выдвигаемъ только нѣкоторые болѣе крупные моменты, была не разъ изложена, и притомъ подъ весьма различными углами зрѣнія. Такъ см. обстоятельное изложеніе у Mehring'a, *geschichte der Deutschen Sozialdemokratie*. I—IV Bände. Zweite Auflage. Stuttgart 1903—1904, русск. переводъ въ изданіи Т-ва Гранатъ; на русскомъ языкѣ необходимо отмѣтить старательно написанный очеркъ Ю. Стеклова, Политическая дѣятельность Карла Маркса, въ сборникѣ: Памяти Карла Маркса. СПб. 1908. Краткое противоположеніе моментовъ эволюціонизма и революціонизма см. у Hammacher'a, *Das philisosophisch-ökonomische System des Marxismus*, SS. 91—96.

вмѣстѣ съ тѣмъ съ трезвостью научно-мыслящаго реалиста онъ долженъ былъ не разъ признать, что факты говорятъ иное, что моментъ еще не пришелъ. Этими колебаніями между реальностью и мечтою, между научной трезвостью и утопическимъ оптимизмомъ объясняется противорѣчіе абсолютной и относительной точекъ зрѣнія, проходящее черезъ всѣ его взгляды на дѣйствительность. Къ этому присоединяется и соотвѣтственное колебаніе между фатализмомъ и прагматизмомъ, между непреклонной вѣрой въ скорую и неминуемую побѣду и потребностью активного вмѣшательства въ ходъ исторіи.

„Коммунистическій Манифестъ“, написанный Марксомъ въ сотрудничествѣ съ Энгельсомъ, останется навсегда классическимъ образцомъ революціоннаго міросозерцанія, которое основано на вѣрѣ въ близость сокрушительнаго и всеисцѣляющаго переворота. Написанный въ 1847 году, наканунѣ февральской революціи „Коммунистическій Манифестъ“ отразилъ на себѣ всю напряженность ожиданій этой предреволюціонной поры. Духовные корни марксизма здѣсь, въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія. Впослѣдствіи основанія этой доктрины были значительно расширены и подкрѣплены богатымъ новымъ матеріаломъ, но первоначальный духъ его остался неприкосновеннымъ. При свѣтѣ болѣе зрѣлаго опыта тѣ пламенные надежды, съ которыми Марксъ и Энгельсъ встрѣтили революцію 1848 года, казались имъ самымъ „пріятными самообольщеніями и почти дѣтскимъ энтузіазмомъ“, чтобы употребить собственное выраженіе Маркса изъ письма его къ Энгельсу отъ 1863 года¹⁾. Однако основы этого революціоннаго настроенія

¹⁾ Привожу здѣсь полностью это интересное мѣсто изъ указаннаго письма Маркса: „So viel ist sicher, die Era of revolution ist nun wieder fairly opened in Europa. Und der allgemeine Stand der Dinge gut. Aber die gemüthlichen delusions und der fast kindliche Enthusiasmus, mit dem wir vor Februar 1848 die Revolutionsära begrüßten, sind zum Teufel. Alte Kameraden wie Weerth usw. sind hin, andere sind abgefallen oder verkommen und neuer Zuwachswenigstens noch nicht sichtbar. Zudem wissen wir jetzt, welche Rolle die Dummheit in Revolutionen spielt und wie sie von Lumpen exploitiert werden.“—

остались все же незабываемыми. Въ 1872 году, въ предисловіи къ болѣе позднему изданію „Коммунистическаго Манифеста“ Марксъ и Энгельсъ сами засвидѣтельствовали, что несмотря на истекшія двадцать пять лѣтъ общіе принципы „Манифеста“ представляются имъ „совершенно справедливыми“. Каковы же были эти принципы?

Впечатлѣніе, получаемое отъ чтенія этого документа, таково, что здѣсь ожидается окончательный переворотъ, полное преображеніе всей человѣческой жизни. Тутъ бросается вызовъ всему существующему міру съ его законами, моралью, религіей¹⁾. Бросается вызовъ всѣмъ историческимъ связямъ, границамъ и подраздѣленіямъ. Узы отечества и семейства, различіе націй и классовъ, грани государства и собственности, все это должно исчезнуть предъ великимъ новымъ объединеніемъ²⁾. Пролетаріату вручается священная миссія освободить человѣчество отъ всякой эксплуатаціи, отъ всякаго угнетенія и отъ всякой борьбы³⁾. Поэтому и заключительный лозунгъ манифеста: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ звучитъ какъ призывъ къ полному преображенію міра. Это былъ именно тотъ социализмъ, который хотѣлъ пересоздать все существующее, который стремился стать для человѣка его новымъ евангеліемъ. Все отвергнуть, для того чтобы все создать вновь, быть для человѣка всей его вѣрой, всей надеждой, всей радостью жизни—вотъ какія обѣщанія таитъ въ себѣ этотъ замѣчательный документъ.

Выступая съ такими смѣлыми обѣщаніями, „Коммунистическій Манифестъ“ не хочетъ однако стоять на почвѣ отвлеченныхъ формулъ и неопредѣленныхъ пророчествъ. Онъ

Der Briefwechsel zwischen Fr. Engels und K. Marx 1844 bis 1883. Herausgegeben von A. Bebel und Ed. Bernstein. Stuttgart 1913. Bd. III, J. 116 (письмо отъ 13 февраля 1863 года).

¹⁾ Das Kommunistische Manifest. Achte autorisierte deutsche Ausgabe. Berlin 1912. SS. 35, 43—44.

²⁾ Ibid. SS. 38—43.

³⁾ Такъ характеризуетъ основную идею „Коммунистическаго Манифеста“ Энгельсъ въ предисловіи къ изданію 1883 года. См. Ibid. S. 19.

знаеть для своихъ предсказаній конкретный историческій путь. Борьба пролетаріата съ буржуазіей по существу не имѣеть національнаго характера, ея цѣлю и прямымъ послѣдствіемъ будетъ уничтоженіе національныхъ различій. Но эта борьба по необходимости начнется въ національныхъ рамкахъ: пролетаріатъ каждой страны прежде всего долженъ справиться съ своей собственной буржуазіей¹⁾. При этомъ одна страна по своимъ особымъ условіямъ должна выдвинуться въ предстоящемъ великомъ движеніи на первое мѣсто. Эта страна—Германія. Ей предстоитъ буржуазная революція, но эту революцію она совершитъ при всеобщемъ развитіи европейской цивилизаціи и при такомъ ростѣ пролетаріата, какого не знали ни Англія въ XVII вѣкѣ, ни Франція въ XVIII. Нѣмецкая буржуазная революція будетъ по необходимости непосредственнымъ преддверіемъ къ революціи пролетарской²⁾. Авторы „Манифеста“ какъ бы переживаютъ надвигающуюся грозу, они говорятъ, какъ властители завтрашняго дня, увѣренные въ побѣдѣ и предъявляющіе ультиматумъ. „Коммунисты считаютъ недостойнымъ скрывать свои мнѣнія и свои намѣренія. Они объявляютъ открыто, что ихъ цѣли могутъ быть осуществлены только насильственнымъ ниспроверженіемъ всего до сихъ поръ существовавшаго общественнаго порядка. Пусть правящіе классы трепещутъ предъ коммунистической революціей. Пролетаріи не могутъ потерять въ ней ничего, кромѣ своихъ цѣпей. Приобрѣсть они могутъ весь міръ“³⁾.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ предположеніемъ о близкомъ концѣ буржуазнаго строя и конкретныя мѣры, которыя рекомендуются въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“, имѣють явно выраженный революціонный характеръ⁴⁾. Экспроприація земельной собственности, обращеніе земельной

1) Ibid. S. 36.

2) Ibid. S. 36.

3) Ibid. S. 78.

4) Ibid. S. 53.

ренты на государственные расходы, высокій прогрессивный налогъ, уничтоженіе права наслѣдованія, конфискація имущества эмигрантовъ и бунтовщиковъ, всѣ эти и тому подобныя постановленія, указываемыя „Манифестомъ“, очевидно предполагаютъ и полную побѣду пролетаріата, и близость окончательнаго измѣненія всѣхъ существующихъ отношеній.

Таковъ основной характеръ этого документа, который, какъ бы ни относиться къ его идеямъ, слѣдуетъ признать произведеніемъ замѣчательнымъ. Значеніе его, какъ удивительно цѣльнаго и глубокаго выраженія революціонной мысли, неоспоримо. Въ немъ чувствуется какая-то сосредоточенная сила практическаго убѣжденія, какой-то необычайный подъемъ воли къ дѣйствию. Его пророчества дышатъ всей искренностью вѣры, не колеблемой никакими сомнѣніями. Это вѣра первыхъ провозвѣстниковъ новыхъ началъ, для которыхъ провозглашаемые ими завѣты представляются всемогущими. По единству мысли и настроенія „Коммунистическій Манифестъ“ значительно превосходитъ аналогичное произведеніе XVIII вѣка: „Объ общественномъ договорѣ“. Понятно, что онъ сталъ „наиболѣе распространеннымъ, наиболѣе международнымъ произведеніемъ всей социалистической литературы, общей программой милліоновъ рабочихъ всѣхъ странъ, отъ Сибири до Калифорніи“¹⁾. Понятно, что и до сихъ поръ онъ встрѣчаетъ восторженные отзывы и со стороны лицъ, не раздѣляющихъ догматовъ марксизма²⁾.

„Коммунистическій Манифестъ“ стоитъ всецѣло на почвѣ утопическаго революціоннаго абсолютизма: онъ пророчитъ полное отрѣшеніе отъ старыхъ основъ и общаетъ пролетаріату весь міръ. Эта вѣра въ социальную революцію съ

1) Слова Энгельса въ предисловіи къ изданію „Коммунистическаго Манифеста“ 1890 года. См. Mehring, Geschichte der deutschen Sozialdemokratie Bd. I, S 371; русскій пер. Т. I, стр. 376.

2) Sombart, Sozialismus und soziale Bewegung. Fünfte Auflage. Iena 1905. S. 53.

ея абсолютными перспективами никогда не покидала Маркса: она одушевляетъ и ту тяжеловѣсную массу фактовъ, цифръ, теорій, которая составляетъ столь внушительный фундаментъ трехъ томовъ „Капитала“. Но постепенно въ настроеніи Маркса крѣпнеть другая тенденція—реалистическая, связанная съ тѣмъ самымъ духомъ научнаго историзма, которымъ онъ хотѣлъ подкрѣпить старую социалистическую утопію. Еще въ мартѣ 1846 года въ извѣстномъ столкновеніи съ Вейтлингомъ Марксъ рѣзко осудилъ „возбужденіе фантастическихъ надеждъ“ безъ строго научной идеи и положительнаго ученія. „Люди безъ положительныхъ доктринъ“—говорилъ онъ—„ничего не могутъ сдѣлать да и не сдѣлали до сихъ поръ, кромѣ шума, вредныхъ вспышекъ и гибели самого дѣла, за которое принялись“¹⁾.

Въ слѣдующемъ году, когда онъ писалъ „Коммунистическій Манифестъ“, ему казалось, что развертывающіяся событія и людямъ положительнаго ученія даютъ основанія не колебаться. Онъ принялъ живѣйшее участіе въ революціонномъ движеніи, писалъ циркуляры отъ „Союза коммунистовъ“, печаталъ статьи въ газетахъ, давалъ наставленія, громилъ и порицалъ за невѣрные шаги. Когда надежды его на буржуазную революцію рушились, онъ сталъ ожидать самостоятельнаго выступленія пролетаріата. Какъ показываетъ воззваніе центрального комитета „Союза коммунистовъ“, въ мартѣ 1850 года онъ ждалъ новой революціи, „которая будетъ вызвана либо самостоятельнымъ возстаніемъ французскаго пролетаріата, либо походомъ Священнаго союза противъ революціоннаго Вавилона“. Воззваніе рекомендуетъ пролетаріату сдѣлать революцію непрерывной, „пока всѣ болѣе или менѣе имущіе классы не будутъ оттѣснены отъ господства, пока государственная власть

¹⁾ О времени столкновенія Маркса съ Вейтлингомъ см. Ch. Andler, *Le manifeste communiste II. Introduction historique et commentaire*. Paris 1910. Pp. 35—39. Note 2.—Подробности этого эпизода переданы у Анненкова, *Замѣчательное десятилѣтіе, въ собраніи статей и замѣтокъ подъ заглавіемъ: „Воспомяванія и критическіе очерки“*. Отдѣлъ III. СПб. 1881. Стр. 156—158.

не будетъ завоевана пролетариатомъ, и ассоціація пролетаріевъ—не только въ одной странѣ, а во всѣхъ господствующихъ странахъ міра,—не сдѣлаеть такихъ успѣховъ, что прекратится конкуренція пролетаріевъ въ этихъ странахъ, и производительныя силы, по крайней мѣрѣ главныя, не сосредоточатся въ рукахъ пролетаріевъ“¹⁾. Это, очевидно, идеи и языкъ „Коммунистическаго Манифеста“. Такъ подъ влияніемъ политическаго возбужденія утопической элементъ снова перевѣшивалъ, и Марксъ призывалъ пролетариатъ подъ знамя революціи, отъ которой онъ ждалъ самыхъ рѣшительныхъ результатовъ. Очевидно, не одно положительное знаніе опредѣляло его практическіе совѣты. Этого знанія оказывалось слишкомъ недостаточно, чтобы съ точностью предвидѣть будущее, и за невозможностью точнаго предвидѣнія вступалъ въ свои права революціонный темпераментъ.

Однако, какъ только схлынула волна энтузіазма, Марксъ опять является предъ нами во всеоружіи своей реалистической трезвости. Въ томъ же 1850 году подъ влияніемъ тщательнаго изученія фактовъ онъ пришелъ къ выводу, что надежды на близкую революцію преждевременны. Въ интересной статьѣ, написанной имъ вмѣстѣ съ Энгельсомъ для послѣдней книжки „Die Neue Rheinische Revue“, въ результатѣ обзора экономическихъ условій высказывалось слѣдующее важное заключеніе: „при такомъ всеобщемъ подъемѣ, когда такъ пышно развиваются производительныя силы буржуазнаго общества, насколько это вообще возможно въ рамкахъ буржуазныхъ отношеній, о дѣйствительной революціи не можетъ быть и рѣчи. Подобная революція возможна только въ такіе періоды, когда оба эти фактора, современные производительныя силы и буржуазныя формы, приходятъ въ противорѣчіе другъ съ другомъ“¹⁾. Такъ научная теорія давала Марксу твердую почву для политиче-

¹⁾ Mehring, Geschichte der deutschen Socialdemokratie, Bd. II, S. 185; русскій пер. Т. II, стр. 185.

¹⁾ Neue Rheinische Revue. London. 1 November 1850. Перепечатано въ сборникѣ: Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Fr. Engels und F.

скихъ сужденій, и сила его позиціи ярко обнаруживалась въ спорахъ съ беспочвеннымъ бунтарствомъ. Столкновение его въ Союзѣ коммунистовъ съ Виллихомъ и Шапперомъ въ томъ же 1850 году дало ему поводъ рѣзко подчеркнуть свою реалистическую точку зрѣнія. Возражая меньшинству съ Виллихомъ и Шапперомъ во главѣ, онъ говорилъ: „на мѣсто критическаго воззрѣнія меньшинство ставитъ догматическое, на мѣсто матеріалистическаго—идеалистическое. вмѣсто дѣйствительныхъ отношеній двигателемъ революціи является для него одна воля. Мы говоримъ рабочимъ: вы должны 15, 20, 50 лѣтъ вести междоусобныя и международныя войны не только для того, чтобы измѣнить внѣшнія условія, но и для того, чтобы измѣнить самихъ себя и сдѣлать себя способными къ политическому господству; вы, наоборотъ, говорите: мы должны сейчасъ же достигнуть власти, иначе мы можемъ ложиться спать. Въ то время какъ мы указываемъ специально нѣмецкимъ рабочимъ на неразвитое состояніе нѣмецкаго пролетаріата, вы самымъ грубымъ образомъ льстите національному чувству и словеснымъ предразсудкамъ нѣмецкихъ ремесленниковъ, что конечно популярнѣе. Подобно тому какъ демократы превратили слово народъ въ нѣчто священное, такъ вы поступаете со словомъ пролетаріатъ. Подобно демократіи, вы подсовываете на мѣсто революціоннаго развитія революціонную фразу“¹⁾.

Эти замѣчательныя слова Маркса показываютъ, насколько ясно онъ понималъ, что для коренныхъ измѣненій общества необходимо время, необходимо измѣненіе и условій, и людей. Какъ мѣтко нападаетъ онъ на славословія пролетаріату! Какъ рѣшительно осуждаетъ революціонную фразу! Но не самъ ли онъ въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ приписывалъ пролетаріату высшее значеніе, надѣлялъ

Lassalle. Bd. III., S. 467. См. Mehring, Geschichte der deutschen Sozialdemokratie, Bd. II., S. 192; русскій пер. т. II, стр. 192.

¹⁾ Mehring, Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. Bd. II, S. 190; русскій пер. т. II, стр. 190.

его священной миссией? Не самъ ли онъ и въ этомъ „Манифестъ“, и въ воззваніи центрального комитета союза коммунистовъ высказывалъ угрозы, которыя остались революционными фразами? Очевидно, съ самого начала его теорія и возбуждала преувеличенныя надежды, и носила въ себѣ внутреннія сдержки и ограниченія. Это былъ результатъ того сочетанія утопизма и реализма, о которомъ мы говорили выше. Наука то привлекалась здѣсь въ подкрѣпленіе утопіи, то обращалась противъ нея. И очевидно, что то или иное соотношеніе ихъ опредѣлялось подъемомъ или упадкомъ революціонныхъ надеждъ. Революціонное возбужденіе приводило ихъ въ кажущуюся гармонию, спокойное размышленіе, напротивъ, ихъ разъединяло. Ясно, что подобная связь не могла быть органической и прочной.

Свои протесты противъ бунтарскихъ стремленій революціонеровъ-утопистовъ въ родѣ Виллиха и Шаппера, Марксъ облекъ въ послѣдствіи въ форму еще болѣе убѣдительную, когда настоящей цѣлью практическаго социализма онъ призналъ борьбу съ сектами и любительскими опытами, ставящими себя на мѣсто истиннаго рабочаго движенія. Такая именно цѣль по словамъ Маркса была положена въ основу при учрежденіи Интернаціонала ¹⁾. Съ этой точки рѣнія естественно осуждались и отбрасывались всякія попытки обособленія и сектанства, оторванныя отъ реальныхъ основаній рабочаго движенія, и въ сферу этого осужденія попадалъ и самый марксизмъ, когда его превращали изъ принципа движенія „въ неподвижную, подлежащую заучиванію наизусть догму“ ²⁾. „Наша теорія не догма—говорилъ въ послѣдствіи Энгельсъ—а изложеніе процесса развитія, включающаго послѣдовательные фазисы“ ³⁾. Поэтому-то ему

¹⁾ Письмо къ Больте отъ 23 ноября 1871 года. (См. Briefe und Auszüge aus Briefen von I. Ph. Becker, I. Dietzgen, Fr. Engels, Karl Marx u. A. an F. A. Sorge und Andere. Stuttgart 1906. S. 35; русск. перев. стр. 44—45.)

²⁾ Слова Энгельса изъ письма къ Зорге отъ 10 июня 1891. (Briefe und Auszüge aus Briefen... S. 363; русск. перев. стр. 407.)

³⁾ Ibid. Письмо къ г-жѣ Вишневедкой отъ 28 дек. 1886 г. (Briefe und Auszüge aus Briefen... S. 243; русск. пер. стр. 273.)

представлялось возможнымъ, чтобы марксисты „работали вмѣстѣ съ общимъ движеніемъ рабочаго класса въ любой моментъ, не утрачивая и не скрывая своей собственной позиціи и даже своей организаціи“¹⁾; и наоборотъ казалось недопустимымъ, чтобы они „оставались вдали, замыкались въ догматическую секту и отбрасывались въ сторону, какъ люди, непонимающіе своихъ собственныхъ принциповъ“²⁾.

Нельзя не признать, что это стремленіе—дѣйствовать на почвѣ общаго рабочаго движенія—стояло въ прямой связи съ однимъ изъ самыхъ главныхъ основаній марксизма—утверждать свои заключенія на фактахъ, выводить свои требованія изъ естественнаго хода событій, изъ реальныхъ основъ экономической эволюціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не подчеркнуть, что стремленія этого рода, закрѣпляя признание относительныхъ историческихъ положеній, ставили марксизмъ въ зависимость отъ такихъ условій, которыя обрекали его на весьма неопредѣленное будущее. Марксизмъ былъ силенъ не только тѣмъ, что онъ связывалъ себя съ общимъ рабочимъ движеніемъ, но также и тѣмъ, что онъ стремился придать этому движенію опредѣленное направленіе, вывести его на почву классовой борьбы, внушить ему стремленіе къ овладѣнію властью и орудіями производства. Когда же его вводили въ русло общаго рабочаго движенія, внѣ котораго онъ, конечно, никогда не вышелъ бы изъ роли ученой секты, это заставляло его примѣняться къ временнымъ и относительнымъ условіямъ и восполнять требованія собственной программы нѣкоторыми лозунгами общаго характера, пригодными для любой прогрессивной программы. Въ послѣдующей судьбѣ марксизма, какъ увидимъ далѣе, такое положеніе вещей привело въ сущности къ полному разрыву съ его первоначальными основами. Здѣсь же для насъ чрезвычайно важно отмѣтить, что, отзываясь на непосредственныя нужды рабочаго дви-

1) Ibid. Письмо Энгельса къ г-жѣ Вишневецкой, S. 248; русск. пер. стр. 277.

2) Ibid. См. слѣдующее письмо къ ней же, S. 250; русск. пер. стр. 278.

женія, и самъ Марксъ долженъ былъ признать необходимость такихъ временныхъ и предварительныхъ мѣръ, которыя говорили о совершенно новой тактикѣ, далекой отъ перспективъ социальной революціи. Этотъ новый практический уклонъ въ воззрѣніяхъ Маркса съ полной ясностью намѣчается въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ, въ періодъ учрежденія Интернаціонала. Столкнувшись въ непримиримой враждѣ съ Бакунинскимъ анархизмомъ, съ проповѣдью воздержанія отъ политики во имя немедленной социальной революціи, Марксъ рѣшительнѣе, чѣмъ когда-либо, долженъ былъ подчеркнуть значеніе временныхъ и относительныхъ политическихъ задачъ, стоящихъ предъ рабочимъ классомъ. Когда противники его съ настойчивой рѣзкостью ставили дилемму: социальная революція или текущая политика, Марксъ, столь категорически осуждавшій попытки вызывать революцію при помощи одной воли, независимо отъ измѣненія отношеній, не могъ колебаться въ выборѣ. Если революцію нельзя вызвать въ любой моментъ по собственному желанію, если надо ждать годы и десятки лѣтъ прежде чѣмъ создадутся необходимыя для нея условія, то очевидно надлежитъ измѣнить въ связи съ этимъ и программу дѣйствій. „Коммунистическій Манифестъ“, написанный въ моментъ революціонныхъ надеждъ, указывалъ такія мѣры, которыя были мыслимы только при условіи господства пролетаріата. Когда слабѣла надежда на близость этого господства, очевидно рекомендовать такія мѣры значило бы впадать въ область революціонной фразы. Приходилось думать о мѣрахъ ближайшихъ и очередныхъ, которыя могутъ быть осуществлены еще на почвѣ существующаго строя. То, что Марксъ призналъ и санкціонировалъ такія мѣры, свидѣтельствуетъ лишній разъ о реалистическихъ элементахъ его мысли, но въ то же время даетъ новый поводъ говорить о коренномъ противорѣчій его доктрины.

Съ точки зрѣнія революціоннаго абсолютизма, возлагавшаго всѣ надежды на социальный переворотъ, участіе въ

текущей политикѣ представлялось безцѣльнымъ и недопустимымъ. Мы имѣемъ безспорное свидѣтельство, что еще въ 1850 году Марксъ всецѣло раздѣлялъ эту радикальную точку зрѣнія. Я имѣю въ виду статью Энгельса въ журналѣ „Die Neue Rheinische Revue“, въ которой на примѣрѣ англійскаго билля о десятичасовомъ рабочемъ днѣ доказывалось, что всѣ подобныя частныя мѣры ничтожны и что единственное разрѣшеніе вопроса о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, какъ и всѣхъ вопросовъ, которые покоятся на противорѣчii труда и капитала, заключается въ пролетарской революціи ¹⁾. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ то время это была и точка зрѣнія Маркса. Въ срединѣ семидесятыхъ годовъ взгляды Маркса въ этомъ отношеніи кореннымъ образомъ измѣнились, и во „Вступительномъ адресѣ“, который онъ написалъ при учрежденіи „Интернаціонала“ въ 1864 году, мы находимъ совершенно иное воззрѣніе. Здѣсь билль о десятичасовомъ рабочемъ днѣ привѣтствуется не только „какъ большой практической успѣхъ, но и какъ побѣда принципа“. Законодательное ограниченіе рабочаго дня,—пишетъ здѣсь Марксъ,—было прямымъ вмѣшательствомъ въ великую борьбу между слѣпымъ дѣйствіемъ законовъ спроса и предложенія, составляющихъ политическую экономію буржуазіи, и регулированіемъ общественнаго производства въ интересахъ общества, составляющимъ сущность политической экономіи рабочаго класса. „Впервые при яркомъ свѣтѣ дня политическая экономія буржуазіи была побѣждена политической экономіей пролетаріата“ ¹⁾. Все это объясненіе Маркса въ высшей степени характерно. Сущностью политической экономіи рабочаго класса признается здѣсь то, что составляетъ въ настоящее время практику всѣхъ культурныхъ государствъ и что выводится

¹⁾ Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, F. Engels und. F. Lassalle. Bd. III. Статья: „Die englische Zehnstundenbill“. SS. 384—395. См. объ этой статьѣ Struve, Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung, Braun's Archiv Bd. XIV, SS. 677—678.

¹⁾ См. Jaeckh; Die Internationale. Leipzig, 1914—SS. 27—28.

Вопросы философіи, кн. 132—134.

теперь изъ общихъ требованій либерализма. Отстаиваются и одобряются частныя реформы, которыя съ точки зрѣнія утопическаго марксизма неприемлемы и излишни. При этомъ защищается вмѣшательство въ великую борьбу между слѣпымъ дѣйствіемъ законовъ спроса и предложенія, какъ будто бы идея естественнаго хода экономической эволюціи, по внутреннимъ имманентнымъ законамъ идущей къ неотвратимому торжеству социализма, не исключаетъ мысли о пользѣ такого вмѣшательства. Тутъ сказывается невольное признаніе цѣлесообразности политическихъ дѣйствій и въ предѣлахъ существующаго строя. Отъ утопической мечты о заоблачномъ совершенствѣ мысль переходитъ на почву реальной политики; отъ фатализма—къ требованію вмѣшательства въ ходъ исторіи. Бернштейнъ очень правильно избралъ приведенные выше слова Маркса объ англійскомъ фабричномъ законѣ въ качествѣ мотто къ своему сочиненію, выступившему подъ знаменемъ ревизионизма. „Und deshalb war die Zehnstundenbill nicht bloss ein grosser praktischer Erfolg, sie war der Sieg eines Princips“,—въ этомъ положеніи, какъ бы его ни толковали, содержится принципиальное признаніе той точки зрѣнія, которую впоследствии правовѣрные марксисты подвергли такому анаематствованію подъ именемъ ревизионизма. Какъ извѣстно, и въ „Капиталѣ“ Марксъ проводитъ тотъ же взглядъ на фабричное законодательство, что и во „Вступительномъ адресѣ“ Интернаціонала ¹⁾.

Эту уступку въ пользу частныхъ улучшеній, вытекающую и изъ измѣнившихся перспективъ социальнаго развитія, и изъ наблюденій надъ жизнью рабочаго класса въ Англии, Марксъ старается, однако, привести въ связь съ революціонными задачами классовой борьбы и съ конечной цѣлью рабочаго движенія. Стремленіе рабочихъ къ такимъ улучшеніямъ онъ рассматриваетъ прежде всего, какъ поводъ къ ихъ объединенію, къ классовой организаціи. Въ письмѣ

¹⁾ Das Kapital. Bd. I—въ главѣ о рабочемъ днѣ.

къ Кугельману отъ 9 октября 1866 года онъ говорить о необходимости въ программѣ такихъ пунктовъ, „которые допускаютъ непосредственное соглашеніе между рабочими и ихъ совмѣстное дѣйствіе и дадутъ непосредственно пищу и толчокъ потребностямъ классовой борьбы, и организаціи рабочихъ въ классъ“. Онъ нападаетъ на прудонистовъ, которые „отвергаютъ всякую революціонную, т.-е. изъ самой классовой борьбы вытекающую тактику, всякое концентрированное общественное, а слѣдовательно и политическими средствами осуществляемое движеніе (напримѣръ, законодательное сокращеніе рабочаго дня)“¹⁾. Въ болѣе позднемъ письмѣ отъ 23 ноября 1871 года къ Больте Марксъ еще яснѣе развиваетъ свой взглядъ на важное подготовительное значеніе борьбы рабочаго класса за частныя улучшенія. „Политическое движеніе рабочаго класса имѣетъ, само собою разумѣется, конечной цѣлью завоеваніе имъ политической власти, а для этого до извѣстнаго момента необходимо развитіе предварительной организаціи рабочаго класса, само по себѣ вырастающее изъ экономической борьбы рабочаго класса. Но съ другой стороны каждое движеніе, въ которомъ рабочій классъ, какъ таковой, противостоитъ господствующимъ классамъ и оказываетъ на нихъ давленіе чрезъ воздѣйствіе извнѣ, есть политическое движеніе. Напримѣръ, попытка принудить отдѣльнаго капиталиста при помощи стачекъ и т. п. къ сокращенію рабочаго дня на отдѣльной фабрикѣ или мастерской будетъ чисто экономическимъ движеніемъ; напротивъ, движеніе въ пользу закона о 8-мичасовомъ рабочемъ днѣ и т. д. будетъ уже политическимъ. И этимъ-то путемъ повсюду изъ отдѣльныхъ экономическихъ требованій рабочихъ вырастаетъ движеніе политическое, т.-е. движеніе класса, чтобы добиться осуществленія его интересовъ въ общей формѣ, т.-е. въ формѣ, имѣющей принудительный характеръ для всего общества.

1) Письма К. Маркса къ члену Интернаціонала Кугельману. Русск. пер. А. Гойхбарга. Спб. 1907, стр. 19—20.

Если эти движенія подчинить опредѣленной предварительной организаціи, то они въ свою очередь сдѣлаются средством развитія этой организаціи. Тамъ, гдѣ организація рабочаго класса еще не настолько развита, чтобы онъ могъ вступать въ рѣшительное сраженіе съ коллективной властью, т.-е. съ политической властью господствующих классовъ, тамъ онъ поэтому долженъ быть подготовленъ непрерывной агитаціей противъ враждебной намъ политики правящихъ классовъ. Въ противномъ же случаѣ онъ сдѣлается игрушкой въ ихъ рукахъ, какъ это доказала сентябрьская революція во Франціи и какъ это до извѣстной степени до послѣдняго момента доказываютъ успѣхи въ Англии Гладстона и К^о 1).

Эти утвержденія являются весьма характерными для того реалистическаго направленія мысли Маркса, о которомъ я говорилъ выше. Тутъ прямо признается, что завоеваніе политической власти не есть дѣло одного окончательнаго акта, какимъ является социальная революція, а плодъ медленной и постепенной борьбы. Надо организоваться и бороться, надо закалить себя въ борьбѣ, иначе пролетаріатъ станетъ игрушкой въ рукахъ правящихъ классовъ—вотъ что совѣтуетъ теперь Марксъ. Но вѣдь это призывъ къ неустанной работѣ и борьбѣ, къ планомѣрной политической дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ это совѣтъ довольствоваться до поры до времени и небольшими результатами, пока крупные успѣхи невозможны. Отсюда только одинъ шагъ до ревизионизма Бернштейна: надо было только откинуть миражъ социальной революціи и земного рая, и реалистическіе элементы доктрины Маркса превращались въ ученіе реформизма. Марксъ этого послѣдняго шага не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать: иначе онъ вынулъ бы изъ построеннаго имъ зданія краеугольный камень. Но важно было то, что путемъ послѣдовательныхъ разочарованій и размышленій онъ при-

1) Briefe und Auszüge aus Briefen... SS. 42—43; русскій переводъ Политкуса, Спб., 1907, стр. 49—50.

шелъ къ мысли, что социальная революція еще далеко впереди, и что въ соотвѣтствіи съ этимъ тактика социализма должна принять новыя формы. Въ этомъ выводѣ онъ былъ въ особенности укрѣпленъ поражениемъ Коммуны, на которую возлагалъ такъ много надеждъ. Отъ успѣховъ парижскихъ коммунаровъ онъ ожидалъ великой катастрофы буржуазнаго общества; но и на этотъ разъ старый міръ оказался болѣе крѣпкимъ, чѣмъ Марксъ предполагалъ. И вотъ по этому поводу онъ высказалъ мысль, которая въ одно и то же время и напоминала его старыя мысли, и еще болѣе рѣзко подчеркивала ихъ. „Рабочій классъ,—писалъ онъ,—не требовалъ отъ Коммуны чудесъ. Ему не приходится заниматься осуществленіемъ готовыхъ утопій посредствомъ всенароднаго рѣшенія. Онъ зналъ, что для того, чтобы достигнуть своего освобожденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и той высшей формы жизни, къ которой неудержимо стремится современный строй подъ влияніемъ экономическаго развитія, ему предстоитъ пережить долгую борьбу, цѣлый рядъ историческихъ превращеній, которыя совершенно измѣняютъ людей и окружающія ихъ условія“¹⁾. Утверждать, что рабочему классу надо пережить долгую борьбу и цѣлый рядъ историческихъ превращеній—вѣдь это было равносильно тому, чтобы отнести конечную цѣль въ очень отдаленное будущее. Вся перспектива движенія такимъ образомъ мѣнялась. Въ предисловіи къ новому изданію „Коммунистическаго Манифеста“ въ 1872 года Марксъ и Энгельсъ утверждали, что принципиальная часть этого документа представляется имъ сохранившей свою силу, и только практическая нуждается въ частичныхъ перемѣнахъ. При этомъ они ссылались на опытъ февральской революціи и особенно на опытъ парижской Коммуны. Но практическія измѣненія, которыя въ данномъ случаѣ имѣли въ виду Марксъ и Энгельсъ, не могли бы остаться безъ вліянія и на часть принципиальную. Они несли

1) Приведено у Ю. Стеклова, Политическая дѣятельность Карла Маркса въ сборникѣ: Памяти Карла Маркса. Спб., 1908, стр. 338.

съ собою коренное измѣненіе тѣхъ взглядовъ на государство, которые были высказаны въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“. Участіе въ политикѣ на почвѣ существующаго государства, какъ мы видѣли, рекомендовалось Марксомъ въ цѣляхъ организациі классовой борьбы; фабричное законодательство разсматривалось имъ, какъ „первое условіе для того, чтобы рабочій классъ получилъ просторъ для своего развитія и движенія“ ¹⁾. Но Марксъ не замѣчалъ, что вступленіе на этотъ путь предполагаетъ отказъ отъ непримиримой вражды къ существующему государству, отъ принципиальнаго его отрицанія. Организациа классовой борьбы въ предѣлахъ легальной политики, сколько бы ни называли ее революціонной по ея конечнымъ цѣлямъ, все же остается легальной по своимъ непосредственнымъ проявленіямъ. Обращаясь отдаленной мечтою къ грядущей революціи, своимъ реальнымъ осуществленіемъ она всецѣло входитъ въ дѣйствительность существующаго государства, и потому въ качествѣ средства революціоннаго представляется орудіемъ обоюдоострымъ. Бакунинъ въ спорахъ съ Марксомъ не безъ основанія считалъ участіе въ текущей политикѣ измѣной революціонному принципу; а самъ Марксъ, когда нѣмецкіе социаль-демократы въ Готской программѣ приняли всѣ логическія послѣдствія изъ задачъ легальной политической борьбы, подвергнувъ жестокой критикѣ эту программу, найдя, что „вся она, несмотря на демократическій звонъ, сплошь зачумлена вѣрноподданнической вѣрой лассалевской секты въ государство“ ²⁾. Онъ не хотѣлъ признать, что эта вѣра въ государство была лишь дальнѣйшимъ выраженіемъ того новаго отношенія къ политикѣ, на которомъ самъ онъ такъ настаивалъ съ половины шестидесятихъ годовъ.

Мы подошли здѣсь къ весьма существенному пункту, точ-

¹⁾ Письма К. Маркса къ члену Интернаціонала Кугельману. Переводъ А. Гойхбарга. Спб., 1907, стр. 41—42.

²⁾ К. Марксъ, Критика Готской программы. Переводъ Н. Алексѣева. Спб., 1906, стр. 30.

ное разъясненіе котораго имѣетъ первостепенное значеніе для пониманія всей дальнѣйшей судьбы марксизма. Отношеніе марксизма къ государству представляется очень сложнымъ и двойственнымъ. И здѣсь утопія абсолютнаго совершенства подсказывала одни выводы, а эволюціонная теорія совершенно другіе. Болѣе подробное рассмотрѣніе этого пункта поможетъ намъ яснѣе освѣтить какъ тактическія колебанія корифеевъ марксизма, такъ и неизбѣжность послѣдующаго распадена этой доктрины на два враждебныхъ и рѣзко противоположныхъ направленія.

Утопіи абсолютнаго совершенства соотвѣтствовало полное отрицаніе государства, мечта о безгосударственномъ, анархическомъ состояніи, въ которомъ „свободное развитіе каждаго является условіемъ для свободнаго развитія всѣхъ“¹⁾.

Мысль о всецѣломъ преобразеніи существующаго требовала безусловно отрицательнаго отношенія къ исторіи и безусловнаго разрыва съ прошлымъ. Вотъ почему социалистическое состояніе противопоставалось состоянію государственному, какъ нѣчто совершенно новое и иное. Эта утопія безгосударственнаго состоянія близко подходила къ мечтѣ анархизма объ идеальномъ существованіи безъ государства и безъ государственной власти на основѣ свободнаго самоопредѣленія общества. Но какъ представить себѣ это идеальное состояніе и откуда слѣдуетъ, что государственной власти въ немъ болѣе не будетъ?

Еще въ раннихъ своихъ статьяхъ, относящихся къ 1844 году, Марксъ далъ на это отвѣтъ, хотя и мало удовлетворительный съ точки зрѣнія юридической науки, но вполне опредѣленный и ясный. Отправляясь отъ понятія Гегелевой философіи права, установившей научное противоположеніе общества и государства, Марксъ, въ отличіе отъ Гегеля, провозглашаетъ завершеніемъ историческаго развитія не господство государства надъ обществомъ, а поглощеніе обществомъ государства. Философія Гегеля съ ея куль-

¹⁾ Das Kommunistische Manifest. S. 45.

томъ государства представляется ему отраженіемъ той частичной политической эмансипаціи, которая осуществлена современнымъ государственнымъ устройствомъ. Но этой частичной политической эмансипаціи, осуществляемой правовымъ государствомъ, должна быть противопоставлена полная общечеловѣческая эмансипація, которая будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и освобожденіемъ отъ всякаго государства или, точнѣ говоря, поглощеніемъ государства обществомъ. Уже въ 1844 году Марксу казалось очевиднымъ, что эта общечеловѣческая эмансипація будетъ совершена пролетариатомъ, и притомъ не путемъ созданія новаго классового господства, а посредствомъ полного разложенія всѣхъ классовыхъ различій¹⁾.

Поясняя свою мысль о неизбѣжныхъ границахъ политической эмансипаціи, неспособной довести до конца дѣло освобожденія человѣка, Марксъ даетъ анализъ новаго правового государства, которое представляется ему „последней формой человѣческаго освобожденія въ предѣлахъ существующаго порядка“²⁾. Въ результатѣ этого анализа оказывается, что эта высшая форма государственнаго бытія находится въ плѣну у общества съ его частными эгоистическими интересами. Вмѣсто того чтобы господствовать надъ стихіями общественной жизни, какъ это предполагается „Философіей права“ Гегеля, государство само находится въ ихъ власти. Политическая эмансипація создала только отвлеченную видимость, только идеальный призракъ государственнаго господства; въ дѣйствительности же она лишь развязала эгоизмъ частныхъ лицъ. Вотъ къ чему пришло новое государство и отъ чего оно не можетъ уйти, ибо такова его природа, такова логика его бытія.

Но какъ случилось, что опытъ осуществленія свободы, который и самъ Марксъ называетъ „великимъ успѣхомъ“

1) K. Marx, Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie въ сборникѣ: Aus dem literarischen Nachlass.... Bd. I, SS. 394—398. См. статью Zur Judenfrage, ibid. S. 399 ff.

2) K. Marx, Zur Judenfrage, S. 409.

человѣческаго освобожденія ¹⁾), окончился торжествомъ эгоизма и частнаго произвола? Какимъ образомъ борьба новаго государства съ феодальнымъ строемъ завершилась крушеніемъ самой идеи государства? Это Марксъ старается доказать при помощи анализа того переворота, который былъ произведенъ въ общественныхъ отношеніяхъ новымъ государствомъ.

Старое феодальное общество имѣло непосредственно политическій характеръ въ томъ смыслѣ, что отдѣльные элементы гражданской жизни, какъ напримѣръ, владѣніе, семейное положеніе, организація труда были возвышены здѣсь до значенія элементовъ государственной жизни, въ формѣ феодальнаго владѣнія землей, въ формѣ сословій и корпорацій. Въ этихъ формахъ опредѣлялось отношеніе отдѣльныхъ лицъ къ государственному цѣлому, причемъ въ условіяхъ феодальной организаціи политическія отношенія выражались въ отношеніяхъ обособленія и отдѣленія однихъ частей общества отъ другихъ. При этихъ условіяхъ и сама государственная власть, выразительница государственнаго единства, оказывалась обособленнымъ дѣломъ властителя, отдѣленнымъ отъ народа ²⁾).

Политическая революція ниспровергла эту обособленную отъ народа власть и создала изъ государства общее народное дѣло. При этомъ она по необходимости разбила всѣ сословія, корпораціи, союзы, представлявшія собою столь многочисленныя выраженія отдѣленія народа отъ его общаго единства. Политическій характеръ гражданского общества былъ такимъ образомъ уничтоженъ. Революція разложила общество на его основныя элементы, на отдѣльныхъ лицъ съ одной стороны, и на тѣ матеріальныя и духовныя основы, которыя опредѣляютъ жизненное содержаніе и гражданское положеніе этихъ отдѣльныхъ лицъ. Она расковала политическій духъ, который какъ бы разбѣ-

¹⁾ Zur Judenfrage S. 409.

²⁾ Ibid. S. 421.

гался по отдѣльнымъ тупикамъ феодальнаго общества; она собрала его изъ этого разсѣянiя и сдѣлала изъ него область общаго народнаго дѣла въ идеальной независимости отъ частныхъ элементовъ гражданской жизни ¹⁾).

Но это завершенiе идеализма государства было вмѣстѣ съ тѣмъ и завершенiемъ матеріализма гражданского общества. Сверженiе политическаго ига было въ то же время сверженiемъ тѣхъ узъ, которыя связывали эгоистическiй духъ гражданского общества. Общество было сведено къ своей основѣ, къ отдѣльному человѣку, но къ человѣку эгоистическому, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности его основой ²⁾). Декларациа правъ человѣка и гражданина не только санкционируетъ свободу эгоистическаго человѣка, но и превращаетъ политическiй союзъ въ простое средство для охраненiя этой свободы. Ибо такъ называемыя права человѣка, права свободы, равенства, безопасности, собственности, не выходятъ изъ сферы частнаго интереса и частнаго произвола, и ихъ признанiе въ деклараціи есть „признанiе безудержнаго движенiя тѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ элементовъ, которые составляютъ жизненное содержанiе эгоистическаго человѣка ³⁾). И въ этомъ ближайшемъ и непосредственномъ проявленiи своемъ, въ своей индивидуальной жизни, въ качествѣ члена общества человѣкъ и считается собственно человѣкомъ, *homme*, въ отличiе отъ гражданина, *citoyen*, политическаго человѣка, который является лишь отвлеченнымъ, искусственнымъ человѣкомъ, аллегорической, моральной личностью ⁴⁾). Вмѣсто того, чтобы человѣкъ понимался при этомъ какъ родовое существо, сама родовая жизнь, само общество является здѣсь скорѣе внѣшней рамкой для отдѣльныхъ лицъ. Единственная связь, которая держитъ ихъ вмѣстѣ, есть естественная необходимость, личная потребность и частный

¹⁾ Ibid. S.S. 421—422.

²⁾ Ibid. S. 422.

³⁾ Ibid. SS. 417—419, S. 422.

⁴⁾ Ibid. S. 423.

интересъ, стремленіе къ охранѣ своей собственности и эгоистической личности¹⁾).

Такова сущность новаго государства, которое представляется Марксу высшей формой государственнаго бытія. Для того чтобы вознести государственное начало на высоту идеальнаго единства, было логически неизбежно разбить политическій характеръ сословныхъ и корпоративныхъ соединеній. Новое государство не допускаетъ между собою и своими подвластными посредствующими инстанціями. Поэтому оно по необходимости разлагаетъ общество на отдѣльныхъ лицъ: „образование политическаго государства и разложеніе гражданскаго общества на независимыхъ индивидовъ,—отношеніе которыхъ выражается правомъ подобно тому, какъ отношеніе членовъ сословій и союзовъ выражалось въ привилегіяхъ,—совершается однимъ и тѣмъ же актомъ²⁾“. Но этотъ процессъ распыленія общества по мнѣнію Маркса является и процессомъ его матеріализаціи, процессомъ разложенія его на эгоистическіе, матеріальные интересы; и это потому, что „политическая революція разлагаетъ гражданскую жизнь на ея составныя части, не совершая революціи въ отношеніи къ самимъ этимъ частямъ, не подвергая ихъ критикѣ. Она относится къ гражданскому обществу, къ міру потребностей, труда, частныхъ интересовъ и частнаго права, какъ къ основѣ своего существованія, какъ къ не требующему дальнѣйшаго обоснованія своему предположенію, какъ къ естественному своему базису“³⁾).

Вотъ на чемъ останавливается, какъ думаетъ Марксъ, политическая эмансипація: она не можетъ совершить революціи въ отношеніи къ составнымъ частямъ общества, она принимаетъ эгоистическій индивидуальный интересъ,

1) Ibid. S. 419.

2) Ibid. S. 423.

3) Ibid. S. 423.—См. воспроизведеніе тѣхъ же мыслей въ сочиненіи Маркса и Энгельса: „Die Heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik“.—Aus dem literarischen Nachlass. Bd. II. SS. 218—231.

какъ нѣчто данное, какъ свое естественное основаніе, не подвергая его критикѣ. Государство не можетъ уничтожить противорѣчія между общественной и частной жизнью, между общими и частными интересами, ибо оно само покоится на этомъ противорѣчій. Управление должно поэтому ограничиваться чисто отрицательной формальной дѣятельностью, ибо власть его кончается тамъ, гдѣ начинается частная жизнь. И чѣмъ болѣе законченнымъ является политическій характеръ государства, тѣмъ менѣе способно оно понять причины социальнаго зла. Ибо принципъ политики есть принципъ воли. Чѣмъ одностороннѣе, чѣмъ законченнѣе человѣческой умъ, тѣмъ болѣе вѣрится онъ во всемогущество воли, тѣмъ болѣе слѣпымъ оказывается онъ къ естественнымъ и духовнымъ границамъ воли, тѣмъ болѣе неспособенъ онъ открыть источникъ социальныхъ бѣдствій¹⁾. Такъ съ разныхъ сторонъ старается Марксъ доказать безсиліе политической эмансипаціи итти далѣе чисто-формальнаго освобожденія человѣка. Но то, что не дано совершить эмансипаціи политической при посредствѣ государства, будетъ совершенно эмансипаціей человѣческой посредствомъ революціи самого общества и его составныхъ частей. Если современный человѣкъ есть существо эгоистическое, надо превратить его въ существо родовое. Если современное государство въ силу логики своего бытія является лишь призракомъ власти надъ обществомъ, стоящимъ надъ отдѣльнымъ человѣкомъ въ видѣ отвлеченнаго единства, неспособнаго обуздать его эгоизмъ, надо устранить этотъ призракъ и сдѣлать принципъ общенія и единства внутреннимъ закономъ каждаго индивидуальнаго человѣка. Если идеализмъ государства, обособленнаго отъ общества, неизбежно превращается въ матеріализмъ общества, распыленнаго на свои составныя части, надо уничто-

¹⁾ К. Marx, Kritische Randglossen zu dem Artikel: der König von Preussen und die Sozialreform—въ сборникѣ: Aus dem literarischen Nachlass, Bd. II, SS. 51—52. Ср. SS. 57—59.

жить раздѣленіе общества и государства, надо вобрать государство въ общество при помощи такого обобществленія личной жизни, когда для правильнаго хода жизни уже не нужно будетъ какой-то стоящей надъ человѣкомъ политической силы. Вотъ какъ надо понимать знаменитое опредѣленіе человѣческой эмансипаціи, которое мы находимъ у Маркса. Это опредѣленіе кратко, но многозначительно. „Политическая эмансипація есть сведеніе человѣка съ одной стороны къ члену гражданскаго общества, къ эгоистическому индивидууму, съ другой стороны—къ государственному гражданину, къ моральной личности. Лишь тогда, когда дѣйствительный индивидуальный человѣкъ воспринимаетъ обратно въ себя отвлеченнаго государственнаго гражданина, и когда въ качествѣ индивидуальнаго человѣка въ своей эмпирической жизни, въ своемъ индивидуальномъ трудѣ, въ своихъ индивидуальныхъ отношеніяхъ онъ сталъ родовымъ существомъ, лишь тогда, когда свои *forces propres* онъ позналъ и организовалъ, какъ силы общественныя, и потому уже не отдѣляетъ отъ себя общественной силы въ видѣ политической силы, тогда только совершится человѣческая эмансипація“ ¹⁾).

Мы находимся здѣсь, очевидно, на почвѣ чистой утопіи безгосударственнаго состоянія, говорящей о такомъ преобразеніи человѣческой жизни, когда совершится благодатное сліяніе личности съ обществомъ, когда человѣкъ всецѣло и безъ остатка превратится въ родовое существо, преодолѣвъ естественный эгоизмъ своей природы. Проблема социальнаго переворота ставится здѣсь во всей своей трудности и глубинѣ съ перспективой не только внѣшняго, но и внутренняго перерожденія человѣческой жизни. Но успѣхъ этого перерожденія, какъ объявляетъ Марксъ въ статьѣ о Гегелевой философіи права, зависитъ отъ торжества пролетаріата, отъ осуществленія социализма. И ставъ на эту точку зрѣнія, онъ уже легко преодолеваетъ всѣ за-

¹⁾ Zur Judenfrage S. 424.

трудненія соціальной проблемы. Человѣкъ, побѣдившій свой эгоизмъ, ставшій во всѣхъ своихъ индивидуальныхъ проявленіяхъ родовымъ существомъ, очевидно не нуждается во внѣшнихъ указкахъ гетерономныхъ предписаній; начало общественное дѣлается внутреннимъ закономъ его бытія. Государство становится ненужнымъ. Совершенная организація жизни создаетъ и совершенное саморегулированіе всѣхъ человѣческихъ отношеній.

Мысль Маркса ясна, но ясенъ также и весь утопизмъ его построенія, и особенно ясенъ онъ здѣсь, въ этомъ раннемъ начертаніи соціалистическаго идеала, когда Марксъ съ такою опредѣленностью говоритъ, какія чудесныя превращенія человѣческой природы необходимы, для того чтобы совершилась безусловная человѣческая эмансипація. Съ другой стороны столь же ясно, что то ниспроверженіе идеи правового государства, которое мы находимъ въ данномъ случаѣ у Маркса, основано на чисто отвлеченныхъ и произвольныхъ предположеніяхъ. Государство безсильно преодолѣть эгоизмъ частнаго произвола, ибо этотъ эгоизмъ является основой его существованія—таково основное положеніе Маркса. Но за два года до того какъ Марксъ выступилъ со своими статьями о грядущей общечеловѣческой эмансипаціи, Лоренцъ Штейнъ въ сочиненіи: „Соціализмъ и коммунизмъ въ современной Франціи“ (1842 года) показалъ, что теорія правового государства не только не исключаетъ, а логически требуетъ устраненія соціальной несправедливости, борьбы съ эгоизмомъ сильныхъ, защиты слабыхъ и обездоленныхъ. А двадцать лѣтъ спустя, какъ бы продолжая въ этомъ отношеніи дѣло Лоренца Штейна, соратникъ Маркса по распространенію соціализма Фердинандъ Лассаль обосновалъ прямую связь соціалистическихъ началъ съ идеей правового государства. Ошибка Маркса заключалась въ томъ, что первые шаги правового государства онъ принялъ за его окончательные успѣхи, что по первому его выступленію онъ характеризовалъ самую его природу. Между тѣмъ если новое государство оказалось въ силахъ

разбить старыя публично-правовыя связи, основанныя на привилегіяхъ, почему не было бы у него возможности установить новыя публично-правовыя ограниченія частнаго произвола, и уже не въ видѣ привилегій, а на почвѣ общаго и одинаго для всѣхъ права. Великій успѣхъ объединенія публично-правовой власти, который такъ хорошо характеризуетъ Марксъ, открываетъ возможность новаго правообразования и въ сферѣ публично-правового регулированія частной жизни. Послѣ того какъ современное государство, пусть даже въ первыхъ и слабыхъ попыткахъ, вступило на путь социальныхъ реформъ и подвергло критикѣ неприкосновенныя права собственности, нѣтъ нужды доказывать, насколько Марксъ былъ неправъ въ своемъ приговорѣ надъ перспективами политической эмансипаціи. Но то отрицаніе идеи государства, которое онъ высказалъ въ раннихъ своихъ статьяхъ, осталось до конца однимъ изъ самыхъ главныхъ основаній его системы. Однако позднѣйшія выраженія этого отрицательнаго взгляда цолучаютъ у Маркса и Энгельса гораздо болѣе элементарную форму: тонкое діалектическое построеніе, при помощи котораго Марксъ характеризовалъ первоначально отношеніе общества и государства, замѣняется весьма упрощенными формулами классовой теоріи государства. По существу, въ скрытыхъ предположеніяхъ этой теоріи не трудно обнаружить прежнія предпосылки утопіи безгосударственнаго состоянія. Но именно потому, что многое здѣсь остается недосказаннымъ, пробѣлы теоріи яснѣе выступаютъ наружу и заставляютъ для своего восполненія вспомнить прежнія предпосылки Маркса.

Съ классовой теоріей государства мы встрѣчаемся уже въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“. „Когда съ ходомъ развитія—читаемъ мы здѣсь—исчезнутъ классовыя различія, и все производство сосредоточится въ рукахъ объединенныхъ членовъ общества, тогда публичная власть потеряетъ свой политическій характеръ. Ибо политическая власть въ собственномъ смыслѣ слова есть организованная власть одного

класса въ цѣляхъ угнетенія другого класса“¹⁾. Въ соотвѣтствіи съ этимъ политическая власть въ современномъ государствѣ опредѣляется какъ „комитетъ, управляющій общими дѣлами всего буржуазнаго класса“²⁾.

Тѣ же мысли воспроизводитъ Энгельсъ въ сочиненіи „Herrn E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft“³⁾. Повторяя здѣсь взглядъ на государство, какъ на орудіе господства классовъ, смѣнявшихся послѣдовательно въ исторіи (въ древности рабовладѣльческаго государственнаго сословія гражданъ, въ средніе вѣка—феодалнаго дворянства, въ наше время буржуазіи), Энгельсъ утверждаетъ, что задачей государства, официально представляющаго все общество, является организація насильственнаго подчиненія подвластнаго класса существующимъ условіямъ. „Когда же государство становится наконецъ и фактически представителемъ всего общества, оно дѣлаетъ себя излишнимъ. Когда нѣтъ болѣе общественнаго класса, который надо было бы держать въ угнетеніи, когда устраняются столкновенія и эксцессы, проистекающіе изъ борьбы отдѣльныхъ лицъ за существованіе, связанной съ классовымъ господствомъ и анархіей производства, тогда нѣтъ болѣе ничего такого, что слѣдовало бы подавлять и что дѣлало бы необходимой репрессивную власть, т.-е. государство. Первый актъ, въ которомъ государство выступаетъ дѣйствительно, какъ представитель всего общества, есть овладѣніе во имя всего общества средствами производства. Вмѣшательство государства въ общественныя отношенія дѣлается въ одной области за другой излишнимъ и затѣмъ постепенно прекращается. На мѣсто управленія лицами становится распоряженіе вещами и руководство процессами производства. Государство не отмѣняется, оно отмираетъ“⁴⁾.

1) Das Kommunistische Manifest. S. 45.

2) Das Kommunistische Manifest. S. 27.

3) Первое изданіе „E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft“ относится къ 1878 году.

4) Engels, Herrn E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft. III. Aufl. Stuttgart. 1894. S. 301—302.

Этотъ взглядъ на природу государства, какъ на организацію классоваго господства, развивается Энгельсомъ и въ его сочиненіи: „Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staates“ ¹⁾. И здѣсь государство разсматривается, какъ продуктъ борьбы классовъ, не имѣющій другого назначенія, кромѣ сохраненія порядка въ обществѣ, раздираемомъ непримиримыми противорѣчіями ²⁾. Когда эти противорѣчія исчезаютъ, вмѣстѣ съ ними неизбежно исчезаетъ и государство. „Общество, которое преобразовываетъ производство на основѣ свободнаго и равнаго союза производителей, переводитъ весь государственный механизмъ туда, куда онъ съ этихъ поръ долженъ принадлежать,—въ музей древностей, рядомъ съ пѣрядкой и бронзовымъ топоромъ“ ³⁾.

Съ точки зрѣнія науки государственнаго права тотчасъ же бросается въ глаза очевидный пробѣлъ этого воззрѣнія: государство не есть только классовое господство, это прежде всего публично-правовое регулированіе частной и общественной жизни, и въ этомъ смыслѣ оно не можетъ исчезнуть съ исчезновеніемъ классовыхъ различій. Публично-правовое регулированіе жизни, направленное къ поддержанію правильнаго дѣйствія данной общественной организаціи, не только не дѣлается излишнимъ, но становится еще болѣе необходимымъ въ обществѣ социалистическомъ, гдѣ все основано на обобществленіи орудій производства и на устраненіи анархіи хозяйственнаго оборота. Анархія можетъ быть устранена только планообразной организаціей, только сознательнымъ регулированіемъ, только принудительнымъ дѣйствіемъ власти, и въ этомъ смыслѣ социализмъ не исключаетъ, а неизбежно требуетъ государственной власти ⁴⁾.

¹⁾ Первое изданіе этого сочиненія появилось въ 1884 году.

²⁾ Engels, Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staates Achte Auflage. Stuttgart. 1900. S. S. 179—180.

³⁾ Ibid. S. 182.

⁴⁾ См. О. О. Кокоскинъ, Лекціи по общему государственному праву.

Вопросы философіи, кн. 132—133.

Въ первоначальномъ начертаніи идеала общечеловѣческаго освобожденія, которое Марксъ даетъ въ статьѣ: „Zur Judenfrage“, вопросъ о необходимости публично-правового регулированія общественныхъ отношеній, какъ мы видѣли, отпадалъ; но отпадалъ онъ здѣсь только потому, что все это начертаніе дѣлалось на отвлеченной высотѣ чистаго утопизма: поскольку индивидуальный человѣкъ „въ своей эмпирической жизни, въ своемъ индивидуальномъ трудѣ, въ своихъ индивидуальныхъ отношеніяхъ“ становится родовымъ существомъ, ему нѣтъ нужды „отдѣлять отъ себя общественную силу въ видѣ политической силы“. Когда всѣ противорѣчія между личностью и обществомъ сглажены и примирены, тогда всякое принудительное внѣшнее регулированіе жизни замѣняется саморегулированіемъ общественнаго оборота. Только въ томъ случаѣ, если увѣнчать классовую теорію государства этой утопической вершиной, если подставить подъ нее скрытыя предположенія первоначальной утопіи безгосударственнаго состоянія, возможно понять, какимъ образомъ она выкидываетъ въ своемъ идеальномъ построеніи идею государства. Однако, какъ мы видѣли, классовая теорія въ томъ видѣ, какъ она выражается и въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“, и въ различныхъ сочиненіяхъ Энгельса, если и достигаетъ своей конечной вершиной утопической высоты абсолютнаго общечеловѣческаго освобожденія, своими практическими реальными предположеніями остается на почвѣ дѣйствительности. Но здѣсь ей приходится говорить „о распоряженіи вещами, о руководствѣ процессами производства“, а это невысказано безъ публично-правового регулированія экономического оборота, безъ принудительнаго дѣйствія государственной власти. Приходится признать возможность сочетанія идеи социализма съ идеей правового государства, или, говоря иными словами, допустить, какъ это и сдѣлалъ Лассаль, что борьба съ существующей формой

государства не должна переходить въ борьбу съ самой идеей государства, что государство, и именно прогрессирующее правовое государство, вдохновляемое идеями социальной справедливости, есть та форма общественнаго бытія, которая связываетъ настоящее съ будущимъ. Но для этого надо признать также и основную предпосылку теоріи правового государства, что и въ жизни современнаго общества со всѣми его различіями классовыми и индивидуальными есть возможность признанія чистой идеи права, есть почва для примѣненія нѣкоторыхъ общихъ и объединяющихъ всѣхъ правовыхъ началъ, имѣющихъ сверхклассовый и слѣдовательно общечеловѣческой и общегражданскій характеръ. Съ давнихъ поръ теорія правового государства вдохновляется идеей естественнаго права, какъ представленіемъ объ общечеловѣческой справедливости, осуществляемой въ положительномъ правѣ. Идеальное преобразование общественныхъ формъ должно, согласно этой теоріи дать высшее торжество идеѣ права, идеѣ планомѣрнаго и справедливаго регулированія жизни. Совершенное правовое государство въ идеѣ должно обнять всѣхъ гражданъ нормами идеальнаго естественнаго права, и постепенное приближеніе къ этому идеалу возможно именно потому, что есть такія нормы всепокоряющей справедливости, которыя объединяютъ всѣхъ, которыя уже теперь возвышаются надъ разнообразіемъ положеній и лицъ, и пусть даже весьма несовершенно и частично, но все же руководятъ и прогрессомъ государственнаго строительства, и развитіемъ права, и управленіемъ правосудія. Теорія, которая утверждаетъ, что правовое государство осуществляется въ историческомъ движеніи человѣчества, должна признать, что и въ настоящемъ несовершенномъ состояніи человѣчества есть такія нормы права и морали, которыя общеобязательны для всѣхъ, которыя истекаютъ изъ безпристрастной и нелицепріятной идеи справедливости. Она должна признать, что уже теперь дѣйствуетъ въ жизни такая идея права, которая даетъ начало не буржуазнымъ и не пролетарскимъ,

а общечеловѣческимъ правовымъ представленіямъ, одинаково стоящимъ надъ богатыми и бѣдными, сильными и слабыми. Таковы основныя предпосылки и вѣрованія теоріи правового государства. Трагическое раздвоеніе марксизма состоитъ въ томъ, что скрыто и бессознательно онъ самъ вынуждается склониться къ этимъ вѣрованіямъ, а открыто и теоретически онъ долженъ ихъ отвергнуть. Послѣдовательно проведенная классовая теорія государства, рассматривающая государство, какъ орудіе классоваго господства, при наличности классовъ не можетъ допустить нейтральной области сверхклассовыхъ интересовъ и нормъ. Существованіе государства, по словамъ Энгельса, есть свидѣтельство того, что общество „запуталось въ неразрѣшимое противорѣчіе съ самимъ собою и раскололось на непримиримыя противоположности, изгнать которыя оно безсильно“¹⁾. Если государство существуетъ, это значить, что существуютъ классы, интересы которыхъ непримиримы, или говоря иначе, государство есть отраженіе и порожденіе существующихъ неразрѣшимыхъ противорѣчій, область скрытой или открытой соціальной вражды. Для однихъ это орудіе господства и угнетенія, для другихъ символъ рабства и подчиненія. Нейтральныхъ, примиряющихъ началъ при такихъ условіяхъ въ государствѣ нѣтъ и быть не можетъ. Осуществленіе справедливаго права переносится всецѣло въ область идеала. Оно дѣлается возможнымъ лишь при радикальномъ переустройствѣ общества, когда уничтожаются въ немъ всѣ антогонизмы и противорѣчія, когда устраняется раздѣленіе управляющихъ и управляемыхъ, и общество становится автономнымъ и самоуправляющимся. При такомъ возрѣннн государство всецѣло относится въ сферу недолжнаго, противнаго справедливости; а вмѣстѣ съ государствомъ въ эту же сферу попадаетъ и все современное право: порожденіе классоваго государства, оно проникнуто

¹⁾ Engels, Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staates. S.S. 177—178.

тѣмъ же кореннымъ грѣхомъ непримиримыхъ классовыхъ противорѣчій.

Энгельсъ противопоставляетъ свой взглядъ на государство учению Гегеля, согласно которому государство есть „дѣйствительность нравственной идеи“; но надо сказать, что это противопоставленіе дѣлается имъ съ такой рѣзкостью, что государство оказывается совершенно за предѣлами нравственной идеи и внѣ дѣйствія справедливости: оно становится всецѣло выраженіемъ силы; какъ и съ другой стороны, нравственная идея и общеобязательная справедливость оказываются всецѣло за предѣлами современнаго государства и считаются осуществимыми только въ будущемъ социалистическомъ строѣ. Согласно общему духу абсолютнаго социализма, и въ этомъ отношеніи между будущимъ и настоящимъ лежитъ непроходимая пропасть, и нѣтъ между ними преемственности и связи. Старый міръ долженъ пройти чрезъ огонь катастрофическаго очищенія, чрезъ чудо всеобщаго преображенія для того, чтобы изъ него родился новый міръ. Отсюда слѣдовало бы вывести, что съ точки зрѣнія марксизма отношеніе къ государству можетъ быть только одно: отрицательное и враждебное. Надо всячески бороться съ государствомъ, стремиться къ его уничтоженію или, что то же, стремиться къ уничтоженію классовъ и классовыхъ противорѣчій. Возможность общей гармоніи и социальнаго міра появится только тогда, когда классы, классовыя противорѣчія и государство будутъ уничтожены. Для государства же достиженіе этой цѣли невысказано: являясь продуктомъ непримиримыхъ классовыхъ противорѣчій, оно не можетъ ихъ уничтожить, не уничтожая вмѣстѣ съ ними и самого себя: оно бессильно разрушить тотъ фундаментъ, на которомъ само же оно и утверждается. И такъ какъ государство не можетъ устранить или примирить классовыя противорѣчія, то ему остается только одно: держать ихъ въ уздѣ, *im Zaum zu halten*¹⁾.

¹⁾ Ibid. S. 180.

Тотъ миръ, который оно устанавливаетъ, есть внѣшній прозрачный порядокъ, поддерживаемый силой; по общему правилу государство находится въ рукахъ могущественнаго, экономически господствующаго класса. Правда, устами Энгельса марксизмъ допускаетъ и нѣкоторыя исключенія: „бываютъ иногда періоды, когда борющіеся классы настолько поддерживаютъ равновѣсіе другъ противъ друга, что государственная власть по отношенію къ нимъ получаетъ на короткое время извѣстную самостоятельность, въ качествѣ кажущейся посредницы. Въ такомъ положеніи находится абсолютная монархія семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій, которая уравниваетъ между собою дворянство и буржуазію; въ такомъ же положеніи былъ и бонапартизмъ первой и особенно второй французской имперіи, который пользовался пролетаріатомъ противъ буржуазіи и буржуазіей противъ пролетаріата. Новѣйшимъ искусствомъ этого рода, при которомъ управители и управляемые попадаютъ въ одинаково комическое положеніе, является новая германская имперія бисмарковой націи: здѣсь капиталисты и рабочіе по отношенію другъ къ другу одинаково уравниваются и обманываются на благо оскудѣвающихъ прусскихъ юнкеровъ“¹⁾. Казалось бы, это исключеніе, которое указываетъ Энгельсомъ для семнадцатаго, восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣковъ, которое растягивается на цѣлыя столѣтія и вовсе не является кратковременнымъ, должно было бы навести на мысль, что государственная власть обладаетъ „по крайней мѣрѣ частичной независимостью отъ господствующаго класса и можетъ, благодаря этому, принимать мѣры, противныя интересамъ этого класса“²⁾. Казалось бы, что отсюда слѣдуетъ заключить, что для государства есть возможность самостоя-

1) Ibid. S. 180.

2) Это вполне справедливое указаніе противъ классовой теоріи государства дѣлаетъ О. О. Кокошкинъ (Лекціи по общему государственному праву—стр. 59), который въ данномъ случаѣ могъ бы найти для себя поддержку и въ примѣрахъ, приводимыхъ самимъ Энгельсомъ.

тельнаго нейтральнаго регулированія. Но Энгельсъ, очевидно, понимаетъ приводимое имъ исключеніе такъ, какъ обыкновенно понимаютъ исключенія, т.-е. въ томъ смыслѣ, что они подтверждаютъ правила. Поэтому-то онъ и говоритъ съ такой ироніей о случаяхъ балансированія власти между отдѣльными классами. И ему кажется, что общее правило остается неизблемымъ, что зависимость власти отъ господствующаго класса есть законъ государственнаго бытія. Но если такъ, то очевидно слѣдуетъ бороться съ самой идеей государства, какъ съ идеей классоваго угнетенія. Надо стремиться къ тому, чтобы государства не было, чтобы не было господства однихъ надъ другими, чтобы „свободное развитіе каждаго стало условіемъ свободнаго развитія всѣхъ“. Такъ классовая теорія, послѣдовательно проведенная, приводила къ анархическому бунту противъ самой идеи государства и склоняла къ утопіи безгосударственнаго состоянія.

Но такимъ образомъ марксизмъ вступалъ въ противорѣчіе съ другой своей теоріей, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ и основной теоріей социализма. Поскольку онъ требовалъ устраненія анархіи изъ хозяйственной жизни, поскольку онъ настаивалъ на планообразномъ обобществленіи и рациональномъ сосредоточеніи всѣхъ частныхъ и общественныхъ силъ и средствъ,—онъ не могъ обойтись безъ идеи публично-правового регулированія, а слѣдовательно и безъ государственной идеи. Утопическая мечта уносила его въ облачныя сферы анархіи, а практическая потребность возвращала на почву дѣйствительности, въ область государственнаго управленія. И въ данномъ случаѣ лишь при полной неясности юридическихъ представленій можно было подобно Энгельсу утверждать, что это будетъ только „распоряженіе вещами и руководство процессами производства, а не управленіе лицами“. Вѣдь за вещами и процессами производства стоятъ лица, и распоряжаться вещами, не затрогивая людей, съ которыми онѣ такъ или иначе связаны, невозможно. Это простѣйшая юридическая истина,

не нуждающаяся въ доказательствахъ. Какъ только признается необходимость регулированія хозяйственной жизни, этимъ самымъ устанавливается и неизбѣжность государственной власти.

И въ самомъ дѣлѣ не трудно показать, какъ мы и отмѣтили это выше, что лишь утопическими концами своими марксизмъ соприкасается съ анархизмомъ, отъ котораго онъ рѣшительно отталкивается, какъ только переходитъ къ соображенію реальныхъ возможностей и перспективъ. Если поставить вопросъ, какъ проводить онъ свое отрицаніе государственной идеи, то окажется, что это только и удастся ему въ туманныхъ высотахъ чистаго отвлеченія, спускаясь съ которыхъ онъ долженъ измѣнить своей утопії. На вершинахъ утопизма все представляется возможнымъ: предполагается, что въ совершенномъ обществѣ, отдѣленномъ цѣлой пропастью отъ существующихъ несовершенствъ, исчезнетъ различіе классовъ, не будетъ болѣе господствующихъ и угнетаемыхъ; а отсюда затѣмъ выводится, что это и будетъ истинное царство свободы: государства болѣе не будетъ, всѣ будутъ свободны. Нельзя однако не признать, что въ данномъ случаѣ отъ предположенія къ выводу совершается очевидный скачокъ: здѣсь упускается изъ вида, что если никто не будетъ въ угнетеніи у какого-либо отдѣльнаго класса, то всѣ будутъ, однако, въ подчиненіи у общества, и что обществу придется осуществлять свое господство путемъ публично-правового регулированія при посредствѣ принудительной государственной власти. Изъ того, что рабочіе освободятся отъ власти капиталистовъ, отнюдь не слѣдуетъ, что они освободятся отъ всякой власти вообще. Мѣсто капиталистовъ займетъ все общество, и хотя въ немъ уничтожатся различія классовъ, но не уничтожится власть общества надъ личностью. Не будетъ неравенства правъ, всѣ будутъ равноправными участниками общаго дѣла; но сказать, что изъ этого равенства произойдетъ и полная свобода, это значитъ сдѣлать очевидный логическій скачокъ. Для насъ ясно, почему

марксизмъ дѣлаеть этотъ скачокъ: вѣдь онъ понимаетъ свободу, какъ сляніе лица съ обществомъ, какъ неразрывную гармонію личнаго и общественнаго началъ. И когда совершилось это благодатное поглощеніе лица обществомъ, когда человѣкъ, по выраженію Маркса, „свои forces propres позналъ и организовалъ, какъ силы общественныя, и потому уже не отдѣляетъ общественной силы отъ себя въ видѣ политической силы“, тогда естественно предположить, что установленная такимъ образомъ человѣческая эмансипація будетъ поддерживаться внутреннимъ совершенствомъ идеальнаго экономическаго быта, автоматическимъ дѣйствіемъ имманентныхъ законовъ обобществленнаго производства. Если государство есть только отраженіе несовершенства и анархіи современнаго экономическаго строя, то ясно, что въ совершенномъ строѣ въ немъ не будетъ нужды. Это костыли хромающаго, которые онъ бросаетъ, когда исцѣляется отъ болѣзни ногъ. Человѣкъ здоровый не нуждается въ искусственныхъ опорахъ: онъ совершаетъ свои движенія естественно и непринужденно, въ силу безсознательныхъ навыковъ, основанныхъ на законахъ механики.

Несомнѣнно, что именно такова была логика утопической мысли, создававшей представленіе о безгосударственномъ и метаюридическомъ состояніи. Такое представленіе могло опираться только на самоопредѣленіе экономически совершеннаго общества, на дѣйствіе идеальныхъ экономическихъ условій, обеспечивающихъ полную правильность экономическаго оборота. Если есть вѣра, что найдено чудесное средство спасенія, что вся тайна совершенной жизни въ радикальномъ преобразованіи экономическаго базиса, нечего думать о какихъ-то внѣшнихъ вспомогательныхъ и дополнительныхъ средствахъ, въ родѣ новаго права и новаго государства, которыя могли бы обеспечить или хотя бы только облегчить дѣйствіе новыхъ экономическихъ условій: правильное дѣйствіе ихъ обеспечено и такъ, силою ихъ чудеснаго, произвольнаго и автоматически совершающагося функціонированія. Таковы были скрытыя предположенія этой

утопіи безгосударственнаго состоянія, сблизившія её съ прудоновскимъ анархизмомъ. И когда мы взвѣшиваемъ всю силу этихъ утопическихъ предположеній, мы понимаемъ почему социализмъ Маркса становится въ рѣзкую оппозицію къ идеѣ демократіи, къ идеалу свободнаго народнаго государства: въ рамки социалистической утопіи не вмѣщается и самое свободное демократическое устройство, поскольку оно остается все же государствомъ. „Свободное государство — что это такое?“ — спрашиваетъ Марксъ и отвѣчаетъ, что цѣлью рабочихъ отнюдь не является „сдѣлать государство свободнымъ“. „Свобода состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать государство изъ стоящаго надъ обществомъ въ совершенно ему подчиненный органъ“. Государство должно быть поглощено обществомъ. Съ этой точки зрѣнія идеалъ свободнаго государства представляется Марксу простымъ недоразумѣніемъ: это вѣрованіе „вульгарной демократіи, которая видитъ въ демократической республикѣ тысячелѣтнее царствіе и не имѣетъ никакого предчувствія о томъ, что именно въ этой послѣдней государственной формѣ классовая борьба будетъ окончательно разыграна 1)“. Въ иныхъ выраженіяхъ то же отрицаніе демократической идеи государства мы встрѣчаемъ у Энгельса. Имѣя въ виду переходный періодъ къ социализму, когда пролетаріатъ, по ученію марксизма, долженъ овладѣть государственной властью, онъ допускаетъ, что въ это время пролетаріатъ будетъ пользоваться государствомъ, но только временно и вовсе не въ интересахъ свободы, а въ цѣляхъ обузданія своихъ противниковъ; когда же наступитъ свобода, тогда о государствѣ уже не будетъ рѣчи. Поэтому самое выраженіе: „свободное государство“ представляется Энгельсу „чистой бессмыслицей“ 2).

Такъ утопическая мечта отрываетъ марксизмъ отъ обычныхъ путей исторіи. Но первая же мысль объ осуществле-

1) К. Марксъ, Критика Готской программы, стр. 27—28.

2) Письмо Энгельса къ Бебелю отъ 18—28 марта 1875 г., см. Bebel, Aus meinem Leben. II Th. S. 322.

ни этой мечты тотчасъ возвращаетъ его на историческую почву: тутъ вступаетъ въ свои права реалистическая сторона этой доктрины, требовавшая прямой связи съ конкретными историческими фактами. На вопросъ о томъ, какъ осуществить социалистическій идеалъ, „Коммунистическій Манифестъ“ отвѣчаетъ, что „первый шагъ рабочей революціи есть возвышеніе пролетаріата до значенія господствующаго класса и овладѣніе демократіей“¹⁾. Извѣстно, что эта мысль объ „овладѣніи властью“ и „диктатурѣ пролетаріата“ осталась на послѣдующее время краеугольнымъ камнемъ социалистической тактики. Въ 1875 году, въ „Критикѣ Готской программы“, какъ и въ 1847 году въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ Марксъ одинаково утверждалъ, что въ переходный періодъ между капиталистическимъ и коммунистическимъ обществомъ государство не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ революціонной диктатурой пролетаріата²⁾. Такимъ образомъ оказывается, что основнымъ рычагомъ экономическаго переворота является политическая революція, а необходимой опорой для социалистическаго строя является новая политическая власть,—власть пролетаріата. Такъ именно и говорится въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“: „пролетаріатъ употребить свое политическое господство для того, чтобы постепенно отобрать у буржуазіи весь капиталъ, сосредоточить всѣ орудія производства въ рукахъ государства, т.-е. организованнаго въ качествѣ господствующаго класса пролетаріата и съ возможной скоростью умножить массу производительныхъ средствъ. Конечно, это можетъ совершиться прежде всего лишь посредствомъ деспотическихъ вторженій въ право собственности и въ буржуазныя производственныя отношенія, т.-е. посредствомъ такихъ мѣръ, которыя кажутся экономически недостаточными и неприемлемыми, но которыя по ходу движенія дадутъ результаты, превышающіе ихъ, и ко-

¹⁾ Das Kommunistische Manifest S. 44.

²⁾ К. Марксъ, Критика Готской программы. Переводъ Н. Алексѣева—СПБ. 1906. Стр. 27.

торыя неизбежны для ниспроверженія всѣхъ производственныхъ отношеній въ цѣломъ.“¹⁾

Изъ этого видно, что овладѣніе политической властью является, согласно ученію марксизма, тѣмъ мостомъ, который поможетъ перейти отъ современнаго государственнаго устройства къ идеальному безгосударственному состоянію. При этомъ предполагается, что когда переходъ совершится, когда классовыя различія исчезнутъ и производство сосредоточится въ рукахъ объединенныхъ членовъ общества, тогда „публичная власть потеряетъ свой политическій характеръ“: наступитъ истинное царство свободы. Политическая власть въ рукахъ пролетаріата разсматривается, слѣдовательно, какъ средство временное, которое нужно лишь для того, чтобы покончить со старымъ буржуазнымъ міромъ и которое должно быть сдано въ музей древностей, лишь только этотъ міръ доживетъ свои послѣдніе дни. Реализмъ и утопизмъ здѣсь опять смыкаются въ стройную цѣпь: практическія средства для преодоленія общественныхъ противорѣчій берутся изъ ряда реальныхъ историческихъ ресурсовъ, а когда противорѣчія преодолены, тогда начинается новая невиданная жизнь, наступаетъ чудесная гармонія безгосударственнаго состоянія. Но здѣсь снова мы должны констатировать, что кажущаяся прочность этой связи реальныхъ средствъ съ утопической цѣлью можетъ держаться исключительно на вѣрѣ въ близкое и неминуемое крушеніе буржуазнаго строя. Если овладѣніе политической властью—дѣло недалекаго будущаго, и если сокрушить старый строй можно однимъ ударомъ деспотическихъ вторженій въ существующія отношенія, тогда дѣйствительно можетъ казаться, что средства политической власти берутся только на краткій мигъ перваго торжества, пока жизнь не вошла въ нормальную колею. Но допустимъ, что процессъ овладѣнія властью растягивается на необозримо-долгій срокъ, не рискуетъ ли тогда социализмъ погряз-

¹⁾ Das Kommunistische Manifest. S. 44.

нуть въ мелкой прозѣ реальной политики, и блаженство безгосударственного состоянія не представится ли прекраснымъ, но недоступнымъ миражемъ?

Но пусть даже это будетъ не такъ. Пусть случится чудо, и пролетариату удастся путемъ спасительнаго насилія, основаннаго на политическомъ всемогуществѣ, осуществить полностью социалистическій строй; такъ ли легко будетъ освободиться отъ традицій государственнаго состоянія? Марксу и Энгельсу представлялось, что политической властью можно овладѣть на краткій срокъ, воспользоваться ею для нанесенія смертельнаго удара старому строю и затѣмъ сдать ее за ненадобностью въ музей. Но въ этомъ представленіи заключается, съ точки зрѣнія науки права, величайшая неясность мысли. Политическая власть не есть какой-то волшебный жезлъ, который можно вырвать изъ рукъ злодѣя, чтобы употребить его для своихъ благихъ цѣлей и затѣмъ спрятать въ потайной ларецъ или, употребляя собственное выраженіе Энгельса,—въ „музей древностей“. Политическая власть, это сложная система юридическихъ отношеній и психическихъ воздѣйствій, которая при помощи своихъ развѣтвленій путемъ самыхъ разнообразныхъ правилъ, постановленій и мѣръ регулируетъ и направляетъ общественную жизнь. Ее нельзя вынуть изъ общественнаго организма и куда-то спрятать. Уничтожьте ее съ ея органами и развѣтвленіями, не замѣняя ничѣмъ аналогичнымъ, и общество распадется на составные элементы, связанные лишь частными интересами и потребностями, но утратившіе руководящій контроль общихъ нормъ. Предположеніе Маркса и Энгельса, что въ социалистическомъ строѣ политической власти не будетъ, основано на недоразумѣніи, на неясномъ представленіи о природѣ и значеніи юридическихъ и политическихъ формъ. И совершенно правы тѣ юристы, которые утверждаютъ, что въ социалистическомъ идеалѣ рѣчь идетъ лишь о преобразованіи существующаго государства, а не объ уничтоженіи государства вообще. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ заявленій, отно-

сящемся къ 1875 году, Марксъ весьма основательно замѣчаетъ, что „только наука“ можетъ отвѣтить на вопросъ: „какое превращеніе испытаетъ государство въ коммунистическомъ обществѣ“, и какія въ немъ останутся „общественныя функціи, аналогичныя нынѣшнимъ государственнымъ функціямъ“ ¹⁾. Предоставивъ рѣшеніе этого вопроса наукѣ, самъ Марксъ не пытался на него отвѣтить. Не отвѣтилъ на него и Энгельсъ. Но когда современная наука права—наука единственно компетентная въ рѣшеніи вопросовъ этого рода—ставитъ соотвѣтственную проблему, она отвѣчаетъ на нее безъ колебаній. Если продумать идеаль социализма во всѣхъ его практическихъ послѣдствіяхъ, то надо придти къ заключенію, что это „вовсе не свободное анархическое общество, а союз, хотя и имѣющій совершенно отличную отъ современныхъ государствъ физіономію, но тѣмъ не менѣ обладающій всѣми существенными признаками государства и въ частности принудительной властью. Сила власти социалистическаго государства въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ должна быть даже гораздо сильнѣе власти современнаго государства, принудительное дѣйствіе ея на отдѣльныхъ лицъ будетъ гораздо энергичнѣе. Нельзя, напримѣръ, представить себѣ это государство безъ всеобщей обязательной повинности труда, за выполненіемъ которой должны будутъ слѣдить государственные органы. Государство возьметъ въ свои руки производство и распредѣленіе продуктовъ, оно должно будетъ бороться противъ нарушеній установленнаго имъ порядка. Все это возможно лишь при наличности сильной организованной власти“ ²⁾. Но болѣе того: „не подлежитъ сомнѣнію, что для осуществленія своихъ новыхъ задачъ государство будущаго воспользуется тѣми же юридическими средствами, какъ и правовое государство. Большинство его учреждений будетъ создано по аналогіи съ учреждениями правового государ-

¹⁾ К. Марксъ, Критика Готской программы. Переводъ Н. Алексѣева. СПБ. 1906. Стр. 26—27.

²⁾ Э. Э. Кокошкинъ. Лекціи по общему государственному праву. Стр. 60.

ства. Организованность и устраненіе анархіи въ общественномъ хозяйствѣ будутъ достигнуты въ государствѣ будущаго путемъ тѣхъ же правовыхъ приѣмовъ, путемъ которыхъ достигаются организованность и устраненіе анархіи въ правовой и политической жизни въ государствѣ правовомъ. Двѣ основы правового государства—субъективные публичные права и участіе народа въ законодательствѣ и управленіи страной—будутъ вполне послѣдовательно развиты и расширены“ ¹⁾. Понятно, почему марксизмъ, несмотря на провозглашеніе идеала безгосударственного состоянія, на энергичное заявленіе, что въ социалистическомъ строѣ государства болѣе не будетъ, все время тяготеетъ къ политикѣ и государственности. Это вытекаетъ изъ самаго существа социализма, какъ системы господства общества надъ личностью, какъ системы централизаціи и обобществленія всей жизни въ ея основныхъ матеріальныхъ проявленіяхъ, — системы, осуществимой лишь въ формахъ правового государства. Очевидно, утопія безгосударственного состоянія увѣличиваетъ зданіе совершенно иного стиля.

Одновременно съ социализмомъ Маркса пышно расцвѣталь анархизмъ Бакунина, но простая справка о ихъ непримиримой враждѣ лучше всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій свидѣтельствуешь о томъ, насколько марксизмъ по существу отталкивался отъ чисто анархическихъ выводовъ изъ анархическихъ принциповъ. Въ спорѣ съ марксизмомъ бакунизмъ требоваль полнѣйшаго разрыва со всѣми правительствами, со всѣми видами буржуазной политики. Онъ доказываль, „что никакая диктатура не можетъ имѣть другой

¹⁾ Б. А. Кистяковскій, Соціальныя науки и право. М. 1916. Стр. 590 (въ статьѣ: „Государство и личность“).—Нельзя не отмѣтить съ особой признательностью, когда и среди социалистовъ высказывается сознаніе, что юридическая сторона социализма остается и до сихъ поръ совершенно неразработанной. Такое сознаніе мы находимъ въ статьѣ Я. Вѣчева (въ сборникѣ „Вѣхи, какъ знаменіе времени“ М. 1910): „Вопросы теоріи и политики права представляютъ собою въ настоящее время особенно широкое поприще для работы социалистической мысли. Это—самая неразработанная часть социалистической теоріи“. (Статья: „Правовыя идеи въ русской литературѣ“. Стр. 236).

цѣли, кромѣ увѣковѣченія себя“, и что „свобода можетъ быть создана только свободою, т.-е. всенароднымъ бунтомъ и вольной организаціей рабочихъ маеетъ снизу вверхъ“, „свободнымъ соединеніемъ народныхъ асоціацій, общинъ, волостей, областей снизу вверхъ, сообразно народнымъ потребностямъ и инстинктамъ“. Тутъ дѣйствительно государство уничтожалось, и все возлагалось на свободное творчество жизни, на вольное саморегулированіе рабочихъ массъ. И совершенно очевидно, что марксизмъ не могъ принять такой программы, что именно въ этомъ пунктѣ онъ долженъ былъ вступить съ бакунизмомъ въ смертный бой. Предоставить строеніе новаго общества свободному творчеству снизу вверхъ, сообразно народнымъ потребностямъ и инстинктамъ, это значило отдать будущее на произволь частныхъ и мѣстныхъ рѣшеній, поставить его въ зависимость отъ всей случайности разрозненныхъ и разнообразныхъ сочетаній отдѣльныхъ волей. Анархизмъ Бакунина идею планомѣрнаго устройства общества замѣнялъ вѣрой въ зиждательную силу безусловной свободы, въ творческой разумъ освобожденной отъ всякихъ узъ личности. Соціализмъ Маркса отправляется отъ началъ противоположныхъ: не свобода личного творчества, а планомѣрность общественной организаціи, не абсолютизмъ личности, а торжество общественности лежитъ въ его основѣ. Отсюда съ неизбежностью вытекала идея централизаціи всѣхъ общественныхъ силъ и средствъ, а эта идея никакъ не могла сочетаться съ безусловной свободой анархическаго состоянія: она требовала какъ разъ противоположнаго—сосредоточенія и усиленія власти. Но становясь на этотъ путь, марксизмъ невольно и незамѣтно для себя приводилъ свой идеаль въ преемственную связь съ историческимъ развитіемъ государственныхъ формъ, и чѣмъ болѣе эта точка зрѣнія сознавалась и уяснялась, чѣмъ болѣе перевѣшивали мотивы реалистическіе, тѣмъ болѣе тускнѣлъ утопическій идеаль безгосударственнаго состоянія. Какъ и наоборотъ, чѣмъ болѣе мысль питалась представленіемъ о

радикальномъ разрывѣ съ прошлымъ, о неслыханномъ совершенствѣ будущаго, тѣмъ болѣе казалось возможнымъ разорвать историческую преемственность и создать блаженство безгосударственного бытія. Всѣ эти колебанія проистекали изъ основного противорѣчія, проникающаго марксизмъ. Являясь радикальнымъ отрицаніемъ существующаго общества, открытымъ бунтомъ противъ всѣхъ существующихъ связей, безусловнымъ непринятіемъ міра, какъ онъ есть, марксизмъ въ то же время укладываетъ эту угрозу бунта и отрицанія въ рамки научнаго предвидѣнія и закономѣрнаго осуществленія. Вотъ почему онъ то отталкивается отъ исторіи, то снова стремится къ ней и опирается на нее; то увлекается революціонными мечтами, грозитъ смертью старому міру и пророчитъ чудесный скачокъ въ царство свободы, то склоняется предъ силою историческихъ фактовъ и признаетъ неразрывную преемственность историческихъ формъ.

Здѣсь умѣстно будетъ отмѣтить, что совершенно иную позицію въ этомъ отношеніи занялъ лассалеанизмъ. Позднѣйшая социаль-демократическая традиція въ значительной мѣрѣ сглаживаетъ разницу между Лассалемъ и Марксомъ. Официальный историкъ партіи, компетентность котораго признана ея вліятельными вождями ¹⁾, Францъ Мерингъ склоненъ сводить и лассалеанизмъ, и марксизмъ къ нѣкоторому общему духовному корню. Въ ихъ совмѣстномъ воздѣйствіи на нѣмецкое рабочее движеніе онъ видитъ единую диагональ силъ, внутренне согласованныхъ и ведущихъ къ единой цѣли. „Можно сказать,—говоритъ Мерингъ,—что „Программа работниковъ“ Лассалю—это „Коммунистическій Манифестъ“, отраженный въ зеркалѣ нѣмецкихъ условій“ ²⁾. Вслѣдствіе этого и нынѣшняя тактика германской социаль-демократіи представляется ему „той же тактикой, кото-

¹⁾ См., напримѣръ, August Bebel, Aus meinem Leben. I Th. S. 77. Zweite Auflage. Stuttgart 1191.

²⁾ F. Mehring, Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. Bd. II. S. 349; русскій переводъ т. II, стр. 356—357.

рую нѣкогда рекомендовали „Коммунистическій Манифестъ“, а затѣмъ, въ специальномъ примѣненіи къ нѣмецкимъ условіямъ „Открытое письмо Лассаля“ ¹⁾. Этотъ взглядъ упускаетъ изъ вида, что при общемъ сходствѣ ученій Маркса и Лассаля, какъ системъ социализма, при несомнѣнномъ вліяніи Маркса на Лассаля, между ними существуетъ и глубочайшее принципиальное различіе. Сами Марксъ и Энгельсъ, какъ извѣстно, очень живо чувствовали это различіе, и въ особенности обнародованная въ 1913 году ихъ переписка даетъ этому новыя и яркія доказательства. Высоко оцѣнивая заслуги Лассаля по организациіи рабочаго движенія въ Германіи, они вѣрно угадывали въ немъ совершенно чуждую имъ духовную силу, какъ это съ инстинктивной чуткостью высказалъ Энгельсъ при полученіи извѣстія о смерти Лассаля: „er war für uns gegenwärtig ein sehr unsicherer Freund, zukünftig ein ziemlich sicherer Feind“ ²⁾. И когда потомъ въ письмахъ другъ къ другу они такъ горячо возставали противъ правительственнаго, консервативно-чартистскаго характера поднятаго Лассалемъ движенія ³⁾, когда они считали это движеніе находящимся въ состояніи „лассалевской дѣтской болѣзни“ ⁴⁾, когда они говорили: „der eckelhafteste Lassallianismus“ ⁵⁾, „das alleinseeligmachende Lassalesche Glaubensbekenntniss“ ⁶⁾, не свидѣтельствуешь ли все это о томъ, въ какой мѣрѣ чувствовали они, что въ лассалеизмѣ нашла для себя выраженіе нѣкоторая иная враждебная имъ стихія⁷⁾. И дѣйствительно рѣчь шла въ данномъ случаѣ о коренномъ и непримиримомъ противорѣчьи: быть ли социализму осуществленнымъ силою государства, въ рамкахъ исторической преемственности пра-

¹⁾ F. Mehring, *ibid* Bd. IV. S. 358; русскій переводъ т. IV. стр. 382.

²⁾ Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx. Stuttgart 1913. Bd. III. S. 179.

³⁾ *Ibid*. Bd. III, SS. 210, 215, 224, 230—231.

⁴⁾ *Ibid*. Bd. IV, S. 173.

⁵⁾ *Ibid*. Bd. III, S. 211.

⁶⁾ *Ibid*. Bd. IV, S. 92, §. 104.

⁷⁾ По словамъ Маркса, онъ высказалъ свое несогласіе съ Лассалемъ еще въ 1862 г. во время пребыванія его въ Лондонѣ (см. письмо его къ Швейперу

вовыхъ формъ, въ качествѣ принципа нравственной солидарности общества, или же ждуть ему своего осуществленія отъ разрушающей государство социальной революціи, въ результатѣ катастрофическаго разрыва съ прошлымъ и на основѣ враждебнаго и непримиримаго распадения общества на классы. То или иное рѣшеніе вопроса стоитъ въ связи съ тѣмъ, какъ смотрѣть на государство: считать ли его простымъ орудіемъ классовой борьбы или же видѣть въ немъ высшее и самостоятельное нравственное единство. Глубочайшее принципиальное различіе Лассаля отъ Маркса и Энгельса и состоитъ въ томъ, что въ своемъ воззрѣніи на государство онъ слѣдуетъ не за ними, а за Руссо и Гегелемъ, и далекій отъ утопіи безгосударственнаго состоянія, сочетаетъ свои социалистическія идеи съ теоріей правового государства. Онъ не отрицаетъ того безспорнаго факта, что въ государствѣ происходитъ классовая борьба и смѣна вліяній различныхъ классовъ, но вслѣдъ за Гегелемъ онъ признаетъ, что государство стоитъ выше этихъ явленій общественной жизни; что оно представляетъ собою „единство личностей въ одномъ нравственномъ цѣломъ“ ¹⁾, „вѣковѣчный священный огонь цивилизаціи“ ²⁾. Оспаривая старое отвлеченно либеральное воззрѣніе на го-

въ сборникѣ: *Aus dem literarischen Nachlass...* Bd. IV, S. 362). Однако Лассаль нисколько не былъ поколебленъ доводами Маркса и продолжалъ начатую имъ агитацію въ томъ же духѣ. Съ этого момента между ними ясно обозначилось рѣшительное расхожденіе взглядовъ и личное отдаленіе, что въ перепискѣ Маркса и Энгельса отразилось въ видѣ неизмѣнной ироніи по адресу Лассаля. И ранѣе Марксъ давалъ иногда суровые отзывы о Лассалѣ (см. напр. *Der Briefwechsel*, Bd. III, S. 17); теперь эти отзывы становятся обычными (*Ibid.* Bd. III, SS. 75, 115, 125, 132, 136, 139, 143, 147, 165—166). Смерть Лассаля, послѣдовавшая въ 1864 году, заставляетъ и Маркса, и Энгельса воздать должное ихъ бывшему другу. (*Ibid.* Bd. III, SS. 179—180, SS 181—182). Затѣмъ въ дальнѣйшей перепискѣ снова встрѣчаются постоянныя нападки на Лассаля и лассалезнизмъ, хотя при случаѣ отмѣчается и значеніе Лассаля (см. напр. Bd. III, S. 243).

¹⁾ *F. Lassalle's Reden und Schriften*. Berlin 1892—1893. Bd. II, S. 46; русск. перев. Сочиненія Ф. Лассаля. 2-ое изданіе (Н. Глаголева) СПб. Т. I, стр. 31. (Программа работниковъ).

²⁾ *Ibid.* Bd. II S 388; руск. пер. Т. I, стр. 289.

сударство, какъ на „ночного сторожа“, обязаннаго охранять личную свободу и собственность индивидуума, Лассаль рѣшительно протестуетъ противъ того, чтобы такой взглядъ правильно выражалъ сущность государства: „въ нравственно упорядоченномъ общежитіи необходимы еще сверхъ того солидарность интересовъ, общность и взаимность въ развитіи“ ¹⁾. Въ этомъ именно смыслѣ надо понимать истинное призваніе государства, состоящее „въ развитіи рода человѣческаго въ направленіи къ свободѣ“ ²⁾. Это—„нравственная природа государства, его истинное и возвышенное предназначеніе“. И такая цѣль имѣетъ отношеніе не только къ идеальному государству будущаго: „и въ дѣйствительности государство во всѣ времена, самую силою вещей, даже безсознательно, даже вопреки желанію своихъ руководителей болѣе или менѣе служило этой цѣли“ ³⁾. Съ совершенной ясностью идея такого служенія государства раскрывается, по мнѣнію Лассаля, только какъ „идея рабочаго сословія“. Но „если идея рабочаго сословія станетъ господствующей идеей государства, то это только приведетъ въ *сознаніе* и сдѣлаетъ *сознательной* цѣлью общества то, что всегда было непознанной органической природой государства. Такова великая преемственность и единство всякаго человѣческаго развитія: здѣсь не появляется ничего совершенно новаго, здѣсь всегда лишь приводится въ сознаніе и осуществляется свободной волей то, что искони, само по себѣ, было уже безсознательно-дѣйствующей органической природой вещей“ ⁴⁾.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ Лассаль говоритъ, какъ онъ это и самъ опредѣленно подчеркиваетъ, не о господствѣ четвертаго сословія, а «только о томъ, чтобы сдѣлать идею четвертаго сословія руководящей государственной идеей» ⁵⁾.

¹⁾ Ibid. Bd. II, S. 45; русск. пер. Т. I, стр. 30.

²⁾ Ibid. Bd. II, S. 46; русск. пер. Т. I, стр. 31.

³⁾ Ibid. Bd. II, S. 47; русск. пер. Т. I, стр. 32.

⁴⁾ Ibid. Bd. II, S. 47; русск. пер. Т. I, стр. 51—52 (Наука и работники).

⁵⁾ Ibid. Bd. II, 1. 186 (Kritische Randnoten); рус. пер. Т. I, стр. 123.

И въ этомъ смыслѣ онъ понимаетъ провозглашеніе идеи рабочаго сословія не какъ „призывъ къ раздѣленію и враждѣ общественныхъ классовъ“, а какъ призывъ къ *примиренію*, — призывъ, обращенный ко всему обществу“. „Это призывъ къ *единенію*, на который должны откликнуться всѣ враги привилегій и угнетенія народа привилегированными сословіями, это кличъ *любви*, который, однажды раздавшись изъ сердца народа, *навѣки останется истиннымъ лозуномъ* его и по своему внутреннему характеру будетъ даже тогда кличемъ *любви*, когда грянетъ браннымъ кликомъ народа». ¹⁾ По собственному заявленію Лассала онъ обращается со своимъ возваніемъ не въ цѣляхъ возбужденія раздора между имущими и рабочими классами, а для воздѣйствія «на общественное убѣжденіе и общественную совѣсть». „Было бы величайшимъ фактомъ культуры, величайшимъ торжествомъ для германскаго имени, для германской націи, если бы въ Германіи именно имущіе взяли на себя инициативу въ соціальномъ вопросѣ, если бы инициатива эта являлась плодомъ науки и любви, а не ненависти и дикой санкюлотской ярости!“ Указавъ на то, что онъ самъ и нѣкоторые другіе, подобно ему принявшіе инициативу въ этомъ дѣлѣ, принадлежатъ по образованію и состоянію къ лучшимъ слоямъ имущихъ классовъ, онъ продолжаетъ: „неужели не видятъ, что это великій фактъ сословнаго примиренія и что ненависть и столкновение между классами грозитъ вызвать только безпримѣрная ярость, съ которой противятся нашимъ стремленіямъ? Если бы удалось задушить эти стремленія, если бы удалось, господа, примѣромъ ихъ гибели отвратить впредь будущихъ людей науки отъ подобной инициативы,—тогда, конечно, намъ предстояло бы очутиться черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ разгарѣ пролетарской революціи и самимъ пережить ужасы іюньскихъ дней! Но мы не допустимъ этого; этому не бывать!“ ²⁾.

¹⁾ Ibid. Bd. II SS. 38—39; T I, стр. 25 (Программа работниковъ.)

²⁾ Ibid. Bd. II, SS. 573—574. русс. перев. Т. II, стр. 148. (Книга для чтенія рабочихъ).

Изъ этихъ словъ какъ нельзя лучше видно, насколько далека Лассаль отъ духа „Коммунистическаго Манифеста“. Отрицая догматы классовой борьбы, увѣнчивающей дѣло разрушенія государства пролетарской революціей, становясь на точку зрѣнія правового государства, онъ ясно видитъ предъ собою другой путь, путь легальной политической борьбы въ предѣлахъ существующаго государства. И онъ хочетъ поставить вызываемое имъ рабочее движеніе на почву общенароднаго, демократическаго движенія, а не только классоваго и пролетарскаго. „Я никогда не думалъ,—говоритъ онъ, вызвать особое движеніе съ участіемъ одного рабочаго сословія“. „Поднятое мною знамя есть знамя демократіи вообще. Въ буржуазіи есть хорошіе, здоровые элементы. Я самъ и очень многіе изъ насъ принадлежимъ къ буржуазіи. Всѣ они должны быть и будутъ съ нами заодно.“ „Я вызываю движеніе общее, демократическое, народное, а не классовое только; ни одинъ истинный демократъ не испугается мысли улучшить положеніе рабочаго класса при помощи собранія, избраннаго всеобщею подачею голосовъ. Ни одно истинно демократическое сердце не устрашится того, чтобы соединеніе всей интеллигенціи общества помогло нуждающимся классамъ государственнымъ мѣрами“ ¹⁾.

Отсюда вытекаетъ и ближайшій политическій лозунгъ Лассалья,—всеобщее избирательное право. Вслѣдъ за Руссо онъ ставитъ средствомъ къ осуществленію идеи правового государства „принципъ участія всѣхъ въ опредѣленіи воли государства“ ²⁾. Онъ вѣритъ, что всеобщее избирательное право есть не только *политическій* принципъ рабочихъ, но и ихъ *соціальный* принципъ, коренное условіе всякаго соціальнаго улучшения“. Это, по его словамъ, „единственное средство улучшить матеріальное положеніе рабочаго сословія“ ³⁾.

¹⁾ Ibid. Bd. II, SS. 577—578, p. п. Т. II, стр. 160. (Книга для чтенія рабочихъ).

²⁾ Ibid. Bd. II. S. 47; русск. пер. Т. I. стр. 32 (Программа работниковъ).

³⁾ Ibid. Bd. II. S. 443; русск. пер. Т. II, стр. 84. (Гласный отвѣтъ Центральному комитету въ Лейпцигѣ).

Говоря иными словами, источникомъ социальныхъ улучшеній онъ считаетъ государство, надлежащимъ образомъ организованное, а средствомъ къ этому улучшенію—„соединеніе всей интеллигенціи общества“. „Люди, понимающіе ваше положеніе, говоритъ онъ, обращаясь къ рабочимъ, ... поднимутъ за васъ свѣтлый мечъ науки и сумѣютъ отстаивать ваши интересы“ ¹⁾. Эта непреклонная вѣра въ силу науки и въ разумъ государства, какъ нравственнаго единства общества, воспринимается Лассалемъ съ силою внутренней интуиціи. Этой же вѣрой въ силу государственной помощи объясняется и другой извѣстный лозунгъ Лассалья—образование производительныхъ ассоціій рабочихъ при содѣйствіи государства; и здѣсь онъ остается на почвѣ государственныхъ мѣръ, на почвѣ удовлетворенія социальныхъ нуждъ средствами правового государства. При всей незаконченности политической теоріи Лассалья, мы все же должны признать, что у него есть то непосредственное ощущеніе сущности государства и права, котораго нельзя найти ни у Маркса, ни у Энгельса. Лассаль въ такой же мѣрѣ государствовникъ, какъ Марксъ революціонеръ, и утверждать, что въ его взглядахъ отражается „Коммунистическій Манифестъ“, лишь переломленный въ зеркалѣ нѣмецкихъ условий, это значитъ забывать, что самага главнаго догмата „Коммунистическаго Манифеста“, догмата ниспровергающей государство социальной революціи у Лассалья нѣтъ, и что вмѣсто этого въ его программѣ стоитъ диаметрально противоположный принципъ устрояющаго государство политическаго преобразованія. Понятно, почему Марксъ съ такимъ ожесточеніемъ напалъ на „вѣрноподданническую вѣру лассалевской секты въ государство“; понятно, почему онъ такъ возставалъ противъ стремленія лассальянцевъ замѣнить „революціонный принципъ переустройства общества“ „государственной помощью“ ²⁾. Въ

¹⁾ Ibid. Bd. II, S. 443; русск. перев. Т. II, стр. 84.

²⁾ К. Марксъ, Критика Готской программы, стр. 30 и 29. Мерингъ, отстаивающій свою мысль о томъ, что, „Программа работниковъ“ есть лишь приспособ-

противоположность Лассалю онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаетъ, чтобы въ государствѣ можно было видѣть „самостоятельную сущность, обладающую своими собственными духовными, нравственными, свободными основами“ ¹⁾. Это и есть именно то, что отдѣляетъ его отъ теории правового государства и приводитъ къ утопіи безгосударственного состоянія. Но этотъ революціонный утопизмъ препятствуетъ Марксу принципиально обосновать участие въ текущей политикѣ. Въ то время какъ Лассаль послѣдовательно и безъ колебаній шелъ по пути легальной политики, что вытекало изъ самой сущности его воззрѣній на государство и на преемственность историческаго разви-

соболеніе „Коммунистическаго Манифеста“ къ нѣмецкимъ условіямъ, утверждаетъ, что и въ своемъ представленіи о государствѣ Лассаль только подчеркиваетъ, „что рабочій классъ нуждается въ государствѣ для своей эмансипаціи“. „Въ этомъ пунктѣ—говоритъ Мерингъ—Лассаль вполне сходится съ „Коммунистическимъ Манифестомъ“, хотя онъ упустилъ прибавить, что завоеваніе политической власти рабочимъ классомъ поведетъ за собой раствореніе государства въ социалистическомъ обществѣ. Это опущеніе объяснялось, впрочемъ, довольно просто задачей „Программы работниковъ“, которая имѣла своей ближайшей цѣлью пробудить заснувшее или вообще еще не просыпавшееся классовое сознаніе пролетаріата; ничто не заставляетъ насъ предполагать, что Лассаль не одобрялъ указаннаго вывода „Коммунистическаго Манифеста“ или что онъ намѣренно умолчалъ о немъ“ (Mehring, „Geschichte der deutschen Sozialdemokratie, Bd. II. S. 352; русскій переводъ Т. II, стр. 390). Мерингъ не замѣчаетъ, что во взглядѣ на государство Лассаль и Марксъ стоятъ на противоположныхъ точкахъ зрѣнія и что только это и объясняетъ ожесточенную критику Маркса. Самъ Марксъ считалъ, что Лассаль въ своихъ взглядахъ не отражаетъ, а искажаетъ „Коммунистическій Манифестъ“, какъ это выражено имъ съ такой рѣзкой опредѣленностью въ „Критикѣ Готской программы“: „Лассаль зналъ „Коммунистическій Манифестъ“ наизусть, какъ его паства знаетъ его священные писанія. Поэтому, если онъ такъ грубо искажалъ Манифестъ, то для того, чтобъ оправдать свой союзъ съ абсолютистскими и феодальными противниками буржуазіи“ (К. Марксъ, Критика Готской программы стр. 19). — Болѣе правильную оцѣнку самостоятельнаго положенія Лассалья находимъ въ монографіи Н. Oncken'a, Lassalle (Stuttgart 1904), см. особенно SS. 223—226. Ср. характеристику Лассалья, какъ государственнаго социалиста и реальнаго политика въ сочиненіи Bernhard Harms, Ferdinand Lassalle und seine Bedeutung für die deutsche Sozialdemokratie. Jena 1909.

¹⁾ Марксъ, Критика Готской программы. Стр. 29.

тія, Марксъ съ своей классовой теоріей государства и своимъ догматомъ соціальной революціи обрекался въ этомъ отношеніи на полную неопредѣленность. Принципіальный революціонизмъ заставлялъ его и участіе въ текущей политикѣ сводить къ мотивамъ революціоннымъ, но по большей части это было логически неосуществимо. Приходилось дѣлать отдѣльныя допущенія, повинуваясь нѣкоторомъ смутному и необоснованному стремленію обращать свои требованія къ государству. Такъ сказывалась та исходная и коренная двойственность марксизма въ отношеніи къ исторіи и преемственности политическихъ формъ, о которой мы говорили выше. Не трудно усмотрѣть, къ какимъ затрудненіямъ приводила эта теоретическая неопредѣленность.

И въ самомъ дѣлѣ, что вытекаетъ изъ утопіи безгосударственного состоянія, изъ вѣры въ возможность упразднить государство? Очевидно, отсюда можно вывести лишь требованіе борьбы и съ самой идеей государства, и съ реальными формами государственной жизни. Если въ силу данныхъ условій развитія нельзя уничтожить государство сразу, однимъ мощнымъ ударомъ, слѣдуетъ медленно и постепенно подтачивать его основы. Никакія сдѣлки, никакіе компромиссы не допустимы съ учрежденіями, обреченными на гибель. Если государство есть орудіе угнетенія подчиненнаго класса, то очевидно представителямъ этого класса нѣтъ мѣста въ государственныхъ учрежденіяхъ, въ какія бы демократическія формы они ни облекались, за исключеніемъ только того случая, когда это дѣлается въ цѣляхъ агитаціонныхъ и революціонныхъ, въ цѣляхъ разложенія изнутри государства и его органовъ. Какъ мы уже говорили, если классовую теорію государства проводить послѣдовательно и до конца, то изъ нея нельзя сдѣлать никакихъ иныхъ выводовъ, кромѣ анархическихъ, кромѣ бунта противъ самой идеи государства, кромѣ постоянной и принципіальной вражды ко всѣмъ государственнымъ учрежденіямъ. Если социализмъ въ предѣлахъ существующаго государства утверждаетъ свою политическую программу

не только на требованіяхъ разрушительныхъ и отрицательныхъ, если онъ ставитъ также и требованія положительныя, это значить, что онъ сходить съ классовой точки зрѣнія. Ставить положительныя требованія—это значить рассчитывать на уступки со стороны господствующаго класса, это значить входить съ нимъ въ сдѣлки и компромиссы, способствовать сближенію классовъ и содѣйствовать сохраненію существующаго государства вмѣсто того, чтобы заострять классовыя противорѣчія, блюсти чистоту классоваго сознанія и подтачивать основы государственнаго порядка. Утопія безгосударственнаго состоянія, основанная на классовой теоріи государства, не допускаетъ иныхъ выводовъ. Она включаетъ въ себѣ беспорный и неизбѣжный анархизмъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ единственный путь къ идеалу, который съ этой точки зрѣнія можетъ быть признанъ,—это путь революціи, путь радикальнаго и сплошнаго отрицанія всѣхъ существующихъ формъ, путь неустанной и непримиримой борьбы съ господствующимъ классомъ.

Но, какъ мы уже показали, провозгласить эту анархическую революціонную точку зрѣнія было гораздо легче, чѣмъ провести ее послѣдовательно и до конца. Если думать, что современное общество стоитъ наканунѣ сокрушительной революціи, тогда радикальное отрицаніе государства и непримиримая вражда къ существующему знаменуютъ лишь канунъ высшаго торжества социализма. Тогда поддерживать анархическое непринятіе государства легко. Такова именно и была точка зрѣнія „Коммунистическаго Манифеста“. Но если процессъ ожиданія и борьбы долженъ затянуться, тогда приходится измѣнить не одну только тактику: приходится отречься и отъ принципа непримиримой классовой вражды и анархической революціи. Приходится приспособляться къ условіямъ государственной жизни и связывать успѣхи социализма съ ддящимся существованіемъ государственнаго строя. Мы уже видѣли, какъ въ 1850 году Энгельсъ и Марксъ стояли на точкѣ зрѣнія революціоннаго абсолютизма и полагали, что всѣ частныя реформы на почвѣ существую-

ющаго государства ничтожны, что „единственное разрѣшеніе... всѣхъ вопросовъ, которые покоятся на противорѣчїи труда и капитала, заключается въ пролетарской революціи“. И мы показали, какъ затѣмъ они должны были признать значеніе частныхъ мѣръ, въ родѣ билля о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, не только въ качествѣ практическаго успѣха, но и въ качествѣ „побѣды принципа“. По мѣрѣ того какъ становилось ясно, что пролетаріату предстоитъ пережить долгую борьбу, цѣлый рядъ историческихъ превращеній¹⁾, мѣнялась вся перспектива будущаго, и революціонный утопизмъ уступалъ мѣсто практическому реализму. Мы имѣемъ собственное признаніе Энгельса, написанное имъ въ 1895 году, незадолго до смерти, и разъясняющее смыслъ и характеръ происшедшей перемѣны. И если вдуматься въ значеніе этихъ разъясненій, станетъ ясно, что это была перемѣна не только тактики, но и принципа. Я имѣю здѣсь въ виду знаменитое введеніе Энгельса къ позднѣйшему изданію сочиненія Маркса: „Борьба классовъ во Франціи“.

Въ началѣ этого введенія мы находимъ любопытное признаніе Энгельса, что первоначальное представленіе марксизма о соціальной революціи было ошибочно. „Когда разразилась февральская революція, всѣ мы въ своихъ представленіяхъ объ условіяхъ и ходѣ революціонныхъ движеній находились подъ властью прежняго историческаго опыта, особенно опыта Франціи. Какъ разъ этотъ послѣдній опытъ господствовалъ надъ всей европейской исторіей съ 1789 года, изъ него же и теперь исходилъ сигналъ къ общему перевороту. Само собою понятно и неизбѣжно, что наши представленія о природѣ и ходѣ „соціальной“ революціи, провозглашенной въ Парижѣ въ февралѣ 1848 года,—революціи пролетаріата,—были сильно окрашены воспоминаніями о ея прототипахъ 1789—1830 годовъ“²⁾. Когда мы сопоста-

1) См. выше

2) Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848 bis 1850. Von Karl Marx. Mit Einleitung von Fr. Engels. Berlin 1895. S. 6. См. на русскомъ языкѣ: Энгельсъ. Введеніе къ „Борьбѣ классовъ во Франціи“. Стр. 411, въ Приложеніи къ

вляемъ съ этимъ признаніемъ Энгельса соотвѣтствующія мѣста изъ „Коммунистическаго Манифеста“ о деспотическихъ вторженіяхъ въ право собственности и существующія производственныя отношенія, о мѣрахъ, кажущихся экономически недостаточными, но неизбѣжныхъ для переворота экономическихъ отношеній, мы ясно видимъ, что первоначально для Маркса и Энгельса социальная революція представлялась по образу политической революціи. Имъ чувствовалось, что есть тутъ какое-то несоотвѣтствіе, что насильственные мѣры „экономически недостаточны“; но такова была сила революціоннаго подъема, что и эти впоследствии столь трезвые мыслители повѣрили въ социальное чудо, въ возможность экономического переворота путемъ революціоннаго насилія. И какъ подтверждаетъ Энгельсъ въ 1848 г. казалось несомнѣннымъ, „что началась великая рѣшительная борьба, которая составитъ одинъ длинный и богатый переѣнами революціонный періодъ, но которая закончится лишь рѣшительной побѣдой пролетаріата“.

Но вотъ пришли разочарованія 1849 года и, какъ вспоминаетъ далѣе Энгельсъ, въ противоположность „иллюзіямъ вульгарной демократіи“, рассчитывавшей „на скорую и окончательную побѣду народа“ надъ „угнетателями“, онъ и Марксъ еще осенью 1850 г. заявили, что „по крайней мѣрѣ первая часть революціоннаго періода закончена и что ничего нельзя ждать до той поры, пока не разразится новый экономическій міровой кризисъ“¹⁾. Соотвѣтственно съ этимъ новымъ выводомъ, они стали ожидать новаго подъема революціонной волны, и какъ мы видѣли, Марксъ неоднократно предсказывалъ его приближеніе. На склонѣ лѣтъ послѣ долгаго опыта ожиданій и разочарованій Энгельсъ долженъ былъ признать, что не только „вульгарная демократія“ предавалась иллюзіямъ: „исторія показала, что не-

„Собранію историческихъ работъ“ К. Маркса. Переводъ Базарова и Степанова. Спб. 1906.—Я пользуюсь этимъ переводомъ съ нѣкоторыми небольшими исправленіями.

¹⁾ Ibid. S. 6; русскій переводъ стр. 412.

правы были и мы, что и нашъ тогдашній взглядъ былъ иллюзіей. Она пошла еще дальше: она не только разрушила наше тогдашнее заблужденіе, но въ корнѣ измѣнила и условія борьбы пролетаріата. Способъ борьбы 1848 года теперь во всѣхъ отношеніяхъ устарѣлъ¹⁾.

Что же именно показала исторія, по мнѣнію Энгельса? „Она показала, что тогдашній уровень экономического развитія на континентѣ далеко еще недостаточенъ для того чтобы устранить капиталистическій способъ производства“²⁾. Если даже теперь³⁾ „мощная армія пролетаріата все еще не достигла своей цѣли, если она, весьма далекая отъ того, чтобы добиться побѣды однимъ великимъ ударомъ, принуждена медленно пробиваться впередъ, суровой, упорной борьбой, отстаивая позицію за позиціей, это доказываетъ разъ навсегда, до какой степени невозможно было въ 1848 году достигнуть социальнаго преобразования посредствомъ внезапнаго нападенія“⁴⁾.

Если обобщить и продолжить этотъ урокъ исторіи, освободивъ его отъ хронологическихъ датъ, то окажется, что въ немъ скрывается именно та реалистическая мудрость, которая вытекала изъ всѣхъ научныхъ предпосылокъ марксизма. Соціальное преобразование не можетъ осуществиться путемъ внезапнаго нападенія, и социальная революція вовсе не то же, что политическая революція. „Социальная“ революція 1848 года разбилась о столь же естественное, сколько и непреодолимое препятствіе: тогдашній уровень экономического развитія не былъ достаточенъ для того, чтобы устранить капиталистическій способъ производства. Но принимая это положеніе, слѣдуетъ сказать, что не только въ 1848, но и вообще ни въ какомъ году совершить социальное преобразование посредствомъ насилія не удастся. Пока уровень экономического развитія не

1) Ibid. SS. 6—7; русскій переводъ, стр. 412.

2) Ibid. S. 8; русскій переводъ, стр. 415.

3) Слова эти относятся къ 1895 году.

4) Ibid. S. 9; русскій переводъ, стр. 416.

подготовить социальнаго переворота, всё насильственныя мѣры будутъ тщетны. Такъ „социальная“ революція, возвѣщенная въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ и по словамъ самого Энгельса представлявшаяся первоначально имъ съ Марксомъ по типу политическихъ революцій 1789 и 1830 годовъ при свѣтѣ историческаго опыта превращается въ чистый призракъ. Новая тактика гласитъ: „пробиваться впередъ, суровой, упорной борьбой отстаивая позицію за позиціей“.

Но какъ пробиваться впередъ? Методы могутъ быть различны, и если бы рѣчь шла только объ измѣненіи тактики съ сохраненіемъ неприкосновенности принциповъ, то новые методы борьбы слѣдовало бы согласовать съ классовой теоріей государства и съ задачей осуществленія безгосударственнаго состоянія. Если существующій строй не можетъ быть разрушенъ однимъ ударомъ, надо вступить на путь медленной и затяжной борьбы непримиримаго и постоянного бунта, углубляющаго пропасть между классами и подготовляющаго классовое сознание пролетаріата къ его конечной побѣдѣ. Къ этому пути, какъ мы увидимъ далѣе, и склонилось лѣвое крыло марксизма. Однако, Энгельсъ рекомендуетъ, по крайней мѣрѣ для Германіи, не этотъ путь, а тотъ, который избранъ нѣмецкой социаль-демократіей: это— путь легальной политической борьбы. А для того, чтобы сохранить послѣдовательность, онъ пытается связать свой совѣтъ съ требованіями „Коммунистическаго Манифеста“. „Уже „Коммунистическій Манифестъ“, — говоритъ онъ— провозгласилъ завоеваніе всеобщаго избирательнаго права демократіи одной изъ первыхъ и важнѣйшихъ задачъ борющагося пролетаріата“ ¹⁾. Но какъ мы видѣли, въ контекстѣ „Коммунистическаго Манифеста“, завоеваніе демократіи и овладѣніе властью разумѣется, какъ средство временное и притомъ революціонное, необходимое лишь для того, чтобы покончить со старымъ буржуазнымъ міромъ.

¹⁾ Ibid. S. 12; русскій переводъ стр. 420.

Это мостъ для военно-стратегическихъ цѣлей, который долженъ быть взорванъ по минованіи надобности. Если же это военно-революціонное средство превращается въ орудіе длящейся мирной и легальной борьбы, то надо сказать, что такой оборотъ дѣла вовсе не предусмотрѣнъ „Коммунистическимъ Манифестомъ“. При этомъ можно съ безусловной достовѣрностью утверждать, что въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ завоеваніе демократіи никоимъ образомъ не отождествлялось съ завоеваніемъ всеобщаго избирательнаго права, такъ какъ тамъ рѣчь шла о революціонномъ захватѣ власти. Гораздо болѣе правъ Энгельсъ въ другой своей ссылкѣ—на Лассалья, который по его словамъ, „снова воспринялъ этотъ пунктъ“ ¹⁾, т.е. всеобщее избирательное право. Держась ближе къ историческимъ фактамъ, слѣдовало бы сказать, что не въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“, а въ „Программѣ работниковъ“ выдвинуто было всеобщее голосованіе въ качествѣ „одной изъ первыхъ и важнѣйшихъ задачъ борющагося пролетаріата“. Энгельсъ, благожелательно сглаживая въ данномъ случаѣ старыя противорѣчія, не расширяетъ своихъ историческихъ справокъ воспоминаніемъ о томъ, какъ и онъ, и Марксъ не были въ этомъ отношеніи согласны съ Лассалемъ, какъ они упрекали его въ томъ, что онъ упускаетъ изъ вида уроки Третьей Имперіи относительно всеобщаго избирательнаго права ²⁾. То, что онъ пишетъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ въ 1895 году, слѣдуетъ принять, какъ позднее признаніе заслуги Лассалья. Теперь въ концѣ своей жизни онъ долженъ былъ допустить, что успѣшное пользованіе всеобщимъ избирательнымъ правомъ вызвало

¹⁾ Ibid. S. 12.

²⁾ См. извѣстное письмо Маркса къ Швейцеру отъ 13 октября 1868 г. цитируемое Ф. Мерингомъ въ примѣчаніяхъ къ изданію писемъ Лассалья къ Марксу, въ сборникѣ: „Aus dem literarischen Nachlass... Bd. IV, S. 362. См. также письма Энгельса къ Марксу отъ 13 марта 1867 г. и отъ 5 февраля 1865 г. (Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx. Bd. III, SS. 363—364, S. 217.)

къ жизни „совсѣмъ новый способъ борьбы пролетаріата“. Да, это былъ дѣйствительно совсѣмъ новый способъ борьбы, о которомъ ранѣе вовсе не думали. „Оказалось, что гусударственныя учрежденія, въ которыхъ организуется господство буржуазіи, тоже могутъ послужить орудіемъ для борьбы рабочаго класса противъ этихъ самыхъ учреждений. Было рѣшено принимать участіе въ выборахъ въ ландтаги отдѣльныхъ государствъ, въ городскія думы, въ промысловые суды. У буржуазіи оспариваютъ каждый пунктъ, при замѣщеніи котораго принимаетъ участіе достаточная часть пролетаріата. Благодаря этому, правительство и буржуазія стали страшиться легальныхъ дѣйствій рабочей партіи гораздо болѣе, чѣмъ нелегальныхъ, и результатовъ выборовъ больше, чѣмъ результатовъ возстанія“ ¹⁾. „Иронія всемірной исторіи все ставитъ на голову. Мы „революціонеры“, „разрушители“, мы несравненно болѣе преуспѣваемъ, пользуясь легальными средствами, чѣмъ при нелегальныхъ средствахъ, непосредственно направленныхъ къ перевороту. Партіи порядка, какъ онѣ себя именуютъ, погибаютъ отъ ими самими созданнаго легальнаго состоянія. Въ отчаяніи онѣ кричатъ вмѣстѣ съ Одилономъ Барро: *la légalité nous tue!* Законность насъ убиваетъ! Между тѣмъ какъ мы при этой законности приобрѣтаемъ крѣпкіе мускулы и румяныя щеки и выглядимъ, какъ вѣчная жизнь. А такъ какъ мы не столь безумны, чтобы въ угоду этимъ партіямъ позволить заманить себя на уличную борьбу, то имъ, наконецъ, ничего другого не остается, какъ уничтожить эту самую роковую для нихъ законность“ ²⁾.

Этотъ „совсѣмъ новый способъ борьбы пролетаріата“ Энгельсъ противопоставляетъ старой вѣрѣ въ мгновенную и насильственную социальную революцію, но онъ не договариваетъ до конца и не ставитъ точки надъ і. А между тѣмъ совершенно ясно, что легальная борьба въ государствен-

¹⁾ Ibid. S. 13; русск. перев. стр. 421.

²⁾ Ibid S. 12; русскій переводъ стр. 420.

ныхъ учрежденіяхъ, пусть даже въ цѣляхъ борьбы противъ этихъ самыхъ учрежденій есть отступленіе отъ классовой теоріи государства, есть отреченіе отъ вражды къ государству и примиреніе съ нимъ. Говоря о неожиданно раскрывшемся для социалистовъ значеніи всеобщаго избирательнаго права и припоминая, какъ Бисмаркъ, давая Германіи это право, пытался такимъ образомъ заинтересовать народныя массы въ своихъ планахъ, Энгельсъ замѣчаетъ, что рабочіе не дались въ обманъ и обратили всеобщее голосованіе въ свою пользу: „они, выражаясь словами французской марксистской программы, преобразовали избирательное право „de moyen de duperie, qu'il a été jusqu' ici, en instrument d'émancipation“—изъ средства обмана, чѣмъ оно было до сихъ поръ, въ орудіе освобожденія“. Но надо сказать, что обративъ всеобщее избирательное право въ орудіе освобожденія и избѣгнувъ такимъ образомъ одного обмана со стороны плановъ правительства, марксисты попали въ другой обманъ—со стороны своихъ собственныхъ новыхъ плановъ, приведшихъ ихъ къ отреченію отъ конечныхъ принциповъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ мы разъяснили это выше, когда социализмъ вступаетъ на путь легальной борьбы въ предѣлахъ существующаго государства, когда онъ ставитъ въ своей политической программѣ не только разрушительныя и отрицательныя, но также и положительныя требованія, это значитъ—онъ сходитъ съ классовой точки зрѣнія и отрывается отъ своихъ анархическихъ задачъ. Онъ ожидаетъ въ такомъ случаѣ отъ государства извѣстныхъ уступокъ, ожидаетъ соглашенія на нѣкоторой общей и, слѣдовательно, сверхклассовой или междуклассовой почвѣ. Изъ объекта для разрушительныхъ и враждебныхъ нападеній государство превращается въ почву для созидательныхъ и согласованныхъ дѣйствій. Такъ программа марксизма незамѣтно попадаетъ въ колею лассалеанизма. Конечно, за этими созидательными дѣйствіями все же признается лишь переходный характеръ, они рассчитываются только на время сохра-

нiя существующаго государства. Но если даже и такъ, и если согласiе на принимаемыхъ мѣрахъ ограничивается лишь немногими пунктами, все же эти пункты являются свѣтлыми точками мира, отвоеванными у классовой вражды. И, какъ показали дальнѣйшiй опытъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитiя эти свѣтлыя точки умножаются и растутъ, отреченiе отъ анархизма классовой теорiи становится все болѣе сознательнымъ и прочнымъ, пока, наконецъ, социалистическая мысль не дѣлаетъ новаго шага въ своемъ отношенiи къ государству: сначала государство представляется ей, какъ объектъ для разрушенiя, затѣмъ оно разсматривается, какъ почва для созиданiя въ переходную эпоху затяжной борьбы и наконецъ, оно начинаетъ казаться общимъ условiемъ социальнаго развитiя и для настоящаго, и для будущаго, необходимымъ элементомъ социальнаго бытiя въ его высшихъ культурныхъ формахъ. Этотъ выводъ, въ свое время съ совершенной ясностью выраженный Лассалемъ, былъ въ послѣдствiи формулированъ Бернштейномъ, и въ наши дни его нерѣдко встрѣчаешь на страницахъ социаль-демократическихъ журналовъ. Лассаль постепенно побѣждаетъ Маркса: это побѣда жизни и исторiи надъ отвлеченными требованiями революцiоннаго утопизма. Само собою разумѣется, что ни Энгельсъ, ни Марксъ дойти до указаннаго вывода не могли: слишкомъ близки еще они были къ провозглашенной ими утопiи безгосударственнаго состоянiя. Но столь же ясно и то, что эволюцiя въ этомъ направленiи подсказывалась и внутренней логикой социализма, какъ системы обобществленiя и централизацiи жизни, и практикой политической борьбы на почвѣ существующихъ условiй.

Въ отдѣльныхъ практическихъ случаяхъ и Марксъ, и Энгельсъ легко становились на почву принятiя частныхъ уступокъ со стороны существующаго государства. Такъ, простой здравый смыслъ говорилъ, что нельзя отказываться отъ борьбы за фабричное законодательство, если черезъ него „рабочiй классъ получаетъ просторъ для своего развитiя

и движенія“¹⁾. Казалось также естественнымъ признать, что, принимая участіе въ законодательномъ собраніи, хотя бы только съ агитаціонными цѣлями, нѣтъ никакихъ основаній отказываться отъ того, чтобы агитировать тамъ въ пользу „разумнаго и непосредственно касающагося рабочихъ интересовъ“²⁾ Дѣлая подобныя частныя отступленія отъ своей революціонной программы, Марксъ и Энгельсъ не отдавали себѣ однако отчета, что идя этимъ путемъ, они попадаютъ въ самую непосредственную близость къ политическимъ принципамъ Лассаля. Такъ и въ томъ случаѣ, когда въ 1895 году Энгельсъ съ величайшимъ одобреніемъ излагалъ новую тактику нѣмецкой социаль-демократіи, онъ не представлялъ себѣ ясно, что это значить. Онъ не видѣлъ, что отъ утопіи безгосударственнаго состоянія онъ переходитъ къ теоріи правового государства. Онъ даже выражалъ недовольство, когда его слова понимали въ смыслѣ безусловнаго гимна законности³⁾. Но что указанный переходъ къ теоріи правового государства здѣсь дѣйствительно совершался, въ этомъ мы съ особой наглядностью убѣдимся при разсмотрѣніи конкретныхъ требованій социаль-демократической программы.

Въ свое время Бакунинъ въ ожесточенныхъ схваткахъ съ Марксомъ доказывалъ, что изъ его революціоннаго социализма съ неизбѣжностью произойдетъ социальный реформизмъ⁴⁾.

Бакунинъ не могъ тогда предвидѣть, что и революціон-

¹⁾ Письма Маркса къ Кугельману. Переводъ А. Гойхбарга. СПб. 1907. Стр. 41—42. (Письмо отъ 17 марта 1868 г.) См. также замѣчаніе Энгельса противъ первоначальнаго радикализма Вильгельма Либкнехта: „Auch ein schöner Standpunkt von Wilhelm, dass man vom „jetzigen Staat“ Konzessionen weder nehmen, noch selbst erzwingen darf. Damit wird er verdammt viel bei den Arbeitern ausrichten können. (Der Briefwechsel zwischen Fr. Engels und K. Marx. Bd. IV, S. 175 (Письмо отъ 6 іюля 1869 года)

²⁾ См. Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx. Bd. IV, S. 188. Письмо Маркса къ Энгельсу отъ 10 августа 1869 года. Это мѣсто также касается Либкнехта и его первоначальныхъ взглядовъ на участіе въ рейхстагѣ.

³⁾ См. его письмо къ Каутскому, цитируемое этимъ послѣднимъ въ его брошюрѣ: Der Weg zur Macht. Zweite Auflage. Berlin 1910. S. 51.

⁴⁾ См. удачное изложеніе этихъ схватокъ у В. Я. Богучарскаго, Активное народничество семидесятыхъ годовъ. М. 1912 стр. 72—100.

ная сторона марксизма тоже найдетъ свое развитіе. Борясь съ реформизмомъ и государственностью марксизма, онъ не замѣчалъ, что эта система включаетъ въ себѣ и прямо противоположные элементы революціи и анархіи. Но такъ какъ борьба его съ Марксомъ происходила именно по вопросу о значеніи политики и такъ какъ самъ онъ требовалъ соціальной революціи немедленно и во что бы то ни стало, то естественно, что противъ бакунизма марксизмъ обращался именно со стороны своей государственности. И можетъ быть, именно эти ожесточенные споры заставили Маркса тѣмъ яснѣе осознать значеніе легальной политической борьбы въ періодъ долгаго подготовленія къ окончательному торжеству соціализма. Понятно, что Бакунинъ столь горячо нападалъ на него за измѣну дѣлу соціальной революціи.

Во всякомъ случаѣ очевидно, что несокрушимое единство революціоннаго замысла, въ страстномъ порывѣ обнищавшаго самаго противоположнаго начала, сохранялось у Маркса лишь въ предчувствіи близкаго конца стараго міра. Революціонный абсолютизмъ «Коммунистическаго Манифеста» держался только на этомъ предчувствіи. Когда же оказывалось, что впереди предстоитъ долгая борьба и цѣлый рядъ историческихъ превращеній, вся позиція соціализма мѣнялась. Ему приходилось не требовать и угрожать, а ожидать и сообразоваться съ условіями.

Понятно, что всѣ тѣ выводы, которые утверждались на предположеніи близкаго торжества абсолютнаго соціализма, вмѣстѣ съ этимъ непредвидѣннымъ поворотомъ судьбы подлежали пересмотру. Вызовы старымъ связямъ,—національнымъ, семейнымъ, религіознымъ,—на которыхъ держался старый міръ, приходилось смягчить и ослабить. Такъ еще при жизни Маркса соціализмъ прошелъ черезъ испытанія, которыя ясно говорили, что прежде чѣмъ произвести переворотъ въ мірѣ и вызвать всеобщую катастрофу, онъ самъ долженъ испытать переворотъ и пережить чисто катастрофическое измѣненіе.

Намъ предстоитъ теперь характеризовать эти послѣдующія

испытанія и измѣненія марксизма. Соотвѣтственно тѣмъ двумъ линіямъ, по которымъ совершается его распаденіе, и наше изложеніе должно сосредоточиться около двухъ моментовъ. Разлагаясь на свои составные элементы—реалистическій и утопическій,—марксизмъ приходитъ съ одной стороны къ реформизму, съ другой—къ революціонизму. Эти два направленія въ различныхъ формахъ проявляются всюду. Но если имѣть въ виду сторону принципиальную, то надо сказать, что наиболѣе интересное выраженіе реформистскій социализмъ получилъ въ Германіи, а революціонный—во Франціи. При всемъ огромномъ практическомъ значеніи реформизма Мильерана и Жореса во Франціи, фабіанцевъ—въ Англій, все же приходится признать, что въ смыслѣ борьбы принциповъ наибольшій интересъ представляетъ то преодолѣніе революціонизма реформизмомъ, которое имѣло мѣсто въ Германіи. Въ этомъ же смыслѣ представляетъ исключительный интересъ революціонный синдикализмъ, нашедшій себѣ столь яркое выраженіе во Франціи. Къ этимъ двумъ странамъ мы и должны обратиться, для того чтобы ознакомиться съ современнымъ положеніемъ социализма. Тамъ и здѣсь мы одинаково обнаружимъ утрату старой позиціи классическаго марксизма. Прежней цѣльности міросозерцанія нѣтъ и въ поминѣ; гармоническое сочетаніе реализма и утопизма, прагматизма и фатализма, достигавшееся первоначальнымъ марксизмомъ, исчезаетъ. Въмѣсто этого мы видимъ или практицизмъ реальной политики, опирающейся на компромиссъ съ дѣйствительностью, или фантастическую проповѣдь революціонныхъ дѣйствій, въ которой совершенно утрачена связь съ почвой реальныхъ фактовъ. Разочарованіе въ скоромъ наступленіи результата подрываетъ прежній фатализмъ и порождаетъ одинаково въ обоихъ направленіяхъ жажду дѣйствія, а жажда дѣйствія заставляетъ искать новыхъ средствъ борьбы и вступать въ новое отношеніе къ дѣйствительности.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

П. Новгородцевъ.

Къ ученію о психической активности.

Новыя экспериментальныя данныя.

I. Вступительныя замѣчанія.

Предлагаемая статья является попыткой объединить результаты работъ, производившихся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ моимъ руководствомъ въ психологической лабораторіи психо-неврологическаго института. Общая задача, стоявшая передъ нами, заключалась въ изученіи нѣкоторыхъ основныхъ психическихъ функций и ихъ разновидностей, а также въ установленіи, на основѣ точныхъ фактическихъ данныхъ, взаимоотношеній между этими функциями. Такимъ образомъ, по своей основной мысли работы эти тѣсно примыкаютъ къ содержанію статей, помѣщенныхъ мной ранѣе въ журналѣ «Вопросы философіи и психологіи»¹⁾; въ то же время, однако, накопившіяся постепенно опытыя данныя заставили измѣнить нѣкоторыя точки зрѣнія, и притомъ, въ иныхъ случаяхъ, весьма существенно.

Вначалѣ мы пытались экспериментировать съ самыми различными психическими процессами — познавательными, волевыми и даже эмоциональными. Постепенно, однако, кругъ задачъ все суживался, сосредоточившись, въ концѣ-концовъ, на изученіи психической активности въ различныхъ ея проявленіяхъ. Помимо крайней важности и интереса самой проблемы психической активности, изслѣдованія въ этой области, какъ показалъ, по крайней мѣрѣ, нашъ опытъ, могутъ доставить очень подходящій ма-

¹⁾ „О взаимной связи душевныхъ свойствъ и способахъ ея изученія“—кн. 53; „Теорія способностей въ современной психологіи“—кн. 100; „Душевные способности какъ основныя біологическія функціи“—кн. 101; „Значеніе гипотезы способностей для эмпирической психологіи“—кн. 102.

теріалъ для установленія природы основныхъ психическихъ функций и ихъ взаимоотношеній. Конечно, наши работы слѣдуетъ разсматривать лишь какъ первые, едва только опредѣлившіеся шаги въ данномъ направленіи; однако, самый путь намъ представляется правильнымъ и могущимъ привести въ будущемъ къ существеннымъ результатамъ.

Извѣстно, что до послѣдняго времени въ психологіи не было (да и теперь, въ сущности, еще нѣтъ) такихъ методовъ, которые позволяли бы намъ непосредственно и съ достаточной полнотой подвергнуть экспериментальному изученію и анализу различныя проявленія психической активности и, въ частности, волевой процессъ и волевое усиліе. Только попутно, косвенно, при изученіи различныхъ другихъ процессовъ психологи-экспериментаторы могли отчасти касаться и этой, крайне важной, но въ то же время почти недоступной для нихъ области. Дѣлалось это, главнымъ образомъ, при изученіи такихъ процессовъ, какъ вниманіе, активная апперцепція, различныя сложныя реакціи, физическая и умственная работа и т. д. ¹⁾ Большинство этихъ работъ вышло изъ лабораторіи Вундта или изъ другихъ лабораторій, находившихся подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ, и болѣе или менѣе тѣсно примыкаетъ къ теоріи активной апперцепціи и волюнтаристическимъ тенденціямъ Вундтовой психологіи—или, наоборотъ, полемизируетъ съ ними. Однако, благодаря своей разрозненности и случайности, эти отрывочныя данныя не могли доставить сколько-нибудь прочнаго фактическаго фундамента для построенія стройной, достаточно обоснованной психологической теоріи, и основаніемъ Вундтовой теоріи активной апперцепціи слѣдуетъ считать, на нашъ взглядъ, не столько результаты эксперимента, сколько данныя чистаго самонаблюденія, съ одной стороны, и различнаго рода философскія тенденціи—съ другой.

Въ послѣднее десятилѣтіе, въ связи съ обратившимися на себя общее вниманіе работами Бюрцбургской школы, появились попытки примѣнить и къ изслѣдованію интересующей насъ области тотъ же методъ «провоцированнаго самонаблюденія», позволяю-

¹⁾ Обзоръ относящихся сюда работъ см. въ „Физиологической психологіи“ Вундта, т. III, гл. XVII, XVIII и XIX (русскій переводъ подъ редакціей А. А. Крогуса, А. Ф. Лазурскаго и А. П. Нечаева).

щій не ограничиваться простѣйшими, наиболѣе элементарными разновидностями волевого акта, а приступить къ изученію также и болѣе сложныхъ его проявленій. Первый и очень интересный опытъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ Н. Ахъ ¹⁾, изучавшій при помощи «систематическаго экспериментальнаго самонаблюденія» простыя и сложныя реакціи, причемъ особенное вниманіе обращалось имъ на детальный анализъ различныхъ душевныхъ переживаній, связанныхъ съ процессами принятія рѣшенія, выбора и т. д. Полученные результаты заставили автора внести существенныя поправки въ пониманіе даже тѣхъ процессовъ, которые уже неоднократно изслѣдовались, какъ, напр., мускульной и сенсорной реакціи, реакціи различенія и выбора и др. Но особенно интересные результаты дала новая, примѣненная авторомъ методика, состоявшая въ томъ, что испытуемому предоставлялась извѣстная свобода рѣшенія и выбора, въ однихъ случаяхъ— по отношенію къ предложеннымъ ему заранѣе нѣсколькимъ движеніямъ, въ другихъ— къ предъявлявшимся зрительнымъ впечатлѣніямъ. Здѣсь особенно рельефно выступило вліяніе «представленій о цѣли» (Zielvorstellungen), намѣчавшихся испытуемымъ въ согласіи съ той или иной данной ему инструкціей и опредѣлявшихъ собой затѣмъ все его дальнѣйшее поведеніе во время даннаго опыта. Это вліяніе руководящихъ представлений цѣли на матеріалъ, подлежащій выбору (на такъ наз. «*Wegsvorstellungen*»), Ахъ обозначаетъ названіемъ «детерминирующихъ тенденцій» и сознаніе подобной детерминаціи считаетъ главной, наиболѣе характерной особенностью всякаго волевого акта.

Работа Аха уже успѣла вызвать нѣсколько другихъ (Дюрра, Мишотта, Бове, Бойда-Баретта) ²⁾, посвященныхъ ея провѣркѣ, дополненію, а также отчасти полемикѣ съ полученными Ахомъ данными и съ тѣми выводами, которые онъ изъ нихъ дѣлаетъ. Несомнѣнно, что циклъ работъ въ этомъ направленіи еще далеко не законченъ и что дальнѣйшая разработка намѣченныхъ проблемъ будетъ продолжаться. Считаю поэтому преждевременнымъ высказываться относительно значенія, которое могутъ

¹⁾ N. Ach „Ueber die Willenstätigkeit und das Denken“, Göttingen, 1905.

²⁾ Критическій обзоръ всѣхъ этихъ работъ см. въ статьѣ А. Толчинскаго: „О новыхъ изслѣдованіяхъ волевого процесса“, „Вѣстникъ психологіи“, 1914 г., вып. IV—V.

имѣть эти работы для выясненія интересующихъ насъ вопросовъ, мы хотѣли бы только указать на возможность, наряду съ методомъ «систематическаго экспериментальнаго самонаблюденія», примѣнить къ изслѣдованію волевого процесса и психической активности также и другіе приемы, отнюдь не исключаютшіе систематическаго самонаблюденія, но въ то же время допускающіе и гораздо большее объективное вмѣшательство въ теченіе, взаимодействіе и взаимоотношенія различныхъ психическихъ функций.

Читая внимательно книгу Аха, не трудно, какъ намъ кажется, убѣдиться въ томъ, что главное вниманіе автора сосредоточено на изученіи тѣхъ различныхъ видовъ *представленій* которые не только неизбежно входятъ въ составъ каждаго волевого процесса, но и играютъ въ немъ, несомнѣнно, очень существенную роль. Воспоминаніе о данной инструкціи, представленіе о цѣли, впечатлѣнія, служащія матеріаломъ въ процессѣ выбора,—всѣ эти психическія образованія очень подробно изслѣдуются авторомъ какъ со стороны ихъ взаимодействія, вліянія другъ на друга, такъ и со стороны большей или меньшей ихъ отчетливости, законченности и конкретности. Въ точномъ установленіи ихъ взаимоотношеній авторъ видитъ главную задачу при построеніи схемы волевого акта. Что же касается «детерминирующихъ тенденцій» (составляющихъ, въ сущности, ядро волевого акта), то онъ ограничивается опредѣленіемъ ихъ какъ «*eigenartige Wirkungen, welche den Ablauf des Geschehens im Sinne der Zielvorstellung bestimmen*», и отъ дальнѣйшаго обсужденія ихъ совершенно уклоняется (стр. 195). Волевое усиліе для него есть не что иное, какъ сознаніе детерминаціи: «...*diese Bewusstheit der Determinierung, welche fälschlicher Weise auch als Willenserregung beziehn, Willensimpuls bezeichnet wird*»... (стр. 232).

Я не буду входить въ подробное разбирательство того, представляетъ ли подобный интеллектуализмъ случайную особенность даннаго изслѣдованія, или же рационалистическія тенденціи должны быть необходимо присущи всѣмъ вообще работамъ Вюрцбургской школы, какъ возвращающимся въ значительной степени къ прежнему методу чистаго самонаблюденія. Мнѣ лишь представляется правдоподобнымъ, что для изученія психической активности и волевого усилія, составляющаго центральное ядро волевого процесса, чистое самонаблюденіе, хотя бы и «провоци-

рованное», едва ли можетъ дать очень много. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, необходимо широко использовать ту возможность объективнаго вмѣшательства въ теченіе душевныхъ процессовъ, которая вѣдь и составляетъ отличительную черту всякаго вообще психологическаго эксперимента. Изслѣдованія нашей лабораторіи, о которыхъ рѣчь будетъ дальше, представляютъ собой попытку идти именно въ этомъ направленіи.

Какъ уже сказано было выше, главная задача, поставленная нами себѣ съ самаго начала, заключалась въ изученіи взаимоотношеній, существующихъ между различными основными психическими функциями. Ближайшее изслѣдованіе вопроса показало, что задачу эту необходимо раздѣлить на двѣ части, существенно отличающіяся другъ отъ друга: во-первыхъ — установленіе *связей, обусловленныхъ близкимъ сходствомъ или родствомъ* отдѣльныхъ психическихъ функций, и во-вторыхъ — изученіе *взаимодѣйствія или взаимнаго вліянія*, которое могутъ оказывать другъ на друга различныя функціи, хотя бы и совершенно между собой несходныя. Соотвѣтственно этому и методы, примѣнявшіеся нами, можно въ общемъ разбить на двѣ группы: 1) *методъ корреляціи*, разработанный Спирманомъ и Крюгеромъ, съ примѣненіемъ формулы, предложенной этими авторами; 2) своеобразный приемъ, до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, еще никѣмъ систематически не примѣнявшійся и по своему характеру приближающійся до извѣстной степени къ тому явленію, которое получило въ послѣднее время названіе «установки»; наиболее подходящимъ названіемъ для этого второго приема (сущность котораго будетъ подробно изложена ниже) было бы, пожалуй, такое: *методъ послѣдовательнаго дѣйствія*.

II. Работы по методу корреляціи.

Начнемъ съ работы, которая хотя и не была непосредственно посвящена изученію психической активности и ея разновидностей, но по своимъ результатамъ послужила въ значительной степени исходнымъ пунктомъ для нашихъ дальнѣйшихъ работъ.

Мы имѣемъ въ виду статью М. В. Топорковой и Е. А. Ке-нигсбергъ: «О соотношеніи различныхъ умственныхъ и двигательныхъ процессовъ»¹⁾.

¹⁾ „Вѣстникъ психологіи“, 1911 г., т. VIII, вып. 5.

Задача изслѣдованія заключалась въ томъ, чтобы установить при помощи метода корреляціи наличность или отсутствіе соотношенія между слѣдующими умственными и двигательными процессами:

А. Умственные: 1) сложеніе однозначныхъ чиселъ, производившееся въ теченіе 1 минуты, причемъ матеріалъ давался испытуемому въ печатномъ видѣ, на особо заготовленныхъ листахъ; 2) складываніе картонныхъ квадратовъ, разрѣзанныхъ на части различнымъ образомъ; время, потребовавшееся для каждаго квадрата, измѣрялось секундомѣромъ; 3) ассоціированіе на данныя экспериментаторомъ слова (методъ свободныхъ ассоціаций); въ каждомъ опытѣ давалось не менѣе 10 словъ; 4) сравненіе данныхъ экспериментаторомъ понятій, напр.: литература и музыка, монархія и деспотія, Платонъ и Толстой и т. д.,—по 10 сравненій въ каждомъ опытѣ; 5) простая слуховая реакція.—Быстрота процессовъ ассоціированія, сравненія и простой реакціи измѣрялась при помощи гипповскаго хроноскопа.

В. Двигательные: 1) быстрое и вмѣстѣ съ тѣмъ отчетливое повтореніе вслухъ въ теченіе 15 секундъ ряда трехсложныхъ словъ (быстрота чтенія); 2) писаніе карандашемъ въ теченіе 30 секундъ черточекъ съ закругленіемъ книзу, въ видѣ буквы *m* (быстрота письма); черточки давались двухъ размѣровъ—большаго и меньшаго; 3) быстрое перекладываніе 30 шариковъ изъ одного ящика въ другой, при помощи прибора д-ра Владимірскаго; время измѣрялось секундомѣромъ; 4) выстукиваніе тупымъ концомъ карандаша по столу въ теченіе 15 секундъ, причемъ одинъ разъ брался темпъ привычный, наиболѣе удобный для испытуемаго, а другой разъ—максимальный, какъ можно болѣе быстрый.

Опыты производились надъ 12 взрослыми интеллигентными испытуемыми обоого пола, причемъ полная серія перечисленныхъ выше опытовъ, предназначенныхъ для изслѣдованія какъ умственныхъ, такъ и двигательныхъ процессовъ, повторялась надъ каждымъ испытуемымъ не менѣе 5 и не болѣе 8 разъ. Послѣ каждаго отдѣльнаго упражненія производился опросъ испытуемаго съ цѣлью уяснить его переживанія во время опыта, причемъ какъ результаты этого опроса, такъ и наблюденія самого экспериментатора относительно различныхъ внѣшнихъ (объективныхъ) проявленій испытуемаго во время изслѣдованія подробно заноси-

лись въ протоколъ опытовъ. Полученный такимъ путемъ матеріалъ оказался въ послѣдствіи очень цѣннымъ для составленія характеристикъ отдѣльныхъ нашихъ испытуемыхъ, что, въ свою очередь, значительно способствовало уясненію и психологическому истолкованію сухого статистическаго матеріала.

Для установленія соотношеній между различными процессами авторы пользовались, какъ уже сказано было, методомъ корреляціи, производя вычисленія по формулѣ Спирмана и Крюгера ¹⁾. Наряду съ коэффициентомъ соотношенія вычислялась также и величина возможной ошибки, причемъ результатъ принимался во вниманіе только тогда, когда величина ошибки не превышала $\frac{1}{3}$ коэффициента соотношенія. Въмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя, болѣе существенные результаты были представлены также и въ видѣ кривыхъ, наглядно и непосредственно иллюстрирующихъ соотношенія, существующія между различными процессами.

Оказалось, что между всѣми взятыми для изслѣдованія двигательными процессами (за исключеніемъ привычнаго темпа, о которомъ рѣчь будетъ ниже) коэффициентъ корреляціи очень значителенъ. Такъ, для писанія крупныхъ и мелкихъ черточекъ онъ приближается къ 1, т.е. къ полному совпаденію (0,92 при возможной ошибкѣ 0,04), что представляется вполне естественнымъ въ виду почти полнаго тождества обоихъ процессовъ. Но и скорость другихъ двигательныхъ процессовъ также въ значительной степени идетъ параллельно. Такъ, напр., для чтенія и письма крупныхъ черточекъ коэффициентъ корреляціи равенъ 0,84 при возможной ошибкѣ 0,04, для чтенія и письма мелкихъ черточекъ коэфф. корр. 0,80 при возм. ош. 0,05, для чтенія и перекладыванія шариковъ коэфф. корр. 0,61 при возм. ош. 0,10, для перекладыванія шариковъ и максимальнаго темпа коэфф. корр. 0,69 при возм. ош. 0,08 и т. д.

Гораздо меньшее взаимное соотношеніе дали различные умственные процессы. Довольно значительный коэффициентъ корреляціи получился только между арифметическими дѣйствіями и складываніемъ квадратовъ (наличность въ томъ и другомъ случаѣ комбинирующей дѣятельности?)—коэфф. корр. 0,60 при

¹⁾ Сжатое, но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно полное изложеніе метода корреляціи, вмѣстѣ съ необходимыми формулами и описаніемъ способа ихъ примѣненія, можно найти въ книгѣ Шульце: „Техника психологическаго и педагогическаго эксперимента“, русск. перев. 1912 г. стр 275—294.

возм. ош. 0,10, затѣмъ между ассоціаціями и сравненіями—коэфф. корр. 0,57 при возм. ош. 0,11 и, пожалуй, между ариеметическими дѣйствіями и сравненіями—коэфф. корр. 0,55 при возм. ош. 0,12.

Наконецъ, полное отсутствіе соотношенія получилось между различными умственными и двигательными процессами. Здѣсь только ассоціаціи и письмо крупныхъ черточекъ дали почему-то коэфф. корр. 0,52 при возм. ош. 0,13, во всѣхъ же остальныхъ коэффициентъ корреляціи значительно ниже, приближаясь нерѣдко къ 0, а иногда даже достигая его.

Итакъ, какой же общій выводъ можно сдѣлать отсюда для вопроса о соотношеніи различныхъ основныхъ психическихъ (или психо-физиологическихъ) функций и ихъ разновидностей?

Анализируя и сравнивая между собой подвергнутые изслѣдованію процессы, мы видимъ, что между ними существуютъ различія какъ качественныя—по характеру входящихъ въ составъ ихъ элементовъ, такъ и количественныя—по разнообразію этихъ элементовъ и по степени сложности всего вообще процесса. Повидимому, эти различія менѣе значительны между двигательными процессами, хотя бы и совершающимися въ различныхъ органахъ и направленными на выполненіе различныхъ дѣйствій. Наоборотъ, умственные процессы, включающіе въ себѣ такіе разнообразные и разнохарактерные акты, какъ простая реакція, словесныя и предметныя ассоціаціи, процессъ сравненія, комбинирующую дѣятельность и т. д., значительно болѣе отличаются другъ отъ друга, что не можетъ, въ свою очередь, не отразиться также и на различной скорости ихъ теченія.

Кромѣ того, напрашивается еще и другой выводъ, касающійся отчасти самаго понятія психической склонности или способности. Когда рѣчь заходитъ о различіи между темпераментомъ и характеромъ, то обыкновенно говорятъ, что характеръ опредѣляется содержаніемъ господствующихъ наклонностей и стремленій, тогда какъ отличительной чертой темперамента является сила и быстрота всѣхъ вообще психическихъ проявленій, независимо отъ ихъ содержанія. Такимъ образомъ, сила и быстрота проявленій какъ бы отдѣляются отъ ихъ содержанія, будучи разсматриваемы въ качествѣ самостоятельныхъ сторонъ личности, до известной степени независимыхъ отъ всего остального ея состава. Конечно, болѣе сложные процессы требуютъ также и больше-

времени, но все же индивидуальныя колебанія въ скорости теченія психическихъ процессовъ могутъ, согласно этому мнѣнію, и не идти параллельно съ индивидуальными различіями въ степени ихъ сложности.

И вотъ представлялось интереснымъ посмотрѣть: какой изъ этихъ двухъ факторовъ преобладаетъ въ общемъ строѣ личности? какимъ факторомъ больше опредѣляется скорость различныхъ психическихъ и психофизиологическихъ процессовъ у любого индивидуума—сложностью ли и качественными особенностями этихъ процессовъ или, наоборотъ, общими особенностями данного индивидуума, свойствами его темперамента? Результаты разбираемой работы показываютъ, что большая или меньшая быстрота двигательныхъ процессовъ является общимъ свойствомъ каждаго данного испытуемаго, тогда какъ скорость умственныхъ процессовъ уже въ гораздо большей степени опредѣляется ихъ составомъ. Этому соотвѣтствуетъ и общепринятый взглядъ, характеризующій темпераменты, главнымъ образомъ, по ихъ двигательнымъ проявленіямъ.

Очень интересныя данныя (послужившія впоследствии исходнымъ пунктомъ для нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ нашихъ работъ) получились при сопоставленіи у разныхъ лицъ скорости ихъ привычнаго и максимальнаго темповъ. Еще Тычино, работавшая въ петроградской лабораторіи экспериментальной педагогической психологіи ¹⁾, установила въ этомъ отношеніи слѣдующіе три типа. Первый типъ: какъ привычный, такъ и максимальный темпъ быстры, разница между ними сравнительно невелика. Второй типъ: при обычныхъ условіяхъ работаютъ медленно, но въ случаѣ надобности способны развивать значительную быстроту движеній. У третьяго типа какъ привычный, такъ и максимальный темпъ сравнительно медленны. Что касается качества работы, то у лицъ перваго типа оно гораздо ниже, чѣмъ у лицъ двухъ остальныхъ типовъ; движенія у первыхъ не координированы, они волнуются, торопятся, вследствие чего при максимальномъ темпѣ, напр., вмѣсто точекъ (которыя въ работѣ Тычино испытуемый ставилъ карандашомъ на бумагѣ) получаютъ черточки и закорючки, разбросанныя далеко неравномѣрно, при счетѣ вслухъ

¹⁾ Н. Н. Тычино: „Индивидуальныя изслѣдованія скорости психофизическихъ процессовъ“, „Вѣстн. психол.“, 1908 г., т. V, вып. 2.

языкъ заплетается и т. д... У лицъ второго типа работа почти одинаково отчетливая какъ при привычномъ, такъ и при максимальномъ темпѣ, движенія координированы, къ опытамъ относятся спокойно, сдержано. У лицъ третьяго типа качество работы довольно хорошее, движенія координированныя, медленныя. Къ первому типу авторъ относитъ 6 изъ своихъ испытуемыхъ, ко второму—5, къ третьему—2; кромѣ того, 2 относятся съ слабымъ перваго и второго типа.

Результаты, полученные Топорковой и Кенигсбергъ, подтвердили существованіе первыхъ двухъ (повидимому болѣе частыхъ, какъ это видно изъ работы Тычино) типовъ. Такъ, у 5 изъ испытуемыхъ какъ привычный, такъ и максимальный темпы сравнительно быстры (привычный—отъ 58 до 74 ударовъ въ $\frac{1}{4}$ минуты, максимальный—отъ 68 до 94 уд.), и разница между ними не особенно велика (колеблется между 7 и 20 уд.). У другихъ 4-хъ, напротивъ, привычный темпъ значительно медленнѣе, колеблется между 41 и 57 ударами, между тѣмъ какъ максимальный по быстротѣ даже нѣсколько превосходитъ цифры предыдущаго типа: отъ 77 до 97 уд., благодаря чему, разница между привычнымъ и максимальнымъ темпами выступаетъ здѣсь гораздо рѣзче, составляя отъ 36 до 48 ударовъ. Типъ остальныхъ 3-хъ испытуемыхъ былъ менѣе рѣзко выраженъ, но все же двухъ изъ нихъ можно было отнести скорѣе къ первой группѣ, а одного—ко второй.

Что касается психологическаго истолкованія различій, существующихъ между только что описанными типами, то въ этомъ отношеніи значительную помощь авторамъ разбираемой работы оказали характеристики отдѣльныхъ испытуемыхъ, составленныя на основаніи какъ самонаблюденія этихъ испытуемыхъ, такъ и объективнаго наблюденія со стороны экспериментатора за ихъ поведеніемъ во время опытовъ. Здѣсь, повидимому, мы имѣемъ дѣло съ двумя различными видами обнаруженія психической активности. Представители перваго типа обычно люди живые, подвижные, съ обильными двигательными проявленіями, всегда нѣсколько возбужденные, благодаря чему и привычный ихъ темпъ даетъ уже довольно высокія цифры. Зато, когда отъ нихъ потребуются концентрированное напряженіе воли, направленное на максимальное ускореніе одного опредѣленнаго и притомъ изолированнаго движенія, то они, какъ оказывается, даютъ

меньше, чѣмъ сколько отъ нихъ можно было бы ожидать на основаніи ихъ постоянной подвижности. Лица второго типа, наоборотъ, обычно бываютъ медленны, спокойны, неторопливы въ своихъ движеніяхъ,—отсюда медленность ихъ привычнаго темпа; въ то же время, однако, въ случаѣ надобности они могутъ, путемъ значительнаго, концентрированнаго усилія воли, настолько ускорить свои движенія, что ихъ максимальный темпъ по своей быстротѣ даже нѣсколько превосходить максимальный темпъ предыдущаго типа.

Такимъ образомъ, значительную высоту привычнаго темпа слѣдуетъ, повидимому, считать показателемъ непосредственнаго (непредумышленнаго), разлитого и до извѣстной степени беспорядочнаго проявленія психической активности, обнаруживающейся нерѣдко также въ повышенной аффективной возбудимости, обильныхъ, торопливыхъ движеніяхъ, громкихъ разговорахъ и т. п. Между тѣмъ, значительную разницу между обоими темпами при низкомъ привычномъ темпѣ можно разсматривать какъ результатъ интенсивнаго напряженія сознательнаго волевого усилія, которое испытуемый по своему произволу сосредоточиваетъ въ любой моментъ въ опредѣленномъ, нужномъ ему направленіи.

Въ предшествовавшихъ своихъ разсужденіяхъ мы, вмѣстѣ съ авторами только что разобранный работы, исходили изъ мысли, что привычный (resp. оптимальный, наиболѣе удобный) темпъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ есть величина болѣе или менѣе постоянная, характерная для даннаго индивидуума и выражающая естественную скорость его психическихъ или психофизическихъ процессовъ. Такъ смотритъ на дѣло и Штернъ ¹⁾, впервые предложившій этотъ простой, но очень демонстративный методъ, въ послѣдствіи неоднократно примѣнявшійся другими изслѣдователями. Нельзя, однако, не считаться и съ тѣми возраженіями, которыя могутъ быть выставлены противъ подобной точки зрѣнія. Главное возраженіе сводится къ тому, что выборъ темпа въ данномъ случаѣ всецѣло зависитъ отъ произвола испытуемаго и поэтому, вмѣсто отраженія естественной скорости его психофизиологическихъ процессовъ, можетъ быть обусловленъ какимъ-либо предвзятымъ мнѣніемъ, внушеніемъ со стороны экспериментатора, случайно образовавшейся психической установкой, инструкціей

¹⁾ W. Stern. Ueber Psychologie der individuellen Differenzen. S. 117—118, 122.

и т. д. Такие случаи несомненно бывают. Такъ, въ приводимой нами ниже работѣ Басова и Надольской испытуемый Н, чловѣкъ въ общемъ довольно подвижной, выстукивалъ темпъ гораздо медленнѣе всѣхъ остальныхъ лицъ, участвовавшихъ въ опытѣ, что совершенно не согласовалось съ представленіемъ о немъ, составленномъ экспериментаторами путемъ наблюденія. Болѣе детальный анализъ показалъ, что онъ произвольно (хотя и не отдавая въ томъ себѣ яснаго отчета) задерживалъ ходъ процесса и послѣ каждаго удара какъ бы переживалъ, когда сдѣлать слѣдующій. Невольно является подозрѣніе, не встрѣчаются ли подобные случаи чаще, чѣмъ мы думаемъ, и не теряетъ ли при такихъ условіяхъ своего смысла самое понятіе привычнаго темпа. Съ этимъ возраженіемъ приходится считаться, тѣмъ болѣе, что привычный темпъ, поскольку онъ сказывается въ процессѣ выстукиванія такта, не есть величина строго постоянная, а всегда колеблется (въ зависимости отъ утомленія, приема пищи, настроенія и т. п.), и притомъ иной разъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ.

Въ одномъ изъ собраній сотрудниковъ нашей лабораторіи присутствовавшей на немъ проф. В. С. Серебренниковъ предложилъ примѣнить къ изслѣдованію естественнаго темпа каждаго даннаго лица не движенія, а слуховыя впечатлѣнія, воспользовавшись для этой цѣли ударами метронома. Мыслью этой воспользовался М. Я. Басовъ¹⁾ для того, чтобы сопоставить у цѣлаго ряда лицъ ихъ отличительный темпъ выстукиванія съ наиболѣе удобнымъ для нихъ темпомъ ударовъ метронома и, при помощи метода корреляціи, установить, идутъ ли они между собой параллельно или раходятся въ той или иной степени. Въ качествѣ дополненія Басовъ взялъ еще и третій процессъ, именно—привычную скорость чтенія (повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ), чтобы и его также сопоставить съ двумя предыдущими.

Опыты были произведены надъ 19 лицами, студентами психоневрологическаго института. Съ каждымъ испытуемымъ было поставлено по 5 опытовъ (не считая пробныхъ), причемъ въ

¹⁾ М. Я. Басовъ. „О психическомъ темпѣ“. Докладъ на II сѣздѣ по экспериментальной педагогикѣ. Напечатано также въ „Вѣстникѣ психологіи“ за 1914 г., вып. 2.

каждомъ опытѣ изслѣдовались всѣ три взятыхъ для сравненія процесса. Выстукиваніе темпа производилось тупымъ концомъ карандаша по столу, для изслѣдованія рѣчи примѣнялось, какъ и въ опытахъ Топорковой и Кенигсбергъ, повтореніе ряда легко произносимыхъ трехсложныхъ словъ. Что касается слуховыхъ впечатлѣній, то оптимальный темпъ опредѣлялся здѣсь слѣдующимъ образомъ: для каждаго испытуемаго въ каждомъ опытѣ давалась сначала скорость метронома, равная 100 ударамъ въ секунду, а затѣмъ, согласно его желанію, она постепенно измѣнялась, пока, наконецъ, не устанавливалась окончательно. По окончаніи всѣхъ опытовъ произведено было сопоставленіе скорости трехъ названныхъ процессовъ у всѣхъ испытуемыхъ по методу корреляціи (формула Спирмана и Крюгера), причѣмъ сравнивались процессы попарно.

Оказалось, что наибольшее взаимное соотношеніе дали привычный темпъ руки, т.-е. выстукиваніе такта, и привычный темпъ рѣчи (коэфф. коррел. 0,79 при возм. ош. 0,05). Такимъ образомъ, несмотря на большую сложность рѣчевого процесса (включающаго въ себя, кромѣ разнообразныхъ движеній, также еще и рѣчевыя представленія, хотя и повторяющіяся однообразно), естественный темпъ обоихъ этихъ двигательныхъ процессовъ у лицъ, подвергнутыхъ изслѣдованію, протекаетъ почти одинаково. Напомнимъ, что у Топорковой и Кенигсбергъ, сравнивавшихъ между собой максимальный темпъ выстукиваній съ максимальнымъ темпомъ рѣчи, также получилось ясное, хотя и менѣе значительное соотношеніе, именно 0,59 при возм. ош. 0,11.

Нѣсколько меньшій, но все же значительный коэффициентъ корреляціи получился между темпомъ движеній руки и темпомъ въ опытахъ съ метрономомъ: 0,64 при возм. ош. 0,08. Это обстоятельство показываетъ, что, несмотря на разнородность обоихъ процессовъ (въ одномъ случаѣ движенія, въ другомъ—слуховыя воспріятія), между ними существуетъ что-то общее, какой-то внутренней связующій факторъ. Въ чемъ же состоитъ этотъ факторъ? Авторъ работы придаетъ въ данномъ случаѣ особо важное значеніе добавочнымъ движеніямъ, которыми у многихъ испытуемыхъ, часто независимо отъ ихъ воли, сопровождался процессъ слушанія метронома. Особенно отчетливо выступали эти двигательные элементы въ началѣ каждаго опыта, послѣ предупрежденія экспериментатора: «приготовьтесь слушать метро-

номъ и заранѣе себѣ представьте темпъ его шелканій»; на это предупрежденіе одни испытуемые реагировали тѣмъ, что начинали ритмически двигать рукой, какъ бы дирижируя, другіе едва замѣтно покачивали головой и туловищемъ, третьи—мысленно представляли себя идущими съ извѣстной скоростью по тротуару и т. д. По мнѣнію Басова, эти именно двигательные элементы и являются главнымъ связующимъ звеномъ, устанавливающимъ корреляцію между двигательными процессами, съ одной стороны, и процессами воспріятія—съ другой. Однако, самъ же авторъ указываетъ, что наличность подобныхъ двигательныхъ элементовъ въ опытахъ съ метрономомъ удалось установить не у всѣхъ испытуемыхъ: у нѣкоторыхъ они отсутствовали и, слѣдовательно, соотношеніе должно было обуславливаться какой-то другой причиной. Быть можетъ, кромѣ общихъ обоимъ процессамъ двигательныхъ элементовъ, мы имѣемъ здѣсь еще и другую, болѣе глубокую связь, сводящуюся къ тому, что какъ двигательные процессы, такъ и процессы воспріятія (если тѣ и другіе протекаютъ съ оптимальной для данного индивидуума скоростью), являются, въ сущности, лишь частичными проявленіями одного общаго, естественнаго темпа жизненныхъ процессовъ даннаго человѣка? Какъ бы то ни было, для насъ важенъ уже самый фактъ корреляціи, указывающій на то, что понятіе привычнаго темпа не ограничивается одними только движеніями, а должно быть распространено и на нѣкоторые другіе процессы.

Что касается, наконецъ, соотношенія между привычнымъ темпомъ рѣчевыхъ движеній и темпомъ слуховыхъ впечатлѣній, то оно также несомнѣнно существуетъ (коэфф. корр. 0,61 при возм. ош. 0,08), хотя и въ меньшей степени, чѣмъ въ двухъ предыдущихъ случаяхъ. Это послѣднее обстоятельство объясняется, несомнѣнно, слишкомъ большой разнородностью обоихъ процессовъ какъ въ отношеніи сложности, такъ и въ отношеніи качественного ихъ состава.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ психической активностью преимущественно постольку, поскольку она проявляется въ волевомъ усилии, направленномъ на максимальное ускореніе различныхъ двигательныхъ и умственныхъ процессовъ. Однако, волевое усиліе можетъ быть направлено не только на увеличеніе скорости теченія процессовъ, но также на различныя другія ихъ

стороны. Такъ въ двигательной области оно ведетъ очень часто къ повышенію двигательныхъ импульсовъ и силы мышечныхъ сокращеній, а въ умственной и эмоциональной—къ перегруппировкѣ различныхъ представленій и чувствованій, къ ихъ раздѣленію или соединенію, къ введенію однихъ изъ нихъ въ ясное поле сознанія и вытѣсненію другихъ за порогъ сознанія и т. п. Сюда же относится и явленіе произвольнаго вниманія, состоящее въ томъ, что душевное переживаніе, являющееся объектомъ волевого усилія, приобрѣтаетъ гораздо большую ясность, отчетливость и раздѣльность.

Возникаетъ вопросъ, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло только съ различными направленіями одного и того же процесса («напряженія воли»), мѣняющаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ лишь точку своего приложенія, или же въ зависимости отъ направленія процесса мѣняется также и самый его характеръ. Другими словами, вопросъ ставится такъ: существуетъ ли одно волевое усиліе, могущее по произволу человѣка направляться въ различныя стороны, или же, наоборотъ, имѣется нѣсколько его разновидностей, родственныхъ другъ другу, но все-таки не тождественныхъ между собой? Въ первомъ случаѣ, очевидно, всѣ перечисленныя выше разновидности волевого усилія должны всегда идти рука объ руку, такъ какъ онѣ составляютъ, въ сущности, лишь различныя обнаруженія одной и той же основной психической функціи; во второмъ случаѣ, наоборотъ, мы можемъ встрѣтить, наряду съ значительнымъ развитіемъ у какого-либо индивидуума однихъ родовъ волевого усилія, полное или почти полное отсутствіе у него же другихъ разновидностей этого процесса. Отсюда вполне естественной представлялась для насъ попытка изслѣдовать данный вопросъ при помощи метода корреляцій, сопоставивши между собой нѣкоторыя особенно характерныя проявленія волевого усилія. Попытку эту предприняли М. Я. Басовъ и М. М. Надольская ¹⁾.

Для изслѣдованія были выбраны слѣдующіе три процесса: 1) выстукиваніе такта привычнымъ и максимальнымъ темпомъ, каждый разъ въ теченіе 10 секундъ; при этомъ, въ отличіе отъ предыдущихъ работъ, испытываемый стучалъ тупымъ концомъ

¹⁾ Къ вопросу объ индивидуальныхъ особенностяхъ двигательно-волевыхъ процессовъ. „Вѣстникъ психологіи“, 1912 г., вып. 4.

карандаша не по столу, а по пуговкѣ телеграфнаго ключа, соединеннаго съ отмѣтчикомъ Дебре, благодаря чему частота и ритмъ ударовъ регистрировались на закопченномъ барабанѣ; 2) десятикратное максимальное сжатіе пружины эргографа (системы Лемана); кривая сжатія также записывалась на закопченной лентѣ, вслѣдствіе чего являлась возможность сравнивать между собой не только силу сокращеній, но и различныя особенности ихъ теченія (форма кривыхъ); 3) десятикратное возможно болѣе точное повтореніе испытуемымъ разъ заданнаго ему движенія. Правая рука испытуемаго, закрытая отъ него экраномъ, лежала въ кинематометрѣ системы проф. Жуковскаго; экспериментаторъ отводилъ ее на 20 см., послѣ чего испытуемый долженъ былъ 10 разъ подрядъ повторить это движеніе возможно болѣе точно.

Въ опытахъ участвовали 10 испытуемыхъ, причемъ всѣ перечисленныя упражненія были повторяемы надъ каждымъ изъ нихъ по 10 разъ и для окончательныхъ выводовъ брались среднія цифры. Въ виду значительнаго разнообразія формъ кривыхъ (о чемъ будетъ сейчасъ сказано) и вытекавшихъ отсюда затрудненій при ихъ измѣреніи, формула Спирмана и Крюгера не применялась, и соотношенія устанавливались путемъ дѣленія испытуемыхъ на группы или типы.

Среди полученныхъ результатовъ особенное вниманіе обращаетъ на себя сопоставленіе формы эргографическихъ кривыхъ съ разницей между привычнымъ и максимальнымъ темпами. Сравнивая между собой отдѣльныя звенья эргографическихъ кривыхъ (каждое звено представляло собой картину однократнаго сжатія и разжатія руки), авторы пришли къ выводу, что форма этихъ звеньевъ является характерной для каждаго отдѣльнаго испытуемаго, повторяясь у него съ значительнымъ постоянствомъ въ теченіе всѣхъ опытовъ. Индивидуальныя особенности выступаютъ здѣсь очень рѣзко, давая возможность раздѣлить всѣхъ испытуемыхъ на три группы (вѣрнѣе—на двѣ, такъ какъ средняя группа является промежуточной, переходной). У первой группы (3 испытуемыхъ) наблюдается крутой, высокій подъемъ, заканчивающійся зубцомъ вслѣдствіе подсакиванія кверху пера Мареевскаго барабанчика; далѣе слѣдуетъ краткая остановка, новый зубецъ и такое же быстрое опусканіе. Вторая, переходная группа (3 испытуемыхъ), характеризуясь такимъ же

точно началомъ кривой, имѣеть болѣе отлогій спускъ ея, безъ вторичнаго зубца на вершинѣ. Наконецъ, третья группа (4 испытуемыхъ), состоящая преимущественно изъ женщинъ, даетъ уже не угловатую, а округлую или овальную фигуру, свидѣтельствующую объ отсутствіи рѣзкихъ толчковъ и порывистыхъ движеній.

Въ этой наличности (или отсутствіи) крутого и высокаго подъема эргографическихъ кривыхъ авторы видятъ выраженіе большей или меньшей импульсивности отдѣльныхъ сокращеній, зависящей отъ того, что къ двигательному процессу уже съ самаго его начала прибавляется энергичный, достигающій maximum'a волевой импульсъ. Степень развитія мускулатуры не играетъ, по ихъ мнѣнію, въ данномъ случаѣ особо важной роли, такъ какъ кривыя нѣкоторыхъ испытуемыхъ третьей группы, достигая сравнительно большей высоты (мышечная сила), имѣють, тѣмъ не менѣе, ясно округлую форму. Повидимому, въ основѣ описаннаго выше явленія лежатъ, дѣйствительно, не столько особенности двигательнаго процесса въ узкомъ смыслѣ этого слова, сколько сила и быстрота присоединившагося къ нему волевого акта. Невольно вспоминается по этому поводу фактъ, отмѣченный еще Крепелиномъ въ его изслѣдованіяхъ умственной работы: «...начало работы почти что всегда связано съ болѣе сильнымъ волевымъ импульсомъ, который немедленно влечетъ за собою повышеніе производительности. Такіе импульсы могутъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ повторяться и въ дальнѣйшемъ теченіи: они обуславливаютъ внезапные большіе подъемы въ предѣлахъ волнъ кривой работы» ¹⁾. Правда, у Крепелина мы имѣемъ дѣло съ повторнымъ воздѣйствіемъ волевого импульса на длительный процессъ умственной работы, тогда какъ въ разбираемой нами статьѣ рѣчь идетъ о приложеніи волевыхъ импульсовъ къ отдѣльнымъ кратковременнымъ двигательнымъ актамъ; однако, самая сущность явленія отъ этого нисколько не мѣняется.

И вотъ, сопоставляя импульсивность кривыхъ у отдѣльныхъ испытуемыхъ со степенью волевого усилія, поскольку это послѣднее проявлялось у этихъ же испытуемыхъ въ разницѣ между

1) В. Вундтъ. Физиологическая психологія. Цитиров. выше русск. перев. Т. III, гл. XIX, 4; стр. 713.

привычнымъ и максимальнымъ темпами, авторы устанавливають значительный параллелизмъ между этими двумя явлениями. Такъ, для лицъ первой группы (съ рѣзко импульсивными сокращеніями) разница привычнаго и максимальнаго темповъ, выраженная въ процентахъ, составила 216⁰/₀, 186,4⁰/₀ и 305⁰/₀, тогда какъ третья группа (съ округленными кривыми) дала всего 115,9⁰/₀, 86⁰/₀ и 69⁰/₀ разницы. Переходная группа занимаетъ въ отношеніи разницы темповъ промежуточное мѣсто. Результатъ этотъ, на мой взглядъ, далеко еще нельзя считать окончательнымъ, такъ какъ число испытуемыхъ было слишкомъ незначительно. Но если бы дальнѣйшія изслѣдованія подтвердили его, то придется сдѣлать выводъ, что волевые импульсы, направленные на усиленіе и ускореніе отдѣльныхъ движеній, имѣютъ между собой много общаго.

Интересно, въ связи съ этимъ, еще одно сдѣланное авторами наблюденіе. Въ опытахъ съ возможно болѣе быстрымъ выстукиваніемъ такта замѣчено было, что одни испытуемые, «ускоряя движеніе, съ тѣмъ вмѣстѣ невольнo увеличиваютъ и силу ударовъ и не могутъ производить процессъ иначе; другіе же могутъ ускорять процессъ, не дѣлая его болѣе сильнымъ, приче́мъ могутъ при желаніи повести его и такъ, какъ это есть у лицъ первой категоріи. Невольно является мысль поставить этотъ фактъ въ аналогію со слѣдующимъ. Известно, что для обученія пѣнію въ хорѣ регенту приходится обычно много положить труда на то, чтобы научить новичковъ брать высокія ноты, не крича: если высоко, то обязательно и громко поетъ начинающій пѣвчій. Но потомъ старанія регента увѣнчиваются обычно успѣхомъ: самыя высокія ноты пѣвчій беретъ какъ угодно, слабо или сильно»¹⁾. Очевидно, въ обоихъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ слишкомъ близкими, родственными другъ другу направленіями и разновидностями волевого усилія, не легко поддающимися процессу дифференцировки.

Совершенно иные результаты получили авторы разбираемой работы при сопоставленіи разницы между темпами съ данными кинематометрическихъ опытовъ (повторное воспроизведеніе заданнаго движенія). Здѣсь мѣриломъ точности повторныхъ дви-

1) Басовъ и Надольская, цитиров. статья, стр. 43.

женій служила средняя ошибка, вычислявшаяся въ концѣ каждаго опыта, причемъ для конечнаго сопоставленія результатовъ бралось процентное отношеніе этой средней ошибки къ величинѣ производившихся движеній. Оказалось, что между разницей привычнаго и максимальнаго темповъ и величиной средней ошибки не существуетъ никакого сколько-нибудь замѣтнаго соотношенія. Слѣдуетъ ли отсюда заключить, что волевое усиліе, направленное на ускореніе темпа, и произвольная концентрація вниманія, направленная на возможно болѣе точное повтореніе движеній, представляютъ собой два совершенно различныхъ процесса? Авторы работы не рѣшаются сдѣлать этотъ окончательный выводъ и, на мой взглядъ, совершенно правильно: дѣло въ томъ, что вѣдь индивидуальныя колебанія въ точности повторяющихся движеній зависятъ не только отъ степени концентраціи вниманія, но также и отъ тонкости двигательныхъ ощущеній, а между тѣмъ этотъ послѣдній факторъ не былъ такъ или иначе дифференцированъ, а слѣдовательно, и не могъ подвергнуться сколько-нибудь точному учету.

Изслѣдованію различныхъ видовъ произвольнаго вниманія специально посвящена работа В. И. Рабиновича и Коротъ, ведущаяся въ нашей же лабораторіи. Авторы поставили себѣ задачей изслѣдовать у цѣлаго ряда лицъ и сопоставить затѣмъ по методу корреляціи слѣдующіе три процесса: 1) волевое усиліе, поскольку оно сказывается въ разницѣ между привычнымъ и максимальными темпами выстукиванія; 2) произвольное вниманіе, направленное на внѣшнія воспріятія («внѣшнее вниманіе»); 3) произвольное вниманіе, направленное на внутреннія, душевныя переживанія («внутреннее вниманіе»). Наблюденіе показываетъ, что у разныхъ лицъ преобладаетъ нерѣдко какой-нибудь одинъ изъ двухъ названныхъ видовъ вниманія, причемъ эта индивидуальная особенность отличается не меньшимъ постоянствомъ, чѣмъ хотя бы различія въ темпѣ. Это обстоятельство даетъ намъ возможность примѣнить и здѣсь методъ корреляціи съ цѣлью установить наличность или отсутствіе соотношенія между тремя близкими, но въ то же время несомнѣнно отличающимися другъ отъ друга разновидностями сознательнаго волевого усилія.

Такъ какъ работа Рабиновича и Коротъ еще не закончена, то мы и не будемъ приводить здѣсь намѣчающихся уже въ ней результатовъ. Упомянемъ только объ одномъ своеобразномъ

пріемъ для изслѣдованія внутренняго вниманія, примѣненномъ, насколько намъ извѣстно, авторами впервые и дающемъ, повидимому, хорошіе результаты. Пріемъ этотъ состоитъ въ томъ, что испытуемый, выбравши какое-нибудь хорошо извѣстное ему стихотвореніе (для контроля оно предварительно прочитывается имъ наизусть), мысленно припоминаетъ его затѣмъ строчка за строчкой, называя экспериментатору вслухъ черезъ одну всѣ встрѣчающіяся въ немъ гласныя (или согласныя). Такое выбираніе буквъ требуетъ, несомнѣнно, очень значительнаго напряженія произвольнаго вниманія, въ то время какъ другіе элементы процесса, какъ-то: способность припоминанія, различенія и т. д., напрягаются сравнительно въ небольшой степени.

III. Работы по методу послѣдовательнаго дѣйствія.

Какъ ни велико можетъ быть значеніе метода корреляцій для выясненія соотношеній, существующихъ между различными основными психическими функціями (resp. ихъ проявленіями), все же намъ кажется, что ограничиться однимъ только этимъ методомъ въ данномъ случаѣ совершенно невозможно. Мы думаемъ даже, что установленіе корреляціи по формулѣ Спирмана и Крюгера должно являться всякій разъ только первымъ шагомъ къ тому, чтобы затѣмъ при помощи другихъ методовъ выяснить, какое же именно отношеніе существуетъ между данными двумя психическими процессами. Вѣдь наличность значительнаго коэффиціента корреляціи, въ сущности, только указываетъ намъ, что данные два процесса обычно сопровождаютъ другъ друга, ничего не говоря даже о томъ, нѣтъ ли здѣсь случайно повторяющагося совпаденія, обусловленнаго какими-нибудь чисто внѣшними, побочными причинами. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло не съ поверхностными, а съ болѣе глубокими, внутренними связями, самая природа этихъ связей можетъ быть также очень различна: или рассматриваемые два процесса имѣютъ, въ сущности, одно общее происхожденіе, представляя собой лишь различныя обнаруженія одной и той же основной психической функціи, или мы имѣемъ дѣло съ двумя различными функціями, такъ или иначе вліяющими другъ на друга, или, наконецъ, въ составѣ двухъ, по существу своему различныхъ процессовъ имѣются какіе-нибудь общіе второ-

степенные элементы и т. д. Всѣ эти вопросы, имѣющіе перво-степенное значеніе для научно-психологическаго анализа, не могутъ быть разрѣшены методомъ корреляцій, и мы должны, слѣдовательно, искать какихъ-нибудь другихъ приѣмовъ, которые позволили бы намъ болѣе прямымъ и непосредственнымъ путемъ подойти къ ихъ разрѣшенію.

Такіе приѣмы могутъ быть разнообразны, но сущность ихъ сводится, въ концѣ-концовъ, къ тому, что мы вызываемъ, одновременно или послѣдовательно, у одного и того же испытуемаго два разныхъ процесса съ такимъ расчетомъ, чтобы процессы эти дѣйствовали другъ на друга, и затѣмъ изучаемъ ихъ взаимодействіе, пользуясь для этой цѣли или самонаблюденіемъ испытуемаго, или какими-нибудь внѣшними, объективными данными. Въ качествѣ примѣра приведемъ сначала двѣ работы, въ которыхъ изучалось взаимодействіе процессовъ, протекавшихъ въ сознаніи испытуемаго въ одно и то же время.

Проф. В. П. Осиповъ въ своей работѣ «Къ вопросу о координаціи движеній»¹⁾ задался цѣлью выяснитъ, какимъ образомъ вліяютъ одни движенія на производимыя одновременно съ ними другія движенія; иными словами, задача автора состояла въ изученіи того вліянія, которое оказываютъ другъ на друга волевые импульсы, направляемые одновременно на выполненіе двухъ или нѣсколькихъ, болѣе или менѣе различныхъ по своему характеру движеній. Основнымъ движеніемъ служило ритмически повторявшееся сгибаніе и разгибаніе средняго пальца правой руки, записывавшееся на лентѣ кимографа при помощи эргографа Моссо. Къ этому основному движенію, по данному экспериментаторомъ сигналу, присоединялись попеременно различные другія движенія, какъ-то сгибаніе и разгибаніе пальцевъ другой руки, кисти или локтя, сгибаніе и разгибаніе въ колѣнѣ, въ тазобедренномъ суставѣ одной какой-нибудь или обѣихъ ногъ, наконецъ, одновременное сгибаніе по возможности во всѣхъ суставахъ одной или обѣихъ нижнихъ конечностей и т. п.

Результаты опытовъ показали, что всякія добавочныя движенія вызываютъ болѣе или менѣе рѣзкое измѣненіе силы, скорости и координаціи основного движенія, причемъ измѣненія эти

¹⁾ «Неврологическій Вѣстникъ», т. XII, вып. 2, 1904 г.

тѣмъ больше, чѣмъ сложнѣе движеніе добавочное. Еще болѣе рѣзкія измѣненія получаются въ томъ случаѣ, если добавочное движеніе требуетъ большей, чѣмъ обыкновенно, затраты энергіи, напримѣръ, если къ движущейся рукѣ или ногѣ прикрѣпляется хотя бы небольшой грузъ. Наоборотъ, при повторномъ совершеніи добавочнаго движенія оно оказываетъ все меньшее и меньшее дѣйствіе на постоянную кривую, т.-е. координація основнаго движенія нарушается все меньше и меньше; получается какъ бы постепенное привыканіе къ сочетанному выполненію обоихъ дѣйствій—основнаго и добавочнаго.

Авторъ объясняетъ полученные результаты такимъ образомъ, что при одновременномъ выполненіи нѣсколькихъ движеній обычно другъ съ другомъ не связанныхъ (въ особенности если эти движенія сложны), испытуемому вначалѣ трудно бываетъ объединить и координировать въ своемъ сознаніи разнородные двигательные образы и направленные на нихъ волевые импульсы; «происходитъ какъ бы интерференція волевыхъ импульсовъ», которая лишь постепенно, по мѣрѣ упражненія, уступаетъ мѣсто правильному, сочетанному ихъ дѣйствію.

Въ другой работѣ—К. Н. Корнилова ¹⁾, изслѣдованію подвергнуты были тѣ измѣненія, которыя испытываетъ двигательный актъ подъ вліяніемъ одновременно выполняемыхъ испытуемымъ различныхъ умственныхъ операций. Авторъ произвелъ надъ 4 лицами около двухъ тысячъ опытовъ, измѣряя у нихъ, при помощи хроноскопа Гиппа, скорость простой и сложной реакціи. При этомъ особое вниманіе обращено было имъ на одну сторону процесса, ранѣе совершенно игнорировавшуюся, именно на силу того движенія, которымъ испытуемый реагируетъ на данное ему раздраженіе. Съ этой цѣлью Корниловъ конструировалъ особый приборъ, названный имъ «динамоскопомъ» и позволяющій записывать на закопченномъ барабанѣ высоту и форму кривой, получающейся при нажатіи испытуемымъ кнопки телеграфнаго ключа въ опытахъ съ реакціями.

Опыты показали прежде всего, что сила нажатія у разныхъ испытуемыхъ колеблется въ очень значительныхъ предѣлахъ, оставаясь въ то же время для каждаго испытуемаго болѣе или

¹⁾ «Новый методъ экспериментальнаго изслѣдованія воли». Труды II всероссійскаго съѣзда по эксперим. педагогикѣ, стр. 19 и сл.

менѣе постоянной и давая такимъ образомъ «наглядную характеристику активнаго или пассивнаго склада его натуры». Эти различія въ силѣ реакціи, комбинируясь съ различіями въ быстротѣ ея, даютъ, въ концѣ-концовъ, всѣмъ извѣстныя картины четырехъ темпераментовъ. Но особенно интересно то вліяніе, которое оказываетъ на силу нажатія постепенное усложненіе интеллектуальной стороны процесса. Оказывается, что при моторной реакціи, когда все вниманіе испытуемаго сосредоточено на предстоящемъ движеніи, интенсивность этого движенія у всѣхъ изслѣдованныхъ лицъ достигаетъ наибольшей высоты. Сенсорная реакція, требовавшая сосредоточенія преимущественно на предлагаемомъ впечатлѣніи, дала уже рѣзкое паденіе силы нажатія, особенно у лицъ менѣе активныхъ. Наконецъ, при усложненіи интеллектуальной стороны процесса, когда вмѣсто простого, всегда однообразнаго впечатлѣніи испытуемому предлагались два разныхъ раздраженія, сила нажатія у всѣхъ испытуемыхъ еще болѣе упала, достигши у болѣе пассивныхъ субъектовъ своего минимума.

На основаніи этихъ данныхъ авторъ заключаетъ о существованіи своего рода антагонизма между интеллектуальной и двигательной-волевой сторонами процесса реакціи: преимущественное сосредоточеніе вниманія на воспріятіи (сенсорная реакція), а тѣмъ болѣе усложненіе воспріятія (реакція различенія) отвлекаютъ значительное количество энергіи въ эту сторону, благодаря чему «внѣшнее высвобожденіе энергіи», т.-е. сила двигательной-волевого импульса, рѣзко падаетъ. Далѣе авторъ обобщаетъ этотъ выводъ, говоря уже о существованіи антагонизма между умственными и волевыми процессами, взятыми въ ихъ цѣломъ.

Такимъ образомъ, въ работѣ Корнилова мы имѣемъ своеобразную и интересную попытку изслѣдовать чисто объективнымъ путемъ взаимоотношеніе двухъ основныхъ психо-физиологическихъ функций, исходя изъ «закона ограниченности психической силы» и изъ тенденціи отдѣльныхъ процессовъ «присваивать себѣ психическую силу на счетъ всѣхъ остальныхъ» (терминологія Липпса¹⁾). Идя далѣе въ этомъ направленіи естественно будетъ предположить, что два процесса-антагониста,

¹⁾ «Руководство къ психологii» русск. перев. стр. 45.

протекая одновременно, будутъ всякій разъ ослаблять другъ друга, въ то время какъ между процессами близкими или родственными сравнительно скоро установится если не взаимное содѣйствіе, то, по крайней мѣрѣ, координація,—какъ это мы видѣли выше въ работѣ Осипова. Возможно, что дальнѣйшая работа въ этомъ направленіи дастъ интересные результаты. Несомнѣнно, однако, также и то, что на этомъ пути придется встрѣтиться съ значительными трудностями,—на что уже и указывалось автору¹⁾. Главнымъ осложняющимъ факторомъ является здѣсь, повидимому, необходимость раздвигать вниманіе между двумя различными процессами, причѣмъ большее или меньшее сосредоточеніе вниманія на одномъ изъ нихъ сразу рѣзко отражается на его интенсивности. При этомъ еще большой вопросъ, имѣемъ ли мы право безъ дальнихъ разговоровъ отождествлять сосредоточеніе вниманія съ «притокомъ энергіи» въ ту или другую сторону; а разъ это не одно и то же, то передъ нами уравненіе съ нѣсколькими неизвѣстными, разбираться въ которомъ будетъ не такъ то легко. Между прочимъ, въ настоящее время, благодаря изслѣдованіямъ нѣсколькихъ авторовъ, можно считать уже установленнымъ, что и самый процессъ сосредоточенія или отвлеченія вниманія далеко не всегда дѣйствуетъ одинаковымъ образомъ на любое психическое переживаніе,—хотя бы на простѣйшее зрительное или слуховое воспріятіе; въ то время, какъ отвлеченіе вниманія какимъ-нибудь сложнымъ процессомъ (напр., арифметическими дѣйствіями) несомнѣнно ухудшаетъ воспріятіе, прибавка къ этому послѣднему какаго-нибудь элементарнаго раздраженія можетъ, наоборотъ, даже усилить его²⁾. Нѣчто подобное наблюдалось также и на простѣйшихъ двигательныхъ актахъ³⁾. Это обстоятельство, конечно, еще болѣе осложняетъ разсматриваемую нами проблему.

Если, такимъ образомъ, изслѣдованіе взаимоотношеній между отдѣльными психическими функціями при помощи одновременнаго возбужденія ихъ въ сознаніи испытуемаго представляетъ

¹⁾ Напр., въ преніяхъ по его докладу въ московскомъ «Обществѣ экспериментальной психологіи», см. «Вѣстникъ психол.» за 1914 г. вып. 4—5.

²⁾ Подробно объ этомъ см. въ диссертациі К. И. Поварнина: «Вниманіе и его роль въ простѣйшихъ психическихъ процессахъ» С.-Петербургъ, 1906 г.

³⁾ С. И. Топаловъ. О вліяніи процесса сосредоточенія (resp. вниманія) на мышечную работу. Диссертација. С.-Петербургъ, 1909 г.

значительныя затрудненія, то возникаетъ вопросъ, нельзя ли пойти другимъ путемъ, вызывая изслѣдуемые процессы въ сознаніи даннаго лица не одновременно, а послѣдовательно. При такомъ способѣ дѣйствій устраняется главное затрудненіе, именно—необходимость раздвигать вниманіе между двумя различными процессами: второй процессъ возникаетъ въ сознаніи испытуемаго тогда, когда первый уже совершенно закончился, оставивши, однако, послѣ себя нѣкоторый слѣдъ, вліяніе котораго на второй процессъ какъ разъ и подлежитъ изученію. Здѣсь возможны опять-таки два приема: или мы путемъ продолжительнаго упражненія доводимъ какую-нибудь психическую функцію до очень значительной степени развитія, а затѣмъ посмотримъ, какъ усиленіе ея отразилось на другихъ функціяхъ, ей родственныхъ; или же два изслѣдуемыхъ процесса непосредственно, въ теченіе одного сеанса слѣдуютъ другъ за другомъ, такъ что вліяніе перваго процесса на второй сказывается сразу же, безъ предварительнаго его упражненія.

Первый приемъ употребилъ, напр., Мейманъ въ своихъ изслѣдованіяхъ относительно того, существуетъ ли въ области памяти такъ наз. «сопутствующее упражненіе». Другими словами, «можемъ ли мы посредствомъ формальныхъ упражненій памяти, при которыхъ мы вѣдь всегда имѣемъ дѣло лишь съ опредѣленнымъ матеріаломъ, совершенствоваться не только память въ отношеніи именно даннаго матеріала (напримѣръ, чисель, именъ и т. д.), но также и работу памяти надъ иными матеріалами?». Для этой цѣли Мейманъ у цѣлаго ряда лицъ изслѣдовалъ самые различные виды памяти, послѣ чего лица эти въ теченіе 30 дней должны были ежедневно упражняться въ заучиваніи безсмысленныхъ слоговъ; по окончаніи упражненія всѣ виды памяти у нихъ снова изслѣдовались, для того чтобы посмотрѣть, какъ отразилась на нихъ 30-дневная односторонняя ея тренировка. Далѣе слѣдовали новыя упражненія въ заучиваніи безсмысленныхъ слоговъ и новое изслѣдованіе всѣхъ видовъ памяти. «Результатъ оказался тотъ, что у всѣхъ участвовавшихъ лицъ всѣ виды памяти усилились благодаря заучиванію безсмысленныхъ слоговъ; усиленіе было очень значительно». Особенно улучшились тѣ виды памяти, которые въ какомъ-либо отношеніи были близки къ упражнявшемуся процессу, т.-е., къ заучиванію безсмысленныхъ слоговъ, а именно,

память на числа, буквы и бессмысленные слоги. Однако, улучшились также и другіе виды памяти, что авторъ склоненъ объяснить упражненіемъ нѣкоторыхъ общихъ психическихъ функций (напр. вниманія) и усвоеніемъ извѣстныхъ искусственныхъ приѣмовъ запоминанія ¹⁾.

Незадолго до войны нѣсколько лицъ (А. Н. Абрамова, Е. П. Бурцева, Э. Г. Гурко и г-жа Шнелль) при моемъ участіи приняли въ Петроградскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ изслѣдованіе, имѣвшее цѣлью выяснитъ, какимъ образомъ влияетъ ритмическая гимнастика на упражненіе нѣкоторыхъ психо-физиологическихъ функций. Извѣстно, что въ число задачъ, преслѣдуемыхъ ритмической гимнастикой, входитъ, между прочимъ, также выработка въ упражняющихся способности чуть не моментально, по данному неожиданно сигналу, задержать уже готовое было совершиться движеніе и замѣнить его новымъ, совсѣмъ не предполагавшимся; кромѣ того, сторонники ритмической гимнастики утверждаютъ, что она въ высшей степени способствуетъ развитію вниманія. Предпринятая работа какъ разъ и имѣла своей цѣлью, путемъ примѣненія отчасти уже извѣстныхъ, а отчасти специально придуманныхъ экспериментальныхъ приѣмовъ, выяснитъ, имѣемъ ли мы дѣло здѣсь съ узкой, ограниченной выучкой, касающейся исключительно только тѣхъ движеній, которыя были усвоены упражняющимися, или же и въ этой области существуетъ своего рода «сопутствующее упражненіе» такихъ функций, какъ вниманіе, скорость воспріятія и реакціи, быстрое вызваніе или задержка различныхъ движеній. Разразившаяся война остановила работу въ самомъ ея разгарѣ.

Другой приѣмъ, разработанный и примѣненный нами въ своихъ изслѣдованіяхъ, находится въ близкой связи съ явленіями такъ называемой «установки» (Einstellung), почему намъ и придется сначала въ нѣсколькихъ словахъ коснуться этой послѣдней ²⁾. Подъ именемъ установки Мюллеръ и Шуманъ, впервые употребившіе этотъ терминъ, подразумеваютъ «создавшееся путемъ

¹⁾ Э. Мейманъ. Лекціи по экспериментальной педагогикѣ, ч. II. Русск. перев., стр. 238 и слѣд.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ предметѣ см. въ статьяхъ П. Эфрусси: «Персеверация, какъ факторъ нормальной психической жизни», «Вѣстн. психол.», 1910 г. и L. Steffens: «Ueber die motorische Einstellung», Zeitschr. f. Psychol. und Physiol. der Sinnesorg. Bd. 23, 1900 г.

упражненія расположеніе или тенденцію къ автоматической дѣятельности моторнаго или сенсорнаго характера». Положимъ, напр., что испытуемый много разъ подрядъ подымаетъ одинъ за другимъ два груза—въ 676 гр. и 2476 гр.; второй грузъ, конечно, оцѣнивается имъ всякій разъ какъ болѣе тяжелый. Когда же, послѣ ряда сравненій, тяжелый сосудъ незамѣтно для испытуемаго замѣняли болѣе легкимъ, напр., въ 876 гр., *то этотъ послѣдній грузъ казался значительно меньше* основного, въ 676 гр. Между тѣмъ предшествовавшіе контрольные опыты показали, что при обычныхъ условіяхъ разница между 676 гр. и 876 гр. опредѣляется испытуемымъ безошибочно. Очевидно, причина ошибки заключалась въ томъ, что у испытуемаго, благодаря многократному повторенію, образовалась для второго груза установка на значительную тяжесть, такъ что внезапное, рѣзкое пониженіе этого груза, совершенно не отвѣчавшее образовавшейся установкѣ, спутало всю его оцѣнку.

Будучи создана путемъ повторенія (resp. упражненія), моторная установка исчезаетъ сравнительно быстро при отсутствіи этого послѣдняго. Однако «при большомъ числѣ однородныхъ движеній, напр., при 120 послѣдовательныхъ ритмическихъ подниманіяхъ 2-хъ опредѣленныхъ грузовъ, образуется настолько прочная установка, что ея вліяніе замѣтно даже черезъ сутки послѣ первоначальныхъ опытовъ» ¹⁾. Существенное значеніе для насъ имѣетъ, далѣе, то обстоятельство, что явленіе установки наблюдается не только въ отношеніи интенсивности двигательныхъ импульсовъ, но также и въ отношеніи временныхъ интерваловъ, т.-е. ритма и длительности движеній. Такъ, Эфрусси, производившая опыты съ вліяніемъ скорости чтенія на заучиваніе, нашла, что «послѣ чтенія заучиваемаго матеріала, напр., стихотвореній, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ съ опредѣленной скоростью, —получалась установка, вслѣдствіе которой испытуемый съ трудомъ приспособлялся къ другому темпу. Если послѣ скорого темпа, соотвѣтствующаго 200 колебаніямъ метронома въ минуту, давался медленный, соотвѣтствующій 100 колебаніямъ метронома, то испытуемый въ началѣ чтенія невольно читалъ скорѣе, т.-е. сбивался съ такта» ²⁾. Возможно, что въ

¹⁾ См. Эфрусси е. с.

²⁾ Тамъ-же.

дальнѣйшемъ понятіе установки придется распространить и на нѣкоторые другіе роды психическихъ процессовъ. Такъ, напр., Эббинггаусъ, наряду съ описанными Мюллеромъ и Шуманомъ моторной и сенсорной установками, признаетъ также существованіе «интеллектуальной установки», т.-е. стойкаго направленія мыслей въ какую-нибудь одну, опредѣленную сторону ¹⁾).

Въ одной изъ своихъ статей, упомянутыхъ выше, я привожу наблюденіе, свидѣтельствующее, на мой взглядъ, также о томъ, что процессъ установки имѣетъ широкое распространеніе въ нашей душевной жизни. Суть дѣла заключалась въ слѣдующемъ. Проживая лѣтомъ въ домѣ, при которомъ былъ большой паркъ, я ежедневно заходилъ на небольшую поляну, покрытую травой и цвѣтами и со всѣхъ сторонъ окруженную деревьями. Въ концѣ-концовъ, какъ это часто бываетъ съ хорошо знакомыми сложными объектами, я пересталъ воспринимать поляну, какъ цѣлое, а обращалъ вниманіе или на отдѣльныя ея части, почему-нибудь заинтересовавшія меня, или на происшедшія небольшія перемѣны. Но вотъ однажды, просидѣвъ долгое время надъ чтеніемъ одного очень отвлеченнаго сочиненія по психологіи, при которомъ всѣ свои усилія приходилось напрягать на то, чтобы сопоставить отдѣльныя мѣста книги и уловить общую, основную мысль автора, я вышелъ изъ дому и, еще не вполне оторвавшись мыслью отъ прочитаннаго, медленно пошелъ по дорожкѣ. Когда я вышелъ на поляну и взглянулъ кругомъ себя, то совершенно неожиданно вся поляна съ пересѣкавшей ее дорожкой, съ разнообразными деревьями, травой, цвѣтами, съ видимой надъ ней частью голубого неба, представилась мнѣ разомъ, какъ одно цѣлое, безъ выступленія на первый планъ какихъ-нибудь отдѣльныхъ деталей. Переживаніе было настолько ярко и отчетливо, что заинтересовало меня само по себѣ, совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было теоретическихъ соображеній по этому поводу. И только значительно позже, сопоставляя это наблюденіе съ явленіями психической и психо-физиологической установки, я пришелъ къ выводу, что и здѣсь была своего рода «установка на общее»; другими словами, разъ возбужденный процессъ объединенія или обобщенія, продолжаясь въ полускрытомъ видѣ и послѣ прекращенія умственной работы, былъ за-

¹⁾ Эббинггаусъ: «Основы психологіи», т. I, вып. 2, стр. 256 и слѣд.

тѣмъ совершенно неожиданно (и притомъ независимо отъ моей воли) приложенъ къ инымъ объектамъ, чѣмъ тѣ, на которые онъ былъ направленъ раньше.

Всѣ эти факты навели насъ на мысль воспользоваться явленіями установки (понимаемой, какъ сказано, въ болѣе широкомъ смыслѣ) для того, чтобы глубже проникнуть въ соотношенія и связи, существующія между отдѣльными психическими функціями и ихъ проявленіями. Общая схема нашихъ опытовъ была такова. Изслѣдуется, при помощи какой-нибудь простой, непродолжительной пробы, у даннаго испытуемаго тотъ или иной процессъ, напр., процессъ воспріятія, ассоціаціи, простыя, несложныя движенія и т. п. (въ дальнѣйшемъ мы будемъ называть его «основнымъ процессомъ»). Затѣмъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени испытуемый долженъ выполнять извѣстную работу, требующую значительнаго напряженія воли, или вниманія, или мыслительной дѣятельности (такъ наз. «добавочный процессъ» или «добавочное возбужденіе»). Немедленно по окончаніи работы снова повторяется проба, произведенная вначалѣ опыта, для того чтобы посмотрѣть, какъ измѣнился изслѣдованный ранѣе «основной процессъ» подъ вліяніемъ образовавшейся затѣмъ волевой, интеллектуальной и др. установки. Другими словами, *изучается дѣйствіе, оказываемое слѣдами только-что закончившагося интенсивнаго процесса на другой процессъ*, родственнѣе ему или индифферентнѣе (отсюда и самое названіе—*«методъ послѣдовательнаго дѣйствія»*). Теоретически можно предположить, что въ случаѣ родства или взаимной связи двухъ изслѣдуемыхъ процессовъ добавочный процессъ будетъ увеличивать интенсивность основнаго, а въ случаѣ ихъ противоположности—тормазить его. Возможно предположить также отсутствіе какого бы то ни было дѣйствія (если два изслѣдуемыхъ процесса не имѣютъ между собой ничего общаго) или же качественное измѣненіе основнаго процесса подъ вліяніемъ добавочнаго,—какъ это было, на примѣръ, въ приведенномъ выше моемъ наблюденіи. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что произведенные опыты отчасти подтвердили эти предположенія, отчасти же показали, что дѣйствительныя отношенія сложнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ можно было думать заранѣе.

Первой работой, выполненной въ нашей лабораторіи по методу послѣдовательнаго дѣйствія, была работа А. А. Яськевича,

доложенная имъ въ декабрѣ 1912 г. въ Обществѣ нормальной и патологической психологіи ¹⁾. Задача его заключалась въ томъ, чтобы изслѣдовать, какъ отражается напряженная умственная или двигательнo-волевая дѣятельность на простыхъ произвольныхъ движеніяхъ. Въ качествѣ основного процесса ²⁾ Яськевичъ примѣнялъ: а) писаніе карандашомъ палочекъ на линованной бумагѣ; б) постановку точекъ въ клѣтки; с) постукиваніе указательнымъ пальцемъ по телеграфному ключу, съ регистраціей каждаго отдѣльнаго нажатія на закопченной бумагѣ при помощи кинографа. Каждое изъ этихъ движеній производилось испытуемымъ по данному сигналу, въ теченіе опредѣленнаго времени, съ возможно большей для него (максимальной) быстротой. Всѣ три описанныхъ рода движеній изслѣдовались въ каждомъ опытѣ, причемъ общая продолжительность ихъ изслѣдованія составляла около 1½ мин. Затѣмъ слѣдовало добавочное возбужденіе, продолжавшееся каждый разъ отъ 8 до 10 минутъ. Процессы, примѣнявшіеся для этой цѣли, были двоякаго рода: въ однихъ опытахъ непрерывное, возможно болѣе быстрое повтореніе въ теченіе 8—10 мин. ряда словъ, написанныхъ четко на бумагѣ и лежавшихъ передъ испытуемымъ («кареты, бекасы, собаки, рябины, валеты, билеты, широты, машины»); въ другихъ опытахъ—продолжавшаяся столько же времени напряженная умственная работа, состоявшая въ рядѣ такъ наз. «исчерпывающихъ» сравненій. Послѣдній приемъ (употребленный впервые Цикуленко и Манучаровой въ ихъ работѣ, см. ниже) состоитъ въ томъ, что въ каждой парѣ понятій испытуемый долженъ отыскать какъ можно больше сходныхъ чертъ,—работа, требующая очень значительнаго умственнаго напряженія. По окончаніи добавочнаго возбужденія немедленно же принимались за повторное изслѣдованіе основного процесса, продолжавшееся, какъ и въ началѣ, около 1½ мин., чѣмъ опытъ и заканчивался.

Полученные результаты показали, что добавочное возбужденіе въ огромномъ большинствѣ случаевъ вліяло на основныя движенія ускоряющимъ образомъ, причемъ послѣдующее ускореніе основного процесса вызывалось не только продолжительными

1) Содержаніе ея, въ существенныхъ чертахъ, передано въ цитируемой ниже статьѣ Ю. Малевича.

2) При изложеніи опытовъ Яськевича и Малевича мы пользуемся своей терминологіей, нѣсколько отличающейся отъ принятой ими.

рѣчевыми движеніями, но и напряженной умственной работой. Такъ, примѣненіе въ качествѣ добавочнаго процесса рѣчевыхъ движеній (съ максимальной быстротой въ теченіе 8—10 мин.) дало слѣдующія цифры: для писанія палочекъ: передъ добавочнымъ возбужденіемъ—70,3 (въ опредѣленную единицу времени), послѣ него—74,6; для постановки точекъ: передъ—40,9, послѣ—46,3; для стучанія по ключу: передъ—57,2, послѣ—60,8. Примѣненіе для той же цѣли напряженной умственной работы (исчерпывающія сравненія въ теченіе 8—10 мин.) дало для писанія палочекъ: передъ добавочнымъ возбужденіемъ—67,9, послѣ него—68,4; для постановки точекъ: передъ—44,0, послѣ—46,9; для стучанія по ключу: передъ—56,6, послѣ—60,1. Кромѣ того, наблюденіе показало, что добавочное возбужденіе влечетъ за собой замѣтное нарушеніе координаціи движеній при писаніи палочекъ (что авторъ объясняетъ утомленіемъ), значительное увеличеніе силы нажима и, наконецъ, общее нервное возбужденіе, проявляющееся въ мимикѣ, движеніяхъ, возгласахъ и т. п.

Особенное вниманіе Яськевича обратило на себя то обстоятельство, что слѣдующее за добавочнымъ возбужденіемъ ускореніе движеній вызывалось не только двигательно-рѣчевыми упражненіями, но также (хотя въ нѣсколько меньшей степени) напряженной умственной работой. Обстоятельство это представляется на первый взглядъ довольно страннымъ, такъ какъ оба названныхъ процесса по своему составу существенно отличаются другъ отъ друга. Въ двигательно-рѣчевомъ упражненіи интеллектуальные элементы если и имѣются (зрительное воспріятіе словъ, ассоцірованіе соотвѣствующихъ имъ двигательныхъ образовъ), то, благодаря своей примитивности и однообразію, не могутъ, очевидно, играть здѣсь сколько-нибудь существенной роли; центральное же мѣсто въ процессѣ занимаетъ, съ одной стороны, ритмически повторяющійся рядъ сложныхъ, координированныхъ рѣчевыхъ движеній, а съ другой—энергичные волевые импульсы, направленные на то, чтобы движенія эти были возможно болѣе быстрыми и отчетливыми. Наоборотъ, въ процессѣ исчерпывающихъ сравненій на первый планъ выступаютъ во-первыхъ, различныя умственныя операціи (воспріятіе и пониманіе произносимыхъ экспериментаторомъ словъ, ассоцірованіе различныхъ образовъ, процессъ сравненія, т.-е. анализъ и сопоставленіе отдѣльныхъ признаковъ, наконецъ, облеченіе возник-

шихъ мыслей въ извѣстную словесную форму), а во вторыхъ энергичные волевые импульсы, направленные на возможно большее усиленіе умственной работы. Что касается двигательнорѣчевыхъ процессовъ, то, хотя они здѣсь и имѣются (отвѣты, даваемые экспериментатору), все же мѣсто, занимаемое ими въ процессѣ, очевидно, слишкомъ незначительно.

Если, несмотря на такое различіе обоихъ добавочныхъ процессовъ, вліяніе ихъ на основной процессъ оказалось все-таки одинаковымъ, то необходимо предположить, что наряду съ различными, отличающимися другъ отъ друга элементами, въ нихъ имѣется также и нѣчто общее, и притомъ весьма существенное. Такую общую для обоихъ процессовъ составную часть Яськевичъ видитъ въ непрерывно повторяющемся энергичномъ волевомъ импульсѣ или волевомъ усилии, причемъ въ одномъ случаѣ это волевое усилие направлено на ускореніе рѣчевыхъ движеній, а въ другомъ—на усиленіе мыслительной дѣятельности. Послѣ интенсивнаго, продолжавшагося 8—10 мин. упражненія «волевая установка» достигала столь значительной степени или, другими словами, волевое усилие бывало возбуждено настолько сильно, что не могло исчезнуть сразу и отражалось на слѣдующемъ основномъ процессѣ, дѣйствуя на него въ двухъ направленіяхъ: во первыхъ—въ смыслѣ его усиленія (большая сила нажатій), а во вторыхъ—въ смыслѣ ускоренія (увеличенія числа движеній въ единицу времени). А такъ какъ между рѣчевыми движеніями и движеніями руки и ручной кисти существуетъ гораздо болѣе близкое отношеніе, чѣмъ между движеніями ручной кисти и мыслительной дѣятельностью (см. выше данныя, полученныя Топорковой и Кенигсбергъ по методу корреляцій), то естественно, что и ускореніе въ первомъ случаѣ получилось нѣсколько большее.

Допустивши правильность такого объясненія, мы не можемъ все-таки не остановиться передъ однимъ очень важнымъ вопросомъ: говоря въ данномъ случаѣ о «волевой установкѣ» и переносѣ волевого усилия съ добавочнаго процесса на слѣдующій основной процессъ, должны ли мы имѣть въ виду дѣйствительно сознательное волевое усилие въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т.-е. строго сосредоточенный, извѣстнымъ образомъ направленный волевой импульсъ, которымъ субъектъ можетъ владѣть по своему желанію, усиливая или ослабляя

его, направляя въ ту или другую сторону и т. д.? Или же передъ нами скорѣе картина общаго нервно-психическаго возбужденія, возникшаго какъ результатъ крайне напряженной 8—10 минутной работы и отражающагося, въ числѣ прочихъ своихъ проявленій, также и на послѣдующихъ движеніяхъ пальцевъ и ручной кисти? Физиологически это послѣднее предположеніе можно было бы формулировать такимъ образомъ, что сильное возбужденіе, возникшее сначала въ одномъ какомъ-нибудь центрѣ (или группѣ центровъ), принимаетъ затѣмъ разлитой характеръ, распространяясь затѣмъ и на другіе центры коры, хотя бы даже и не связанные съ первымъ.

Нѣкоторымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить данныя, полученныя Малевичемъ¹⁾. Повторяя опыты Яськевича, онъ ввелъ въ нихъ одно очень существенное измѣненіе, а именно: основныя движенія (писаніе палочекъ, постановка точекъ въ клѣтки, стучаніе пальцемъ по ключу) производились не максимальнымъ, возможно болѣе быстрымъ темпомъ, а темпомъ *привычнымъ*, наиболѣе удобнымъ для испытуемаго (см. выше работы Топорковой и Кенигсбергъ, Басова и др.) Благодаря этому, изъ основныхъ движеній совершенно почти устранялся элементъ сознательнаго волевого усилія, необходимаго въ тѣхъ случаяхъ, когда движенія производятся максимальнымъ темпомъ. Тѣмъ не менѣе, результаты опытовъ у Малевича получились тѣ же, что и въ предыдущей работѣ. Вліяніе двигательно-рѣчевыхъ упражненій: для писанія палочекъ—39 передъ добавочнымъ возбужденіемъ и 44 послѣ него; для постановки точекъ: 43 передъ и 47 послѣ; для выстукиванія темпа: 30 передъ и 32 послѣ. Вліяніе умственной работы: для писанія палочекъ—45 передъ добавочнымъ возбужденіемъ и 47 послѣ него; для постановки точекъ: 49 передъ и 51 послѣ; для выстукиванія темпа: 25 до и 33 послѣ. Результатъ этотъ, по мнѣнію автора, свидѣтельствуетъ о томъ, что если мы въ данномъ случаѣ (такъ же какъ и въ опытахъ Яськевича) и можемъ говорить о «волевой установкѣ», то отнюдь не въ смыслѣ сознательнаго, опредѣленно направленнаго волевого усилія, а только въ смыслѣ общаго, разлитого нервно-психическаго возбужденія, которое, будучи разъ

1) «Вліяніе напряженной умственной и рѣчевой дѣятельности на двигательную сферу» Вѣстн. психол., 1914 г., т. IX, вып. 4—5.

вызвано добавочнымъ процессомъ, продолжаетъ затѣмъ вліять и на послѣдующія основныя движенія. Такъ какъ возбужденіе это не подчинено сознательному желанію испытуемаго, то оно отражается также и на привычномъ темпѣ, хотя тамъ максимальное ускореніе вовсе и не требуется; между тѣмъ, если бы рѣчь шла о переносѣ сознательнаго волевого усилія (которымъ субъектъ можетъ владѣть въ достаточной степени), то, по мнѣнію Малевича, ускоренія привычнаго темпа не должно было бы получиться.

Если эти предположенія правильны, то мы должны придти къ выводу, что сознательное волевое усиліе и общее нервно-психическое возбужденіе представляютъ собой два различныхъ вида или обнаруженія психической (resp. психо-физиологической) активности, отличающіеся другъ отъ друга не только по своимъ проявленіямъ, но также и по своему отношенію къ различнымъ другимъ процессамъ. Иначе говоря, мы снова подходимъ, только инымъ путемъ, къ тому же самому подраздѣленію, которое уже было приведено выше, на основаніи типовъ, намѣченныхъ Тичино и подтвержденныхъ опытами Топорковой и Кенигсбергъ: съ одной стороны — лица, у которыхъ преобладаетъ разлитое и до извѣстной степени беспорядочное проявленіе психической активности, обнаруживающееся нерѣдко также въ повышенной аффективной возбудимости, обильныхъ, торопливыхъ движеніяхъ, громкихъ разговорахъ и т. п.; съ другой — субъекты обычно спокойные, неторопливые и малоподвижные, но за то въ нужную минуту способные проявить весьма интенсивное и сосредоточенное волевое усиліе, направляемое ими по своему произволу именно туда, куда это въ данный моментъ необходимо. Въ опытахъ первые, какъ уже сказано, характеризуются сравнительно быстрымъ привычнымъ темпомъ, незначительной величиной прироста (такъ какъ максимальный темпъ не достигается у нихъ особенной быстроты) и, въ большинствѣ случаевъ, плохой координаціей движеній, въ то время какъ у вторыхъ, при медленности ихъ привычнаго темпа, приростъ очень значителенъ, такъ что максимальный темпъ ихъ оказывается даже болѣе быстрымъ, чѣмъ у первыхъ; въ то же время движенія ихъ, даже при максимальномъ темпѣ, отличаются хорошей координаціей.

Дальнѣйшую разработку вопроса о двухъ упомянутыхъ ви-

дахъ активности взяли на себя Е. С. Никитина и П. Казиміровъ ¹⁾.

«Опытъ повседневной жизни учить насъ, — пишутъ они въ своей статьѣ,—что аффекты или просто возбужденное состояніе мѣшаютъ сосредоточенію волевого усилія; съ другой стороны, мы знаемъ, что возбужденіе очень часто увеличиваетъ количество и скорость обычныхъ нашихъ движеній болѣе или менѣе автоматическаго характера, въ то время какъ спокойное напряженіе волевого усилія не отражается подобнымъ образомъ на нашихъ обычныхъ движеніяхъ“. И вотъ является вопросъ, нельзя ли воспользоваться этими обстоятельствами для того, чтобы болѣе отчетливо дифференцировать другъ отъ друга оба названныхъ вида психической активности и ясно показать ихъ отношеніе къ другимъ психо-физиологическимъ процессамъ, т.-е. прежде всего, къ произвольнымъ движеніямъ. Въ опытахъ Яскевича и Малевича такой дифференцировки не получилось, оба дополнительныхъ процесса, несмотря на различный ихъ психологическій составъ, оказали одно и то же дѣйствіе на послѣдующія основныя движенія. Но, быть можетъ, результатъ этотъ получился оттого, что самыя процессы были выбраны неудачно, носили, до извѣстной степени, смѣшанный характеръ? Такъ напр., умственная работа (исчерпывающія сравненія), кромѣ напряженной мыслительной дѣятельности и сознательнаго волевого усилія, вызывала у испытуемыхъ еще и значительный интересъ, эмоциональное возбужденіе, а двигательно-рѣчевыя упражненія, наряду съ сознательнымъ волевымъ напряженіемъ, требовали также чисто двигательнаго (психомоторнаго) возбужденія. Можетъ быть, при болѣе строгомъ, изолированномъ подборѣ добавочныхъ упражненій намъ удалось бы отчетливѣе дифференцировать другъ отъ друга тѣ различныя виды психической активности, на существованіе которыхъ намекаютъ приведенные выше факты.

Исходя изъ этой основной мысли, Никитина и Казиміровъ рѣшили воспользоваться, въ качествѣ добавочныхъ процессовъ, слѣдующими двумя: а) стрѣльбой въ цѣль изъ игрушечнаго пистолета, б) вычеркиваніемъ опредѣленныхъ значковъ въ заготовленныхъ заранѣе таблицахъ.

¹⁾ «Къ вопросу о различныхъ видахъ активности.» «Вѣстн. психол. 1914 г. т. XI, вып. 4—5.

Первое упражненіе состояло въ томъ, что испытуемый «садится на стулъ противъ мишени, нарисованной на матеріи (чтобы избѣжать излишняго шума, слуховыхъ раздраженій) и старается попасть въ центръ, помѣченный цифрою 100, причемъ ему говорится, что 100 — это лучший выстрѣлъ, 75, 50, 25 и 0 — возрастающія ошибки. Чтобы возбудить большій интересъ, испытуемому напоминали результаты его прошлой стрѣльбы, говорили объ удачахъ и неудачахъ другихъ. Испытуемаго мы старались поставить, конечно, въ такія условія, чтобы избавить его по возможности отъ всякихъ лишнихъ движеній и мышечнаго напряженія. Правая рука лежала свободно на колѣняхъ, лѣвая, которой испытуемый стрѣлялъ, лежала на подставкѣ почти горизонтально такимъ образомъ, чтобы опять достигнуть minimum'a напряженія. Пистолеть выбирался со слабой пружиной и заряжалъ его экспериментаторъ, опять чтобы достигнуть minimum'a движеній (такъ какъ назначеніе добавочнаго процесса состояло въ томъ, чтобы вызвать эмоціонально-волевое возбужденіе, а вовсе не двигательное. А. Л.). Продолжалась эта стрѣльба 4 минуты». «Изъ опроса испытуемыхъ видно, что стрѣльба... сильно интересуется, увлекаетъ, а нѣкоторыхъ приводитъ прямо въ азартъ. Показанія эти подтверждаются и внѣшними наблюденіями». Были, впрочемъ, и исключенія, о которыхъ будетъ упомянуто ниже.

Другимъ упражненіемъ служило «вычеркиваніе значковъ въ продолженіе 4 минутъ ¹⁾). Значки вычеркивались лѣвой рукою. Чтобы не заставлять испытуемаго припоминать значки, какіе ему надо зачеркивать, и тѣмъ не усложнять работу, мы рисовали оба значка наверху страницы, такимъ образомъ они всегда были передъ глазами испытуемаго, и онъ всегда могъ съ ними справиться, въ случаѣ если позабывалъ. При этой работѣ мы просили не торопиться, вычеркивать спокойно и какъ можно внимательнѣе». И дѣйствительно, послѣдовательный опросъ испытуемыхъ показываетъ, что у большинства ихъ (хотя опять-

¹⁾ Для вычеркиванія примѣнялись таблицы д-ра А. В. Владимірскаго, отличающіяся, по сравненію съ другими таблицами, большей трудностью такъ какъ каждый значекъ въ нихъ представляетъ двѣ различныя, заключенныя одна въ другую геометрическія фигуры. Кромѣ того, для большаго затрудненія работы, давались одновременно для вычеркиванія не одинъ, а два значка.

таки не у всѣхъ, см. ниже) «вычеркиваніе значковъ требуетъ сильнаго сосредоточенія, при вычеркиваніи они испытываютъ чувство напряженія, причемъ данная работа ихъ не интересуется», и если они все-таки работаютъ напряженно, то только потому, что такъ надо, что такова инструкція опыта; эмоциональное возбужденіе здѣсь совершенно отсутствуетъ.

Въ качествѣ основного процесса Никитина и Казиміровъ примѣняли тѣ же простыя, произвольныя движенія, какія нами уже неоднократно упоминались при изложеніи предшествовавшихъ работъ, а именно: а) выстукиваніе въ теченіе 10 сек. привычнаго или максимальнаго темпа на телеграфномъ ключѣ съ отмѣткой каждаго нажатія на закопченной лентѣ; б) писаніе черточекъ (палочекъ) химическимъ карандашемъ на линованой бумагѣ, продолжавшееся для привычнаго темпа 30 сек., а для максимальнаго—15 сек. Между прочимъ, съ цѣлью устранить возможное вліяніе максимальнаго темпа на привычный и обратно, опыты съ тѣмъ и другимъ были обособлены другъ отъ друга, такъ что, напр., въ томъ опытѣ, гдѣ основныя движенія совершались привычнымъ темпомъ, уже не было максимальнаго, и наоборотъ. Опыты были поставлены надъ 19 испытуемыми, студентами и курсистками психо-неврологическаго института, въ возрастѣ 20—38 лѣтъ. Общее количество опытовъ (сеансовъ) равнялось 224, по 12 опытовъ съ каждымъ испытуемымъ.

Общая сводка полученныхъ результатовъ показываетъ, что стрѣльба въ цѣль, вызывавшая у испытуемыхъ интересъ и эмоциональное возбужденіе, вліяла на привычный темпъ замѣтно ускоряющимъ образомъ: для выстукиванія—41 до стрѣльбы и 45 послѣ; для писанія черточекъ—31 до стрѣльбы и 35,5 послѣ; наоборотъ, максимальный темпъ подъ вліяніемъ стрѣльбы не только не ускорялся, но иногда даже чуть-чуть замедлялся; для выстукиванія—62,5 до стрѣльбы и 62 послѣ, для писанія черточекъ—46 до стрѣльбы и 45 послѣ. Что же касается вычеркиванія значковъ—работы спокойно-сосредоточенной, требовавшей по преимуществу произвольнаго вниманія, то здѣсь результаты получились какъ разъ обратныя: привычный темпъ подъ вліяніемъ вычеркиванія значковъ оставался безъ переменъ или даже замедлялся: для выстукиванія—43 до вычеркиванія значковъ и 42 послѣ, для писанія черточекъ—32 до вычеркиванія и 32 послѣ; на максимальный же темпъ вычеркиваніе значковъ влія-

ло замѣтно ускоряющимъ образомъ: для выстукиванія—60,5 до вычеркиванія и 64 послѣ, для писанія черточекъ—45 до вычеркиванія и 46 послѣ. Такимъ образомъ, дѣйствіе обоихъ добавочныхъ процессовъ на основной оказывается въ данномъ случаѣ различнымъ, причемъ различіе это сказывается, главнымъ образомъ, въ неодинаковомъ (и даже прямо противоположномъ) вліяніи того и другого процесса на привычный и максимальный темпы основныхъ движеній.

Не меньшій интересъ, нежели эти общія среднія цифры, представляетъ также разсмотрѣніе приведенныхъ въ статьѣ индивидуальныхъ данныхъ, т. е., результатовъ, полученныхъ для каждаго испытуемаго въ отдѣльности. Оказывается, что полное соотвѣтствіе приведеннымъ выше среднимъ результатамъ мы находимъ далеко не у всѣхъ испытуемыхъ, а именно: для стрѣльбы—у 14 изъ 19, а для вычеркиванія—только у 10 изъ 19. У остальныхъ стрѣльба и вычеркиваніе значковъ или вовсе не вліяютъ сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ на послѣдующія за ними основныя движенія, или даже замѣчается дѣйствіе, обратное тому, какое было описано выше (правда, этотъ послѣдній результатъ получился у очень немногихъ испытуемыхъ, всего у 2—3 изъ 19). Наблюденіе надъ испытуемыми во время опытовъ и производившійся послѣ каждаго опыта опросъ показывали обычно въ этихъ случаяхъ, что испытуемые относились къ стрѣльбѣ и вычеркиванію значковъ иначе, чѣмъ это было описано выше (само собою разумѣется, что испытуемые въ теченіе всѣхъ опытовъ не знали ничего ни о цѣли работы, ни о получающихся результатахъ). Здѣсь приходилось констатировать или вялое, безразличное отношеніе къ обоимъ видамъ добавочнаго упражненія или даже совершенно неожиданную, противоположную реакцію (что бывало, правда, рѣдко): стрѣльба въ цѣль казалась скучной, надоѣдала, а вычеркиваніе значковъ, наоборотъ, заинтересовывало. Естественно, что при такихъ условіяхъ и результатъ долженъ былъ получиться иной, чѣмъ ожидали раньше.

Всѣ эти данныя заставляютъ Никитину и Казимірова придти къ выводу, что общее нервно-психическое возбужденіе, вызываемое стрѣльбой и носящее рѣзко выраженный эмоциональный характеръ, отличается какъ по своей сущности, такъ и по своему вліянію на основныя движенія отъ того спокойно-сосредо-

точного, сознательного волевого усилия, которое необходимо для работы вычеркивания значковъ. Въ первомъ случаѣ (при стрѣльбѣ) дѣйствіе сказывается, главнымъ образомъ, на привычномъ темпѣ, выражающемъ, по Штерну, «естественную скорость психической жизни» (см. выше). Другими словами, общее нервно-психическое, эмоциональное возбужденіе непосредственно влечетъ за собой ускореніе всѣхъ вообще психо-физиологическихъ процессовъ испытуемаго, въ томъ числѣ и движеній, совершаемыхъ привычнымъ темпомъ (хотя основной источникъ возбужденія лежалъ вовсе не въ двигательной сферѣ). За то сознательнаго напряженія волевого усилия, необходимаго для возможно большаго ускоренія максимальнаго темпа, этимъ путемъ получить не удастся. Наоборотъ, спокойно-сосредоточенная, монотонная и по своему содержанію достаточно скучная (особенно при неоднократномъ повтореніи) работа вычеркивания значковъ требуетъ настолько значительнаго напряженія произвольнаго вниманія, что образовавшаяся такимъ путемъ «волевая установка», не вліяя сколько-нибудь замѣтно на обычное, естественное теченіе психо-физиологическихъ процессовъ, даетъ въ то же время испытуемому возможность замѣтно увеличить максимальную скорость своихъ движеній. Эти предположенія подтверждаются также и тѣмъ, уже упомянутымъ обстоятельствомъ, что испытуемые, у которыхъ стрѣльба и вычеркиваніе вызывали именно только что описанныя субъективныя переживанія, дали и объективные результаты, вполне соответствующіе нашимъ среднимъ выводамъ, тогда какъ у другихъ ихъ сотоварищей такого полного совпаденія не получилось¹⁾.

Психическая активность можетъ обнаруживаться, какъ извѣстно, не только въ различнаго рода волевыхъ процессахъ и въ произвольномъ сосредоточеніи вниманія, но также и въ напряженной мыслительной дѣятельности, какъ-то—въ процессахъ сравненія, абстракціи, опредѣленія, умозаключенія и пр. Является вопросъ, нельзя ли и здѣсь примѣнить методъ послѣдовательнаго дѣйствія, видоизмѣнивши его, разумѣется, извѣстнымъ

¹⁾ Если въ статьѣ Никитиной и Казимірова подсчитать средніе выводы только для тѣхъ испытуемыхъ, на которыхъ добавочные процессы дѣйствовали типичнымъ образомъ (14 для стрѣльбы и 10 для вычеркиванія), то общіе результаты выступаютъ еще значительно рѣзче, нежели въ приведенныхъ нами среднихъ числахъ.

образомъ, соотвѣтственно характеру изслѣдуемыхъ процессовъ? Задачу эту взяли на себя Е. В. Цикуленко и Н. В. Манучарова. Такъ какъ работа въ настоящее время еще не опубликована, то намъ придется ограничиться здѣсь лишь краткимъ изложеніемъ методики опытовъ и нѣкоторыхъ болѣе ясно опредѣлившихся результатовъ.

Въ качествѣ основного процесса были взяты свободно возникающія ассоціаціи; добавочнымъ процессомъ служили «исчерпывающія» сравненія, о которыхъ уже говорилось выше (работа Яськевича) и которыя впервые были примѣнены именно Цикуленко и Манучаровой. Вначалѣ общая схема опыта была построена по образцу только-что изложенныхъ работъ, т. е. такимъ образомъ, что испытуемому сначала давали одно за другимъ 10—15 словъ, возбуждающихъ ассоціаціи, затѣмъ 10—15 сравненій и затѣмъ опять рядъ ассоціацій. Однако опыты показали, что при такой постановкѣ послѣдовательное дѣйствіе процессовъ сравненія можетъ сказаться лишь на одной-двухъ первыхъ ассоціаціяхъ, а въ большинствѣ случаевъ оно и совершенно отсутствуетъ. Между тѣмъ многіе испытуемые указывали на то, что процессы сравненія сопровождаются ясно испытываемымъ чувствомъ напряженія, совершенно отсутствующимъ при свободно возникающихъ ассоціаціяхъ. Въ виду этого постановка опытовъ была измѣнена слѣдующимъ образомъ.

Сначала испытуемому давались одно за другимъ 10 словъ, возбуждающихъ ассоціаціи; процессъ ассоцірованія продолжался каждый разъ 15 сек., причемъ помощникъ экспериментатора отмѣчалъ при помощи секундомѣра время, протекавшее отъ произнесенія слова экспериментаторомъ до того момента, когда испытуемый начиналъ говорить вслухъ первыя пришедшія ему въ голову слова или мысли (при процессахъ сравненія тотъ же помощникъ отмѣчалъ моментъ, когда испытуемый начиналъ сравнивать). Затѣмъ, послѣ нѣкотораго отдыха, испытуемому предлагались вперемежку, безъ всякаго опредѣленнаго порядка 10 сравненій и 10 ассоціацій, причемъ переходъ къ каждому новому слову или парѣ словъ (при сравненіяхъ) обозначался каждый разъ только сигналомъ: «вниманіе!» Такимъ образомъ, испытуемый все время не зналъ, будетъ ли ему сейчасъ предложено сравненіе или ассоціація, и дѣйствовалъ лишь руководясь заранѣе данной ему инструкціей: сравнивать, когда

даются два слова, и ассоціировать при одномъ. Процессъ ассоціированія продолжался всякій разъ 15 сек., а процессъ сравненія—отъ $\frac{1}{2}$ до 1 мин., въ зависимости отъ работы испытуемаго. При сравненіяхъ испытуемый долженъ былъ находить только сходныя черты, что ему всякій разъ и наминалось, напр., «творчество и память—сходство». Послѣ каждаго опыта испытуемый подробно излагалъ свои переживанія и самонаблюденія за все время опыта.

При такой постановкѣ опытовъ вліяніе сравненій на послѣдующіе процессы ассоціированія сказывалось уже значительно чаще и замѣтнѣе. Откладывая болѣе подробное сообщеніе результатовъ, вмѣстѣ съ цифровыми данными, до появленія статьи въ печати, я приведу здѣсь лишь краткое резюме, сообщенное мнѣ авторами работы и представляющее, главнымъ образомъ, качественную сторону полученныхъ ими результатовъ.

Оказывается, что, по заявленію ряда испытуемыхъ, послѣ сравненій ассоціировать труднѣе, мало мыслей. Напряженіе, переживаемое при процессѣ сравненія, остается и при переходѣ на ассоціаціи, а поэтому при первой ассоціаціи часто происходитъ ясно выраженная и констатируемая при помощи секундомѣра задержка процесса. Иногда же вліяніе предшествовавшихъ сравненій на ассоціацію сказывается въ томъ, что испытуемый, услышавши только одно слово, данное ему въ качествѣ возбудителя ассоціаціи, продолжаетъ, тѣмъ не менѣе, мыслительную дѣятельность: даетъ опредѣленіе, рассуждаетъ по поводу даннаго понятія, анализируетъ его,—или же колеблется, теряется и не знаетъ, что дѣлать: «хочется подыскать подходящее слово, продолжать сравненіе, а сознаю, что надо дѣлать что-то механическое», т.-е., ассоціировать; вслѣдствіе этого получается временная пустота, перерывъ активности. Подобныя результаты получаются часто, но все-таки далеко не всегда и не у всѣхъ испытуемыхъ: нерѣдки случаи, когда, несмотря на чередованіе ассоціацій со сравненіями, процессъ ассоціированія протекаетъ совершенно гладко, не испытывая какихъ-либо затрудненій.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что чувство напряженія, составляющее существенный элементъ всякой интенсивной мыслительной дѣятельности, также допускаетъ своего рода установку. Однако, въ противоположность тому, что наблюдалось въ соб-

ственно волевыхъ актовъ различнаго рода, эта «мыслительно-волевая» (если можно такъ выразиться) установка отличается, повидимому, значительно меньшей устойчивостью. На это указываетъ, прежде всего, недостаточное постоянство получаемыхъ результатовъ, то обстоятельство, что у однихъ и тѣхъ же испытуемыхъ послѣдовательное дѣйствіе процесса сравненія на ассоціаціи то ясно обнаруживается, то почти совершенно отсутствуетъ: очевидно, достаточно бываетъ какихъ-либо сравнительно незначительныхъ причинъ, чтобы разрушить создавшуюся установку. Въ пользу этого предположенія говоритъ также и та неудача, которую потерпѣли опыты въ ихъ первоначальной постановкѣ (когда всѣ сравненія давались подрядъ, а за ними снова слѣдовалъ повторный рядъ ассоціацій): достаточно было заявленія экспериментатора о томъ, что сравненія окончились и теперь начнутся ассоціаціи, чтобы образовавшаяся у испытуемаго установка измѣнилась на новый ладъ. Здѣсь же, пожалуй, можно отмѣтить еще и то обстоятельство, что знаніе цѣли опытовъ существенно вліяетъ на получаемые результаты; такъ, первые опыты, продѣланные надо мной самими авторами работы, дали, даже при первоначальной постановкѣ, значительно болѣе частое вліяніе сравненій на ассоціаціи, чѣмъ это оказалось впоследствии. Это обстоятельство, конечно, также говоритъ въ пользу меньшей устойчивости данной установки.

Интересно, наконецъ, своего рода столкновение, которое возникало иной разъ между образовавшейся, благодаря сравненіямъ, мыслительно-волевой установкой и воспоминаніемъ о полученной въ началѣ опыта инструкціи: «хочется подыскать подходящее слово, продолжать сравненіе, а сознаю, что надо дѣлать что-то механическое». Не указываетъ ли это обстоятельство на то, что процессъ напряженія, возникшій благодаря сравненіямъ и продолжающій дѣйствовать и послѣ ихъ прекращенія (т. е. то, что мы назвали мыслительно-волевой установкой), отнюдь не можетъ быть сведенъ къ дѣйствию разъ установившихся руководящихъ представленій (*Zielvorstellungen* Аха и вызываемыхъ ими *determinierende Tendenzen*), а представляетъ собой нѣчто другое, совершенно своеобразное? Само собою разумѣется, что для рѣшенія этого въ высшей степени важнаго вопроса необходимы дальнѣйшіе факты.

IV. Общіе выводы.

Попробуемъ теперь резюмировать вкратцѣ тѣ ближайшіе выводы, которые можно сдѣлать изъ приведенныхъ въ нашей статьѣ работъ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что во всѣхъ, подвергавшихся изученію процессахъ, были ли они простыми или сложными, изслѣдователей интересовали не столько эти процессы сами по себѣ, взятые въ ихъ цѣломъ, съ различными ихъ деталями и второстепенными чертами, сколько одна-двѣ основныхъ психическихъ (resp. психо-физиологическихъ) функций или способности, лежащія въ основѣ каждаго даннаго процесса. Самые же процессы разсматривались только какъ проявленія или обнаруженія этихъ основныхъ, сравнительно элементарныхъ по своей природѣ функций. Сообразно этому и для изслѣдованія брались только такіе процессы, въ которыхъ та или иная способность обнаруживалась бы съ возможно большей яркостью и постоянствомъ. Нерѣдко бывало такъ, что въ одной и той же работѣ или даже въ одномъ и томъ же опытѣ, на однихъ и тѣхъ же испытуемыхъ изслѣдованію подвергались два, казалось бы, совершенно различныхъ по своему составу процесса (напр., возможно болѣе быстрое, чисто механическое, многократное повтореніе нѣсколькихъ несвязанныхъ между собою словъ—и рядъ «исчерпывающихъ» сравненій) только потому, что въ составѣ ихъ существенную роль играетъ одна и та же, или двѣ различныхъ, но близкихъ другъ къ другу основныхъ психическихъ функций (въ данномъ случаѣ—значительное волевое напряженіе). Съ другой стороны, въ нашемъ методѣ послѣдовательнаго дѣйствія, одна какая-нибудь основная функция, достигшая, благодаря предшествовавшему упражненію, очень значительной интенсивности, продолжаетъ дѣйствовать и на послѣдующій основной процессъ, ускоряя или замедляя его, видоизмѣняя качественно и т. п. (примѣры: вліяніе стрѣльбы и вычеркиванія на выстукиваніе темпа и писаніе черточекъ, или вліяніе сравненій на ассоціаціи). И здѣсь, слѣдовательно, различные по своему составу процессы употребляются, опять-таки, только какъ средство для того, чтобы привести въ дѣйствіе изучаемую способность и посмотреть, какъ она дѣйствуетъ на другія способности, родственныя ей или индифферентныя.

Въ изслѣдованіяхъ по методу корреляцій очень рельефно обнаружались нѣкоторыя характерныя особенности, присущія всѣмъ вообще основнымъ психическимъ функціямъ или способностямъ. Это, во-первыхъ, ихъ постоянство, устойчивость у каждаго отдѣльнаго испытуемаго, а во вторыхъ, тѣсная связь ихъ съ ядромъ личности, съ наиболѣе основными чертами индивидуальности. Въдъ методъ корреляціи именно на томъ и построенъ, что мы сначала располагаемъ всѣхъ испытуемыхъ въ ряды въ зависимости отъ степени развитія у нихъ того или иного процесса (resp. той или иной основной функціи), а затѣмъ уже, сопоставляя эти ряды между собою, выводимъ заключеніе о наличности или отсутствіи соотношенія между различными функціями. Другими словами, необходимымъ предварительнымъ шагомъ къ установленію корреляцій является изслѣдованіе тѣхъ или иныхъ индивидуальныхъ особенностей испытуемыхъ, причемъ опытъ показываетъ, что эти особенности, несмотря на нѣкоторыя колебанія, въ общемъ отличаются большимъ постоянствомъ. Въ то же время нѣкоторыя работы (напр., Топорковой и Кенигсбергъ, Никитиной и Казимірова) ясно показываютъ, какъ много могутъ дать для истолкованія результатовъ индивидуальныхъ характеристики отдѣльныхъ испытуемыхъ, составленныя на основаніи внѣшняго наблюденія и опроса.

Далѣе, опыты показываютъ, что нѣкоторыя такъ наз. формальныя особенности душевныхъ процессовъ (напр., большая или меньшая скорость ихъ теченія) имѣютъ много общихъ чертъ съ основными психическими функціями или способностями. Онѣ такъ же индивидуально-характерны для разныхъ испытуемыхъ, какъ и способности, относящіяся къ содержанию душевныхъ процессовъ, такъ же устойчивы, постоянны для каждаго отдѣльнаго индивидуума при повторныхъ его изслѣдованіяхъ. Изъ работы Топорковой и Кенигсбергъ видно, что большая или меньшая скорость, какъ общее индивидуальное свойство, очень отчетливо выступаетъ въ разныхъ двигательныхъ процессахъ (въ умственныхъ процессахъ ея вліяніе затемняется до нѣкоторой степени слишкомъ большими количественными и качественными различіями въ составѣ процессовъ). Работа Басова показываетъ, что для каждаго испытуемаго существуетъ особый, естественный или привычный темпъ, общій какъ для его простѣйшихъ движеній (выстукиваніе темпа), такъ и для слуховыхъ ощущеній

(удары метронома), а отчасти и для рѣчевыхъ движеній. Цитированные выше опыты Эфрусси показали, что возможна установка на опредѣленный темпъ рѣчи (при чтеніи вслухъ стихотвореній), мѣшающая затѣмъ испытуемому приспособиться къ другому темпу. Всѣ эти факты говорятъ, на мой взглядъ, въ пользу того, что въ нашей нервно-психической организаціи должно существовать особое приспособленіе (способность, функція), регулирующее большую или меньшую скорость теченія процессовъ у даннаго индивидуума.

Въ началѣ статьи намъ уже пришлось говорить о томъ, что соотвѣтственно своеобразнымъ особенностямъ изучавшихся нами процессовъ (различныя проявленія активности) приемы изслѣдованія носили по преимуществу объективный характеръ. Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы отрицали возможность непосредственнаго изученія психическихъ способностей путемъ внутренняго наблюденія (самонаблюденія). Такъ, въ нашихъ опытахъ самонаблюденіе нѣкоторыхъ испытуемыхъ очень ясно отличало спокойно-сосредоточенное волевое усиліе отъ общаго, эмоціонально-окрашеннаго нервно-психическаго возбужденія. Мало того. Въ опытахъ съ методомъ послѣдовательнаго дѣйствія нерѣдко бывало такъ, что испытуемый, послѣ прекращенія добавочнаго процесса (стрѣльбы въ цѣль, вычеркиванія, исчерпывающихъ сравненій и т. п.), до начала основнаго испытывалъ ясное чувство напряженія, иногда качественно варіировавшееся, но не направленное на какой бы то ни было опредѣленный объектъ. Здѣсь, слѣдовательно, способность возбуждена, но проявленіе ея (внутреннее) еще не сформировалось, такъ какъ прежній объектъ, прежняя точка приложенія уже исчезла, а новая еще не появилась. Вѣроятно, конечно, что такое непосредственное наблюденіе способностей въ ихъ, такъ сказать, зачаточномъ, зародышевомъ состояніи, возможно далеко не для всѣхъ психическихъ функцій, но для нѣкоторыхъ оно, повидимому, вполне осуществимо.

Вопросу о различныхъ закономѣрныхъ связяхъ и соотношеніяхъ, благодаря которымъ отдѣльныя психическія функціи не остаются обособленными, а объединяются въ одну общую нервно-психическую организацію, посвящена была, между прочимъ, работа Топорковой и Кенигсбергъ. Оказалось, что всѣ подвергавшіеся изслѣдованію двигательные процессы (разсматриваемые

съ ихъ нервно-психической стороны) родственны другъ другу (значительный коэффициентъ корреляции), въ то время какъ различные умственные процессы уже отстоятъ другъ отъ друга значительно дальше, а между умственными и двигательными процессами не существуетъ почти никакого опредѣленнаго соотношенія. Кромѣ того, можно отмѣтить также, что большинство нашихъ авторовъ, изучавшихъ различные виды или проявленія психической активности, не ограничивались однимъ только ихъ дифференцированиемъ, а старались установить между ними также тѣ или иныя взаимоотношенія.

До сихъ поръ рѣчь шла о такихъ фактахъ и заключеніяхъ, которые могутъ освѣтить съ той или другой стороны самое понятіе психической функціи или способности. Теперь мы перейдемъ къ болѣе частному вопросу—объ изученіи и анализѣ, съ упомянутой выше точки зрѣнія, тѣхъ функцій и проявленій, которыя объединяются обычно подъ общимъ названіемъ психической активности.

Здѣсь наши изслѣдованія, оставляя въ сторонѣ интеллектуальные элементы волевыхъ и вообще активныхъ процессовъ, сосредоточились, главнымъ образомъ, на анализѣ и изученіи того главнаго ядра всякаго волевого акта, которое носитъ названіе волевого усилія или волевого напряженія. Первый и самый важный вопросъ, стоявшій въ данномъ случаѣ передъ нами, заключался въ слѣдующемъ: является ли волевое усиліе чѣмъ-то всегда одинаковымъ, неизмѣннымъ, такъ что различіе между разными волевыми актами должно быть сведено лишь къ тому, что одна и та же «воля» направляется на разные объекты, или же и въ области волевыхъ функцій мы имѣемъ различные роды волевого усилія, аналогичные хотя бы, напр., различнымъ родамъ ощущений? Вопросъ этотъ подвергался въ нашей лабораторіи неоднократному изслѣдованію, и нѣкоторые результаты въ этомъ направленіи стали уже намѣчаться.

Такъ, Басовъ и Надольская, работавшіе по методу корреляцій, установили (правда, на небольшомъ числѣ испытуемыхъ) наличность извѣстнаго соотношенія между волевымъ усиліемъ, направленнымъ на максимальное ускореніе темпа выстукиваній, и тѣми энергичными волевыми импульсами, благодаря которымъ мускульныя сокращенія (сжатія пружиннаго эргографа) достигаютъ сразу же своей максимальной высоты. Попутно ими было

замѣчено, что одни испытуемые, ускоряя ad maximum темпъ выстукиванія, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваютъ и силу нажатія (стучить громче), тогда какъ другіе въ состояніи дифференцировать волевое усиліе, направленное на ускореніе движеній, отъ такого усилія, благодаря которому движенія дѣлаются болѣе интенсивными. Наконецъ, попытка изслѣдовать соотношеніе между произвольнымъ ускореніемъ движеній и произвольнымъ сосредоточеніемъ вниманія (направленнаго на двигательныя ощущенія) не дала никакихъ опредѣленныхъ результатовъ, быть можетъ, въ силу того, что избранная методика оказалась не вполне подходящей для данной цѣли.

Такимъ образомъ, въ работѣ Басова и Надольской мы имѣемъ попытку сопоставить между собой нѣсколько разновидностей простого волевого акта, отличающихся другъ отъ друга отчасти по тѣмъ объектамъ, на которые направлено волевое усиліе (движенія, двигательныя ощущенія), отчасти же по тѣмъ результатамъ, которые при этомъ достигаются (ускореніе или усиленіе движеній, большая отчетливость воспріятія), и показать при помощи метода корреляцій, существуетъ ли между этими видами волевыхъ актовъ какое-либо соотношеніе или же между ними нѣтъ ничего общаго. Результаты получаются, повидимому, въ разныхъ случаяхъ различныя, такъ что здѣсь необходима еще дальнѣйшая разработка.

Другими, болѣе подробно обследованными разновидностями волевого напряженія являются, съ одной стороны, сознательное, опредѣленно направленное волевое усиліе, сосредоточенное на трудной, мало интересной работѣ, а съ другой—общее нервно-психическое возбужденіе, вызванное какимъ-нибудь увлекательнымъ занятіемъ и имѣющее рѣзко выраженную эмоціональную окраску. Будучи замѣчено еще въ типахъ, установленныхъ Тычино и подтвержденныхъ и истолкованныхъ Топорковой и Кенигсбергъ, дѣленіе это въ работахъ Яськевича и Малевича, а главнымъ образомъ въ работѣ Никитиной и Казимірова сказалось очень отчетливо. Характерныя отличія улавливаются здѣсь какъ при помощи самонаблюденія, такъ и посредствомъ цѣлаго ряда объективныхъ признаковъ: разница между привычнымъ и максимальнымъ темпами у отдѣльныхъ испытуемыхъ, данныя внѣшняго наблюденія, различное вліяніе на привычный и максимальный темпы простѣйшихъ движеній и т. п.

При сопоставленіи другъ съ другомъ всѣхъ перечисленныхъ только что видовъ или проявленій волевого усилія обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее обстоятельство. Въ то время, какъ одни изъ нихъ отличаются значительной дифференцированностью, опредѣленнымъ сосредоточеніемъ именно на данномъ объектѣ или цѣли, наконецъ, полной подчиненностью личному воздѣйствію испытываемаго, благодаря чему значительно возрастаетъ общая согласованность (координація) дѣйствій въ каждый данный моментъ,—другіе, наоборотъ, имѣютъ болѣе общій, разлитой характеръ, проявляясь одновременно въ нѣсколькихъ различныхъ направленіяхъ и мало подчиняясь личному воздѣйствію. Такъ, напр., субъекты, способные къ значительному напряженію сознательнаго волевого усилія (первый изъ двухъ описанныхъ выше типовъ), могутъ по желанію сосредоточить все свое вниманіе на любомъ, хотя бы и мало интересномъ объектѣ, или очень значительно ускорить темпъ какихъ-либо простѣйшихъ движеній,—причемъ дѣйствуютъ исключительно опредѣленные, нужныя для даннаго движенія мускульныя группы,—или, при дальнѣйшей дифференцировкѣ, регулировать по желанію силу интенсивность этихъ ускоренныхъ *ad maximum* движеній и т. д. Такой же результатъ достигается при методѣ послѣдовательнаго дѣйствія, благодаря нѣкоторымъ упражненіямъ, вызывающимъ значительное напряженіе сознательнаго волевого усилія. Наоборотъ, у лицъ, принадлежащихъ ко второму типу (или же подъ вліяніемъ такихъ возбуждающихъ упражненій, какъ напр., стрѣльба въ цѣль) преобладаетъ общее, разлитое нервно-психическое возбужденіе съ примѣсю ясно выраженной эмоциональной окраски, вызывающее цѣлый рядъ добавочныхъ, совершенно ненужныхъ въ данный моментъ движеній (мимическихъ и другихъ), недостаточно подчиненное личному контролю и, наконецъ, часто нарушающее также двигательную координацію.

Невольно возникаетъ мысль о томъ, не имѣемъ ли мы здѣсь дѣла съ двумя ступенями эволюціи воли, съ двумя послѣдовательными фазисами развитія волевого усилія? Этому соотвѣтствуетъ, на нашъ взглядъ, и то обстоятельство, что дифференцированное, опредѣленно направленное волевое усиліе сознается болѣе отчетливо, нежели общее, разлитое нервно-психическое возбужденіе. Недаромъ многіе психологи (особенно Вундтъ и волонтаристическая школа) въ качествѣ прототипа воли разсма-

триваютъ именно сознательное волевое усиленіе. Между тѣмъ, намъ кажется, что изъ двухъ описанныхъ видовъ активности второй видъ, т. е. разлитое, недостаточно дифференцированное и координированное, мало доступное сознанию и личному контролю общее нервно-психическое возбужденіе ближе стоитъ къ инстинктамъ и другимъ примитивнымъ, смутно сознаваемымъ проявленіямъ человѣческой психики, нежели первый. Само собою разумѣется, что высказанныя только что предположенія являются лишь гипотезой, нуждающейся въ обстоятельной дальнѣйшей провѣркѣ.

Особую, своеобразную разновидность активныхъ функций составляетъ волевое напряженіе, входящее въ составъ всякаго рода мыслительной дѣятельности. Опыты Цикуленко и Манучаровой (относительно вліянія исчерпывающихъ сравненій на слѣдующіе за ними ассоціативные процессы), являющіеся съ нашей стороны только первымъ шагомъ въ этомъ направленіи, намѣчаютъ уже нѣкоторыя интересныя данныя. По видимому и въ этой области возможно примѣненіе метода послѣдовательнаго дѣйствія, и здѣсь существуетъ своего рода установка, хотя и менѣе стойкая, легче разрушающаяся подъ вліяніемъ разнаго рода субъективныхъ и объективныхъ факторовъ. Въ то же время отдѣльныя наблюденія (какъ, напр., возникающій иногда конфликтъ между образовавшейся въ теченіе опыта установкой, съ одной стороны, и воспоминаніемъ о полученной передъ опытомъ инструкціи—съ другой) указываютъ какъ будто бы на то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло дѣйствительно съ особой разновидностью активныхъ, волевыхъ функций, а не съ однимъ только «представленіемъ о цѣли», направляющимъ теченіе ассоціаций въ ту или другую сторону. Впрочемъ, недостаточность данныхъ еще не позволяетъ высказаться объ этомъ предметѣ съ достаточной опредѣленностью.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о методахъ, примѣнявшихся авторами только что изложенныхъ работъ.

Методъ корреляціи, какъ намъ уже неоднократно приходилось указывать, можетъ оказать существенныя услуги при опредѣленіи наличности или отсутствія, а также большей или меньшей степени соотношенія между двумя или нѣсколькими изслѣдуемыми функциями; съ этой стороны значеніе его для нашихъ цѣлей неоспоримо. Однако несомнѣнно также и то, что однимъ

имъ ограничиться ни въ какомъ случаѣ нельзя. При помощи метода корреляцій мы можемъ только установить, что между такими-то двумя процессами или функціями существуетъ болѣе или менѣе близкая связь или зависимость, но рѣшительно ничего не можемъ сказать ни о существѣ этой связи, ни о томъ, вызывается ли она какими-нибудь основными причинами, вытекающими изъ самой природы данныхъ функцій, или же причинами побочными, внѣ ихъ лежащими, хотя бы и довольно постоянными. Для выясненія этихъ вопросовъ необходимо прибѣгнуть къ другимъ приемамъ, приводящимъ изслѣдуемыя функціи въ непосредственное соприкосновеніе или взаимодействіе другъ съ другомъ.

Первымъ, ранѣе использованнымъ приемомъ такого рода является методъ одновременнаго воздѣйствія, примѣнявшійся, напр., въ работахъ Осипова и Корнилова. Приемъ этотъ можетъ, какъ мы уже видѣли, дать интересные и цѣнные результаты; однако, въ примѣненіи къ нашимъ цѣлямъ онъ обладаетъ однимъ очень существеннымъ и притомъ неустранимымъ недостаткомъ, а именно—необходимостью раздвигать вниманіе между двумя различными, одновременно протекающими процессами. Въ виду этого мы въ нашей лабораторіи предпочитали пользоваться другимъ приемомъ, при которомъ изучаемые процессы слѣдуютъ непосредственно другъ за другомъ, благодаря чему раздвоеніе вниманія безусловно исключается.

Этотъ послѣдній приемъ, названный нами методомъ послѣдовательнаго дѣйствія, близко напоминаетъ собой, какъ уже сказано, явленія такъ наз. установки. Однако, наряду съ сходствомъ, имѣются здѣсь также и существенныя различія. Во-первыхъ, понятіе установки въ нашихъ опытахъ значительно расширяется, не ограничиваясь одними только движеніями, но распространяясь и на различныя проявленія мыслительной и волевой дѣятельности. Во-вторыхъ, въ процессѣ установки всегда имѣется извѣстная, созданная путемъ упражненія направленность на какой-нибудь опредѣленный объектъ (resp. способъ проявленія): на извѣстное движеніе, ощущеніе, представленіе, наконецъ на опредѣленный ритмъ или интенсивность и т. п.; между тѣмъ, въ нашемъ методѣ послѣдовательнаго дѣйствія та или иная функція, возбужденная при помощи добавочнаго процесса, направляется затѣмъ въ послѣдующемъ основномъ процессѣ на совершен-

но иные объекты (представленія, движенія), чѣмъ прежде. Такимъ образомъ, если имѣется здѣсь своего рода установка, то отнюдь не всего процесса, взятаго въ его цѣломъ и направленнаго въ опредѣленную сторону, на опредѣленныя проявленія, а только лишь функціи или способности, лежащей въ основѣ этого процесса и могущей затѣмъ получить любое, доступное ей направленіе.

Опыты наши показали, что область примѣненія метода послѣдовательнаго дѣйствія представляется достаточно широкой, включая въ себя не только двигательно-волевые процессы и произвольное вниманіе, но также и различнаго рода мыслительную дѣятельность. Само собою разумѣется, что техника метода должна въ этихъ послѣднихъ случаяхъ модифицироваться, приспособляясь къ своеобразному характеру изслѣдуемыхъ процессовъ; такъ, мы уже видѣли, что первыя попытки Цикуленко и Манучаровой воспользоваться даннымъ методомъ для изслѣдованія мыслительныхъ функцій потерпѣли неудачу и что только послѣ примѣненія новой, болѣе удачной методики результаты стали выясняться съ большей отчетливостью.

Нельзя не отмѣтить, наконецъ, того значенія, которое имѣло для насъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, составленіе частичныхъ индивидуальныхъ характеристикъ отдѣльныхъ испытуемыхъ, причемъ методами служили, съ одной стороны, данныя опроса, а съ другой—наблюденія экспериментатора во время опытовъ. Именно благодаря примѣненію такихъ характеристикъ удалось выяснить и противопоставить другъ другу тѣ два типа или два вида активныхъ проявленій, о которыхъ говорилось выше: спокойно-сознательное волевое усиліе и общее нервно-психическое возбужденіе. И это обстоятельство станетъ вполне понятнымъ, если мы вспомнимъ о тѣсной связи, существующей между понятіями личности и способности, если мы примемъ во вниманіе, что основное ядро личности или нервно-психическая организація представляетъ собою не что иное, какъ совокупность тѣхъ или иныхъ основныхъ психическихъ функцій или способностей, закономерно между собой связанныхъ.

А. Лазурскій.

Проблема смысла жизни въ философіи Канта.

Хотя Кантъ, какъ это показываютъ его работы, не посвятилъ вопросу о смыслѣ жизни отдѣльнаго изслѣдованія, тѣмъ не менѣе желаніе установить въ общихъ чертахъ, какъ рѣшается этотъ вопросъ на почвѣ его міросозерцанія, не является насиліемъ надъ нимъ, тѣмъ болѣе, что эта проблема должна привлекать взоры не только каждаго философа, но и каждаго человѣка. Кромѣ того, мы находимъ въ собственныхъ изреченіяхъ Канта мысли, подкрѣпляющія возможность поставить ему такой вопросъ. Объ этомъ въ сущности говорятъ тѣ четыре вопроса, о которыхъ упоминаетъ Кантъ въ письмѣ къ К. Фр. Штэйдлину (4 мая 1793 г.), какъ объ основной своей задачѣ: что я могу знать, что я долженъ дѣлать, на что я могу надѣяться, что представляетъ собой человѣкъ? Если мы вспомнимъ, что «Критика чистаго разума» съ ея познавательнымъ самоограниченіемъ расчистила поле для ученія о нравственности и религіи, то мы еще больше убѣдимся въ томъ, что кенигсбергскій мудрецъ не могъ оставить безъ вниманія этотъ вопросъ. Кто хочетъ понять личность, мотивы ея поступковъ и стремленій и указать ей на идеаль, тотъ, само собой разумѣется, приходитъ въ тѣсное соприкосновеніе съ вопросомъ о смыслѣ жизни, хотя бы онъ прямо и не называлъ его. Какъ говоритъ Кантъ, разуму не безразлично, «что выйдетъ изъ нашихъ правильныхъ поступковъ». И въ произведеніяхъ Канта дѣйствительно нѣтъ недостатка въ изреченіяхъ, характеризующихъ его взглядъ на жизнь и на вопросъ о ея смыслѣ.

Какъ разъ въ данномъ вопросѣ, гдѣ естественно ставится вопросъ о цѣнности земной жизни человѣка, необходимо вспо-

1) «Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft», изд. Dürr, стр. 3.

мнить о томъ ученіи, въ атмосферѣ котораго выросталъ Кантъ, впитывая въ себя его духъ, и которое заняло рѣзкую пѣзицію въ оцѣнкѣ земной жизни. Какъ извѣстно, онъ выросталъ въ атмосферѣ ярко пѣтистическаго настроенія, безраздѣльно господствовавшаго въ семьѣ Канта. Какъ говоритъ Форлендеръ ¹⁾, «вся атмосфера жизни семьи этого простого ремесленника дышала строгой чистотой нравовъ, честностью, терпимостью и подлинной набожностью». Пѣтизмъ давалъ своеобразное сочетаніе очень мрачнаго взгляда на человѣческую природу и земную жизнь съ непреклонной вѣрой во всемогущество Бога и побѣду добра. Самъ Кантъ разсказывалъ своему ученику Яхману объ огромномъ вліяніи на него его матери. Тотъ же пѣтизмъ царилъ въ гимназій, въ которой учился Кантъ, и въ которой руководителемъ былъ другъ и духовникъ его семьи, проповѣдникъ и профессоръ Шульцъ. Въ университетѣ Кантъ также не остался внѣ вліянія пѣтизма; пѣтистомъ былъ, напримѣръ, одинъ изъ его учителей, Кнутценъ ²⁾. И хотя онъ отклонилъ карьеру проповѣдника и набожность пѣтистовъ награждаетъ презрительнымъ эпитетомъ «Frömmelei», тѣмъ не менѣе огромная доля вліянія пѣтизма осталась у него на всю жизнь.

Это ярко сказалось у Канта въ его отношеніи къ земной жизни человѣка. Уже основныя черты его критикъ недвусмысленно говорятъ, что эта жизнь рисовалась кѣнигсбергскому мыслителю далеко не въ розовомъ духѣ. Душа человѣка представлялась ему отраженіемъ глубокаго кореннаго разлада; на немъ построена вся его какъ теоретическая, такъ въ особенности вся практическая философія; разумъ и чувственность—два вѣчныхъ антагониста вошли, какъ составные элементы, въ человѣческую душу и живутъ въ вѣчной непрерывной борьбѣ другъ съ другомъ, затихающей только въ праздничные моменты эстетическихъ созерцаній. Чѣмъ строже и ригористичнѣе требованія Канта къ человѣку, тѣмъ ярче выступаетъ чисто пѣтическое недовѣріе къ его земной природѣ. Переходъ къ идеальнымъ требованіямъ, къ мысли о великомъ конечномъ назначеніи человѣка дѣлается въ такой формѣ, что она не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ слабости и коренной отягощенности человѣка, какъ земного суще-

1) Предисловіе къ «Religion innerhalb...», изд. Dürr, стр. VI.

2) Тамъ же, стр. VIII.

ства. Подчеркивая широту и власть чувственныхъ, земныхъ стремленій человѣка, Кантъ въ «Критикѣ практическаго разума» (р. 61) произноситъ знаменательную фразу: «Человѣкъ—существо нуждающееся... но все-таки (!) онъ не совсѣмъ ужъ животное (Der Mensch ist ein bedürftiges Wesen..., aber er ist doch nicht so ganz Tier)». Всѣ эти животныя—земныя—элементы образуютъ мощный противовѣсъ противъ всѣхъ вліяній долга. Въ общемъ итогѣ у человѣка, предоставленнаго самому себѣ, много шансовъ остаться въ цѣпяхъ этой земной власти.

И земная жизнь рисуется Канту въ соответствующихъ краскахъ. О самодовлѣніи ея у него, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Не трудно понять, что искать смысла въ ней какъ таковой, было бы большимъ роковымъ заблужденіемъ. Положительный отвѣтъ, если онъ возможенъ, можетъ получиться только на почвѣ установленія связи личности съ неземными цѣлями и мыслями. Если бы человѣкъ оставался просто человѣкомъ, не становился бы личностью, т.-е. если бы онъ оказался безповоротно замкнутымъ въ мірѣ явленій безъ всякаго просвѣта въ иной мірѣ, то жизнь его была бы лишена всякаго самостоятельнаго смысла и цѣнности. Въ этомъ отношеніи очень интересно то, что писалъ Кантъ въ «Мысляхъ по поводу смерти господина фонъ-Функа» ¹⁾. Возможно, что нѣкоторое сгущеніе красокъ въ этомъ разсужденіи объясняется стремленіемъ утѣшить мать, оплакивающую раннюю кончину своего сына,—разсужденіе это и начинается обращеніемъ къ г-жѣ фонъ-Функъ,—но существо его взглядовъ остается неизмѣннымъ и дальше. Кантъ здѣсь энергично подчеркиваетъ, что у земной жизни нѣтъ самодовлѣющаго характера. Каждый человѣкъ, поглощенный видомъ и интересами земной жизни,—говоритъ онъ,—рисуетъ себѣ путь своей жизни, строитъ планы, но на самомъ дѣлѣ истинная судьба человѣка рѣзко отличается отъ той, какою онъ представлялъ ее себѣ: наши ожиданія оказываются на каждомъ шагѣ обманутыми. Взамѣнъ разбитыхъ мечтаній мы строимъ новыя, но и ихъ судьба оказывается не лучше первыхъ. И такъ продолжается эта жалкая игра до тѣхъ поръ, пока не явится смерть, сброситъ покрывала съ жизни, обнаружитъ, что все это были

¹⁾ «Gedanken bei frühzeitigem Ableben des Herrn v. Funk»; я цитирую по изд. Kantgesellschaft «Kants populäre Schriften».

только призраки, «Schattenspiel», и навсегда положить предѣлъ нашимъ пустымъ мечтаніямъ. Часто богатство и бракъ, общавшіе великое счастье, рушатся невѣроятно быстро, въ то время какъ «нищета и горе часто ткуть длинную нить въ платѣ парокъ, и многіе, повидимому, живутъ на муку себѣ и другимъ»¹⁾.

Конечно, на этомъ Кантъ не остановился, но эта жизнь оказывается окончательно осужденной самое большее на служебную роль. Смыслъ ея не въ ней и, конечно, не въ томъ, что она даетъ и можетъ дать. Кантъ энергично и рѣшительно выступаетъ противъ гедонизма. Онъ не стремился, правда, къ полному уничтоженію «естественныхъ склонностей», а требуетъ только ихъ обузданія²⁾. Для него «пуризмъ циника и умерщвленіе плоти анахоретомъ, безъ благъ общественной жизни, это—искаженные образы добродѣтели, неспособные привлекать къ ней; покинутые граціями, они не могутъ претендовать на гуманность»³⁾. Потребность въ счастья признается имъ за необходимую потребность всякаго разумнаго, но конечнаго существа; эта потребность неизбѣжно выступаетъ въ роли фактора, опредѣляющаго его желанія и стремленія⁴⁾, но все это далеко отъ обоснованія смысла жизни. Опредѣливъ счастье какъ состояніе, получающееся въ итогъ того, что все въ жизни разумнаго существа совершается соотвѣтственно его желанію и волѣ⁵⁾, Кантъ отвергаетъ его, какъ цѣль, потому, что оно направляетъ нашу дѣятельность на внѣшнее, дѣлаетъ нашу волю гетерономной и порабощаетъ человѣка. Кантъ вездѣ пользуется случаемъ подчеркнуть нравственно опасный характеръ стремленія къ счастью, какъ къ самодовлѣющей цѣли. Тѣ, чей «культивированный разумъ» усматриваетъ цѣль жизни въ наслажденіи ею, въ счастья, идутъ, по его мнѣнію, прямымъ путемъ къ мизологіи, т.-е. ненависти къ разуму; чѣмъ больше люди усматриваютъ цѣль жизни въ наслажденіи, тѣмъ дальше уходятъ они отъ возможности истиннаго удовлетворенія. Цѣнность этой жизни только въ томъ, что мы такимъ путемъ открываемъ возможность иного болѣе достойнаго существованія. Если бы цѣлью жизни было счастье, то

1) «Kants populäre Schriften», изд. Kantgesellschaft, стр. 54—55.

2) «Religion innerhalb...», изд. Dürr, p. 69 (стр. 62).

3) Antropologie, стр. 202, изд. Philosophische Bibliothek.

4) Kritik der praktischen Vernunft, p. 25 примѣч. II.

5) Тамъ же, p. 124.

лучше было бы выбрать въ руководители природный инстинктъ, а не разумъ.

Было бы большой несправедливостью по отношенію къ Канту объявить его абсолютнымъ пессимистомъ. Какъ мы увидимъ дальше, онъ спасается отъ безнадежности своей вѣрой въ Бога и умопостигаемый характеръ человѣка. Но пессимистическія нотки никогда не покидаютъ его, разъ рѣчь идетъ о земной жизни. Какъ указываетъ Оманнъ въ своемъ предисловіи къ письмамъ Канта ¹⁾, послѣдній говорилъ, что онъ ни за что не хотѣлъ бы прожить свою жизнь еще разъ. И нужно признать, что эта фраза въ устахъ Канта, поскольку можно судить по его произведеніямъ, не является случайной или возможнымъ продуктомъ горькой минуты. Она естественна потому уже, что душа человѣка носитъ по его ученію въ самой себѣ возможность своей духовной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность своей моральной смерти, при чемъ, поскольку рѣчь идетъ о собственныхъ силахъ человѣка, послѣдній факторъ оказывается чрезвычайно сильнымъ. Дѣйствительная мощь человѣка представляется Канту очень ограниченной.

Въ самомъ дѣлѣ. Тамъ, гдѣ у Канта беретъ верхъ безусловный оптимизмъ, вѣра въ окончательную побѣду добра, въ идею вѣчнаго мира и т. д., тамъ всегда этотъ оптимизмъ основывается или на постулированной вѣрѣ въ Бога, или же на объективномъ ходѣ развитія жизни. Такъ въ «*Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*» ²⁾, написанномъ въ 1784 г., т.-е. вскорѣ послѣ появленія Критики чистаго разума и Прологомень, онъ говоритъ о томъ, что природа *принуждаетъ* человѣка стремиться къ осуществленію величайшей задачи человѣческаго рода, къ достиженію гражданскаго общества, построеннаго на всеобщемъ правѣ. Впечатлѣніе, что объективный ходъ жизни и природы выявляетъ съ помощью человѣка что-то свое особое, высшее,—мысль, которую позже Гегель поставилъ во всей ея полнотѣ,—встрѣчается у Канта, возвеличившаго свободу человѣка, неоднократно. Еще больший ароматъ будущей гегелевской философіи чувствуется въ словахъ Канта нѣсколькими страницами дальше ³⁾, гдѣ онъ говоритъ: «на исторію че-

¹⁾ Kantsbriefe, Insel-Verlag, 1911, стр. XIX.

²⁾ Стр. 211, Kants populäre Schriften, изд. Kantgesellschaft, стр. 211.

³⁾ Стр. 218.

ловѣческаго рода можно смотрѣть какъ на совершеніе въ большомъ масштабѣ *скрытаго* плана природы»... Пусть даже все это предназначено для полного развитія задатковъ, заложенныхъ въ человечествѣ, но здѣсь все-таки какъ бы расчищается почва для утвержденія Гегеля, что отдѣльные индивиды таскаютъ изъ огня каштаны для объективнаго духа. Аналогичную мысль онъ въ ясной и опредѣленной формѣ высказалъ въ «Gedanken bei den frühzeitigem Ableben des Herrn v. Funk» (1760 г.), гдѣ онъ говоритъ о невѣдомомъ намъ предопредѣленіи или нашемъ жребіи въ истинной дѣйствительности въ отличіе отъ этого земного міра, полного противрѣчій и въ сущности являющагося только призракомъ.

По основному ученію Канта, вопросъ о моральной судьбѣ человѣка рѣшается тѣмъ, какимъ человѣкъ сдѣлаетъ себя самъ. Онъ требуетъ отъ него революціоннаго перелома въ его настроеніи и образѣ мыслей и считаетъ этотъ актъ, можетъ быть, необъяснимымъ, но все-таки возможнымъ путемъ свободы. Но онъ никогда не забываетъ о чувственности, объ этомъ «радикальномъ злѣ», заложенномъ въ натурѣ человѣка, потому что это зло портитъ основу всѣхъ максимъ. Этимъ объясняется то, что фактически Кантъ далекъ отъ мысли полагать на собственные силы человѣка черезчуръ большія надежды. «Изъ столь кривого дерева, изъ котораго сдѣланъ человѣкъ», говоритъ онъ ¹⁾, «нельзя построить ничего вполне прямого. Только приближеніе къ этой идеѣ возложено на насъ природой».

Эта возможность «приближенія» открывается человѣку тѣмъ, что онъ можетъ стать личностью, т. е., какъ говоритъ Кантъ ²⁾, обрѣсти революціоннымъ переворотомъ въ своемъ духѣ свободу и независимость отъ механизма всей природы, или иными словами развернуть свой умпостигаемый характеръ. То, что человѣкъ можетъ породить «я», это подымаетъ его на неизмѣримую высоту надъ всѣми земными существами,—такой мыслью начинается его Антропология. Понимая подъ моральной свободой, «im praktischen Verstande»,—независимость воли отъ принужденія со стороны требованій чувственности ³⁾, или опредѣляя ее

1) Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht, изд. Kantgesellschaft, стр. 213.

2) Kritik der praktischen Vernunft, стр. 112, изд. Philos. Bibl., 1906 (р. 87).

3) Kritik der reinen Vernunft, р. 562.

положительно въ Критикѣ практическаго разума, какъ автономію воли, Кантъ надѣляетъ этой свободой человѣка и этимъ отводитъ ему въ мірѣ и жизни совершенно особое мѣсто, а именно—ему приписывается въ осуществленіи того, что даетъ смыслъ жизни, почти космическое, основное значеніе.

Чтобы понять это, мы и обратимся теперь къ основному вопросу, интересующему насъ,—къ вопросу о высшемъ благѣ, о послѣдней цѣли, о смыслѣ жизни. Какъ извѣстно, Кантъ сдѣлалъ изъ субъекта, хотя бы только изъ его умопостигаемаго характера, своего рода философскую Архимедову точку, на которую у него опирается вообще все его міросозерцаніе. Вполнѣ естественно и послѣдовательно, что и отвѣта на приведенные нами вопросы можно искать только на той же колеѣ. И тутъ центръ тяжести долженъ быть перенесенъ въ самую личность. Въ своемъ жизнепониманіи Кантъ ищетъ и находитъ главную основную задачи жизни личности не внѣ нея, а въ ней самой. Грубый гедонизмъ, который, какъ это мы видѣли раньше, рѣшительно отвергается Кантомъ, обыденное счастье становится по самому существу невозможнымъ, потому что оно лишено самодовлѣющаго характера, оно вѣчно недостижимо, неполно, а, главное—оно лишено моральнаго оправданія. Такимъ образомъ, это приводитъ насъ къ очень важному выводу, что цѣль жизни, смыслъ ея, если онъ есть, имманентенъ личности, что высшее благо не внѣ личности, а въ ней самой. Важность этого положенія можно подчеркнуть неизбежно вытекающимъ отсюда вопросомъ, не есть ли сфера добра, красоты, истины, святости и т. д. всѣхъ этихъ абсолютныхъ цѣнностей настоящая человѣческая сфера, мыслимая только *въ личности* и на почвѣ ея противорѣчивыхъ возможностей. Уже здѣсь напрашивается ясный выводъ, что «царство небесное истиннаго смысла» можетъ быть только «внутри насъ». Только на этомъ пути достигается истинная вѣчность и конецъ всякаго времени ¹⁾.

Такимъ факторомъ, несущимъ смыслъ жизни, является у Канта идея, въ которой онъ, строгій формалистъ, не ограничивается однимъ формальнымъ опредѣленіемъ, а даетъ слияніе формы и содержанія. Этимъ солнцемъ, освѣщающимъ съ ея точки зрѣнія всю жизнь и личность, является нравственный законъ, дове-

¹⁾ „Das Ende aller Dinge“, Kants populäre Schriften, изд. Kantgesellschaft, стр. 291.

денный до полноты понятія высшего блага. Прежде всего изъ всего построения философіи Канта ясно, что нравственность представляетъ собой тотъ этапъ, дальше котораго нѣтъ ни доказательствъ, ни требованій, ни цѣнныхъ достойныхъ стремленій. Въ утвержденіи смысла жизни приходится отвести основную, почти исчерпывающую роль нравственному закону, осуществленію чистой, безусловно доброй воли. Кантъ считаетъ возможнымъ мыслить такую волю даже въ роли общеобязательной абсолютной законодательницы, нравственный законъ—какъ міровой законъ. Вопросъ о смыслѣ жизни—это вопросъ прежде всего нашей совѣсти, въ немъ господствуютъ мотивы не чистаго, теоретическаго знанія, а мотивы опредѣленія и осмысливанія всей нашей жизнедѣятельности. Это, говоря языкомъ Канта, вопросъ прежде всего практическаго разума. И вотъ Кантъ находитъ что «подлинная двигательная пружина чистаго практическаго разума такова: она есть не что иное, какъ самъ чистый моральный законъ, поскольку онъ даетъ намъ почувствовать возвышенность собственнаго сверхчувственнаго существованія» ¹⁾. Эту мысль о центральномъ положеніи нравственнаго закона Кантъ повторяетъ и подкрѣпляетъ вездѣ. «Для людей, — говоритъ онъ ²⁾,—нѣтъ никакого иного спасенія, какъ вобрать тѣснѣйшимъ образомъ подлинныя нравственныя основоположенія въ свой образъ мыслей». «Если справедливость погибнетъ, то нѣтъ смысла въ существованіи людей на землѣ».

Цѣль жизни должна быть послѣдней цѣлью; слѣдовательно, ею можетъ быть только нѣчто самодовлѣющее, не нуждающееся ни въ какой дальнѣйшей опорѣ. И нравственный законъ такъ, какъ онъ освѣщается философіей Канта, долженъ вполне удовлетворять этому условію. Но тутъ же становится яснымъ, что этимъ вопросъ и у Канта далеко не разрѣшается. Нравственный законъ даетъ то, что онъ называлъ опредѣляющимъ основаніемъ то, чѣмъ опредѣляется характеръ воли, форма ея, но по прежнему остается открытымъ вопросъ объ объектѣ этой воли, о поддержаніи, о послѣдней высшей цѣли. Нравственный законъ даетъ ясное, категорическое указаніе только на то, какъ должна быть мотивирована воля въ ея стремленіи, но самъ по себѣ онъ ни съ

1) Kritik der praktischen Vernunft (Dürr, 1906), p. 88.

2) «Religion»... (Dürr), стр. 94, p. 115.

какой стороны не опредѣляетъ содержанія ея стремленія, на которое она направлена. Между тѣмъ въ вопросѣ о смыслѣ жизни этотъ вопросъ подымается самъ собой.

И вотъ тутъ Кантъ покидаетъ почву чистаго безусловнаго формализма и вводитъ новое понятіе, правда, неразрывно связанное съ нравственнымъ закономъ. Смыслъ жизни можетъ дать только то, что способно дать полное удовлетвореніе. Моральное удовлетвореніе, какъ оно ни мощно и ни цѣнно, не исчерпываетъ всего. Очевидно, учитывая человѣческое существо, Кантъ вмѣстѣ съ тѣмъ твердо помнитъ и о другой его сторонѣ, а именно ¹⁾ — «что желаніе быть счастливымъ есть необходимое требованіе каждаго разумнаго, но конечнаго существа и такимъ образомъ неизбѣжное основаніе, опредѣляющее его желанія». Кантъ, правда, отвергъ счастье, какъ цѣль жизни, но только для того, чтобы потомъ вернуть его въ облагороженной, нравственно оправданной формѣ, въ видѣ слѣдствія изъ исполненія долга, въ видѣ счастья на основѣ вѣрности нравственному закону.

Высшей цѣлью жизни, дающей смыслъ, является высшее благо. Въ концѣ *Kritik der praktischen Vernunft* ²⁾ Кантъ говоритъ о томъ, что «человѣческая природа предназначена стремиться къ высшему благу». Приобщиться къ этому высшему благу долженъ стремиться каждый человѣкъ, но онъ долженъ всегда помнить, что это приобщеніе соразмѣрно не его поступкамъ, какъ таковымъ, а «нравственной цѣнности его личности» ³⁾. Такимъ образомъ блаженство опредѣляется вѣрностью нравственному закону и должно разсматриваться только какъ его необходимое слѣдствіе. Таковъ смыслъ утвержденія Канта, что «осуществленіе высшаго блага въ мірѣ есть необходимый объектъ воли, опредѣляемой нравственнымъ закономъ» ⁴⁾. Въ этой высшей цѣли, такимъ образомъ, должны объединиться безусловное нравственное велѣніе и основное неизбѣжное естественное стремленіе открыть просторъ безконечному блаженству.

Конечно, нельзя забывать, что понятіе высшаго блага у Канта, какъ и многія другія мысли въ его философіи, возбудили цѣ-

¹⁾ *Kritik der praktischen Vernunft* (Philos. Bibl., 1906), стр. 31, р. 25.

²⁾ Р. 146 (стр. 186, Philos. Bibl., 1906).

³⁾ Тамъ же, р. 122.

⁴⁾ Тамъ же, р. 188.

лый рядъ разногласій и различныхъ истолкованій; но въ общемъ итогѣ намъ представляется указанная нами точка зрѣнія правильной ¹⁾. Самъ Кантъ ставитъ въ большой упрекъ древнимъ смѣшеніе добродѣтели и блаженства и требуетъ ихъ яснаго разграниченія, перваго—какъ основанія, опредѣляющаго волю, второго—какъ ея объекта ²⁾. Но это познавательное разграниченіе нисколько не противорѣчитъ идеѣ ихъ жизненнаго сочетанія. Что Кантъ видѣлъ смыслъ жизни въ моральномъ совершенствѣ, усложненномъ до полноты высшаго блага, это подтверждается всѣмъ характеромъ его разсужденій въ практической философіи. Объ этомъ ясно говоритъ и его философія религіи. Тамъ онъ ставитъ вопросъ ³⁾, какое состояніе лучше всего отвѣчаетъ добродѣтели, каковъ «темпераментъ добродѣтели», мужество, радостное настроеніе или боязнь, подавленность и угнетенное состояніе; отвѣтъ на этотъ вопросъ, по его мнѣнію, не можетъ внушать никакихъ сомнѣній, онъ можетъ быть только утвержденіемъ оптимистическаго характера, потому что подавленность будетъ заключать въ себѣ долю скрытой ненависти къ нравственному закону, т.-е. нравственность и подавленность будутъ исключать другъ друга; «радость же на душѣ» при слѣдованіи своему долгу служить яснымъ симптомомъ подлинности добродѣтельнаго духовнаго уклада личности. Та же мысль проводится у Канта въ еще болѣе опредѣленной формѣ въ критикѣ практическаго разума ⁴⁾ въ различеніи двухъ смысловъ въ понятіи высшаго блага: высшее какъ *supremum* и высшее какъ *consummatum*. И вотъ въ понятіи своего высшаго блага Кантъ объединяетъ обѣ эти стороны: поскольку основой его служить нравственность, добродѣтель, передъ нами высшее благо какъ *supremum*; чтобы оно стало не только высшимъ, но и полнымъ (*consummatum*), къ добродѣтели должно привступить блаженство (*Glückseligkeit*).

Этимъ самымъ, какъ мы это бѣгло отмѣтили уже раньше, опредѣляется и мѣсто человѣка, и его значеніе въ жизни міра

1) Ее проводитъ *R. Eucken* «*Lebensanschauungen der grossen Denker*».

2) *Kritik d. prak. Vern.*, p. 64 (стр. 84, *Phil. Bibl.*).

3) *Religion Innerhalb*, p. 11 (*Philos. Bibl.*, стр. 22). На блаженство какъ на непосредственное слѣдствіе изъ нравственнаго совершенства указываетъ также p. 73 (стр. 66).

4) P. 110 (стр. 142).

вообще, потому что смыслъ жизни міра рѣшается на той же колѣѣ черезъ личность.

Хотя фактически человѣкъ входитъ какъ одна изъ безчисленныхъ частицъ въ міровое цѣлое, но разумомъ своимъ и умопостигаемымъ характеромъ, своимъ отношеніемъ къ нормамъ и способностью отъ себя начинать новое и цѣнное онъ подымается надъ всѣмъ остальнымъ міромъ. «Каждая вещь въ природѣ, — говоритъ Кантъ ¹⁾, — дѣйствуетъ по законамъ; но только разумное существо обладаетъ способностью дѣйствовать по *представленію* законовъ, т.-е. по принципамъ или обладаетъ *волей*». Но именно въ силу этой двойственности человѣка Кантъ отводитъ ему мѣсто своего рода посредника между двумя мірами, чувственнымъ и умопостигаемымъ, свободой и необходимостью, между «небомъ и землей». Весь смыслъ практическаго ученія Канта вылился въ мысли, что единственнымъ источникомъ и носителемъ добра или даже самымъ добромъ является не что иное, какъ чистая воля. Въ «*Metaphysik der Sitten*» Кантъ начинаетъ главу «*Uebergang von der gemeinen sittlichen Vernunftkenntnis zur philosophischen*» словами: «Нигдѣ въ мірѣ, да и вообще внѣ него немислимо ничто, что можно было бы безъ ограниченія считать добромъ, кромѣ только *доброй воли*». Такимъ образомъ на человѣка возлагается у Канта колоссальная космическая отвѣтственность, потому что въ его волѣ должна достигаться вершина добра. Уже здѣсь слышится приближеніе той мысли, которую потомъ абсолютировалъ Фихте, именно, — что міръ это — матеріалъ для нравственной воли. У Канта человѣкъ какъ личность по своему нравственному назначенію пріобрѣтаетъ характеръ конечной цѣли творенія ²⁾. А это въ свою очередь ведетъ насъ на еще одинъ чрезвычайно важный шагъ впередъ; это заставляетъ насъ придти къ выводу, что у чувственнаго земного міра и жизни *нѣтъ иного смысла*, помимо того, какой дается жизнью человѣка — личности. Это положеніе подкрѣпляется еще мыслью, что добро

¹⁾ *Metaphysik der Sitten*, Philos. Bibl. (1897 г.). См. также его «*Anthropologie*», которая начинается словами: «Что человѣкъ въ своемъ представленіи обладаетъ «я», это подымаетъ его на безконечную высоту надъ всѣми другими существами, живущими на землѣ. Такимъ путемъ онъ становится личностью».

²⁾ Эту мысль подтверждаетъ проф. *Menzer* въ предисловіи къ «*Kants populäre Schriften*», изд. Kantgesellschaft, 1911.

и зло существуютъ только въ нашихъ *отъяніяхъ* ¹⁾; только человекъ—личность открываетъ этотъ цѣнный міръ и озаряетъ его лучистымъ свѣтомъ жизни или, наоборотъ, затемняетъ ее. И быть или не быть міру и жизни добромъ, это въ общемъ итогѣ должно рѣшиться тѣмъ, какое направленіе приметъ воля человека—личности, потому что помимо нея нѣтъ добра, а будетъ ли она доброй или злой, это рѣшаетъ сама личность. Что Кантъ видѣлъ смыслъ міра и жизни въ моральномъ совершенствѣ, это видно между прочимъ также изъ слѣдующихъ его словъ ²⁾: «То, что одно только можетъ сдѣлать міръ предметомъ Божественнаго опредѣленія (Rathschlusses) и цѣлью творенія, это *человѣчество* (разумная міровая сущность вообще—*das vernünftige Weltwesen überhaupt*) *во всемъ его моральномъ совершенствѣ*»...

Такимъ образомъ, если сопоставить пессимизмъ Канта во взглядѣ на силы человека и его задатки съ оптимизмомъ во взглядѣ на назначеніе человека и его роль въ мірѣ, получается какъ будто рѣзкое противорѣчіе вплоть до полной непримиримости. Но не слѣдуетъ забывать, что въ первомъ случаѣ Кантъ только констатировалъ положеніе, во второмъ же онъ говоритъ объ идеалѣ, о долженствованіи, и всѣ его неутѣшительныя соображенія о дѣйствительныхъ силахъ и могуществѣ человека—личности осуществить высшее благо остаются въ полной силѣ. Кантъ здѣсь находитъ выходъ изъ опасности или потонуть въ пессимизмѣ или абсолютировать человека въ томъ, что онъ признаетъ его силы недостаточными, и обращается къ Богу.

Для человека мыслимо только приближеніе къ высшей цѣли ³⁾. Достиженіе ея обусловливается полнымъ соответствіемъ всего образа мыслей и духовнаго уклона къ нравственному закону, полнымъ осуществленіемъ чистой автономной воли. Но это состояніе есть не что иное, какъ *святость*, т.-е. то совершенство, которое не дается «ни одному разумному существу этого чувственнаго міра ни въ одинъ моментъ его существованія въ немъ». Чтобы не впасть въ пессимизмъ, остается одно: обратиться къ помощи Бога, что Кантъ и дѣлаетъ. Чтобы смыслъ былъ, надо, чтобы высшая цѣль не только манила насъ, но чтобы она была

¹⁾ См. Religion innerhalb... Philos. Bibl., стр. 31 (р. 25) и стр. 47 (р. 48).

²⁾ Тамъ же, стр. 66 (р. 73).

³⁾ Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht, въ Kants populäre Schriften, изд. Kantgesellschaft, стр. 213.

такъ или иначе осуществима ¹⁾, иначе именно она и станетъ силой, сокрушающей жизнь и повергающей насъ въ безысходное отчаяніе, вѣчно привлекая къ себѣ и вѣчно заставляя сознавать всю тщету нашихъ усилій. Между тѣмъ человѣкъ оказывается существомъ, нуждающимся въ господинѣ ²⁾. Поэтому оптимистическую сторону своего ученія Кантъ обосновываетъ постулированнымъ понятіемъ Бога, завершающимъ безсмертіе и свободу и являющимся гарантіей всего лучшаго. Такое обращеніе съ его точки зрѣнія тѣмъ болѣе является понятнымъ, что центръ тяжести религіи лежитъ, какъ онъ говоритъ въ письмѣ къ Лафатеру 28 апр. 1775 г., въ безусловной вѣрѣ въ то, что Богъ все доброе, что находится не въ нашей власти, дополнитъ самъ. И всѣ произведенія Канта полны такими ссылками на Бога. Кантъ пессимистиченъ во взглядѣ на человѣка, но онъ полонъ глубокаго религіознаго оптимизма, поскольку рѣчь идетъ объ объективномъ развитіи и объективныхъ (не индивидуально-человѣческихъ) силахъ. Эта черта бросается въ глаза у Канта во всѣ періоды его философскаго творчества. Уже въ «Allgemeinen Naturgeschichte und Theorie des Himmels» (1755 г.) Кантъ рисуетъ ³⁾ перспективу, что всѣ планеты обрушатся въ свой центръ, въ солнце, усилятъ его огонь своимъ матеріаломъ, сгорятъ въ его пламени, разложатся на элементы и эти элементы унесутся въ міровое пространство, чтобы затѣмъ образовать новые міры. Міръ, такимъ образомъ, возродится какъ фениксъ изъ своего пепла новый, освѣженный. Кантъ цитируетъ при этомъ стихи ф.-Галлера: когда міръ сгоритъ и возродится,

Wirst du so jung als jetzt, von deinem Tod gleich weit,
Gleich ewig künftig sein, wie heut».

Въ небольшой работѣ, написанной въ защиту оптимизма подъ заглавіемъ «Ueber den Optimismus» (1759 г.), онъ горячо защищаетъ его, исходя изъ мысли, что Всевышній всегда выбираетъ

1) Таково мнѣніе и самого Канта. Указывая въ «Kritik der praktischen Vernunft», р. 143 (стр. 182), что высшее благо должно хотя бы въ принципѣ считаться *возможнымъ*, онъ добавляетъ: «въ противномъ случаѣ практически было бы невозможно стремиться къ объекту понятія, которое въ сущности было бы пусто и безъ объекта».

2) Тамъ же, стр. 213.

3) Гл. Von der Schöpfung im ganzen Umfange ihrer Unendlichkeit, изд. Kantgesellschaft.

самое лучшее. Тамъ онъ произноситъ знаменательную фразу: «Heil uns, wir sind! Und der Schöpfer hat an uns Wohlgefallen». Позже этотъ оптимизмъ значительно умѣрился; Кантъ заявилъ, что онъ не хотѣлъ бы прожить свою жизнь еще разъ, но это не устраняетъ его оптимистической вѣры въ сверхличныя факторы. Какъ онъ считаетъ и дальше, истинный мудрецъ не станетъ сомнѣваться, что все устроено къ лучшему, даже если многое совершается вопреки желаніемъ человѣка и его угнетаютъ противорѣчія. «Человѣкъ»,—говоритъ онъ ¹⁾,—«хочетъ согласія, но природа знаетъ лучше, что для его рода хорошо: она хочетъ раздора». Создавая противорѣчивыя положенія и идя какъ бы въ разрѣзъ съ желаніями человѣка, природа такимъ путемъ побуждаетъ его напрягать свои силы и создаетъ условія прогресса; она по мнѣнію Канта заставляетъ человѣка развить свои «природныя задатки». И Кантъ видитъ въ этомъ «предначертаніе мудраго Творца». Кантъ заканчиваетъ основную часть «Критики практическаго разума» характерными въ этомъ отношеніи словами: «Поэтому и здѣсь также будетъ умѣстнымъ указать на правильность того, чему насъ достаточно вообще поучаетъ изученіе природы и человѣка: неисповѣдимая мудрость, дающая намъ существованіе, одинаково заслуживаетъ почитанія какъ въ томъ, въ чемъ она намъ отказала, такъ и въ томъ, что она намъ удѣлила». Нѣтъ вѣры въ Бога, нѣтъ и вѣры въ смыслъ жизни,—такова завершающая мысль и конечный выводъ изъ всѣхъ этихъ разсужденій. Какъ ни велико по значенію положеніе личности у Канта, но только при послѣднемъ условіи она находитъ оправданіе своей жизни и ея смыслъ. Отнимите эту гарантію, и личность, а съ нею и смыслъ жизни теряютъ свою главную опору и рушатся. Въ чистой автономной волѣ дано только право вѣрить во всемогущую помощь Бога.

Таковъ отвѣтъ Канта. Можно ли смотрѣть на него, какъ на удовлетворительное рѣшеніе вопроса? Намъ представляется, что отвѣтъ этотъ никогда не сможетъ полностью удовлетворить живую человѣческую личность.

Въ самомъ дѣлѣ. Вначалѣ Кантъ пошелъ тѣмъ путемъ, на которомъ только и можно искать смысла жизни: это — понятіе

¹⁾ Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht, (1784 г.), Kants populäre Schriften, изд. Kantgesellschaft, стр. 211.

личности, ея дѣятельность, но въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ мыслей онъ завершилъ все понятіемъ Бога въ такой формѣ, что положеніе личности становится въ крайней степени подорваннымъ вплоть до уничтоженія всякаго смысла въ жизни и дѣятельности человѣка. Эти грозные признаки недовѣрія къ человѣку и слишкомъ большого довѣрія къ объективному ходу вещей, на которые мы уже указали, попадаютъ на всемъ протяженіи ученія Канта, но съ завершеніемъ рѣшенія вопроса о смыслѣ жизни въ понятіи Бога положеніе обострилось еще больше. Радикальное противорѣчіе между космическимъ назначеніемъ человѣка-личности и его фактическимъ безсиліемъ остается у Канта по существу совершенно неустраненнымъ. Но, кромѣ того, оно и жизненно оказывается для личности губительнымъ. Ставя великую недостижимую цѣль, Кантъ этимъ самымъ совершенно обезцѣнилъ человѣческія стремленія, такъ какъ всѣ эти усилія, какъ бы они велики ни были, все равно останутся безцѣльными, и прямымъ результатомъ такого перенапряженія трудности мотивации воли должна явиться полная атрофія воли, безцѣльность ея напряженія. До тѣхъ поръ пока рѣчь шла о долгѣ, о нравственномъ законѣ только, тамъ Кантъ могъ съ своей точки зрѣнія просто ставить категорическій императивъ и требовать, чтобы личность слѣдовала ему. Тамъ нѣтъ нужды ни въ доказательствахъ, ни въ постороннихъ доводахъ; главное, тамъ недопустимъ вопросъ: къ чему?—тотъ самый вопросъ, который властно звучитъ въ вопросѣ о смыслѣ жизни и котораго въ немъ обойти уже нельзя. И вотъ тутъ-то и обнаруживается, что безконечно высокій идеаль высшаго блага въ той формѣ, какъ его ставить Кантъ, не по плечу смертному; этотъ идеаль для *святой* воли, какъ заявилъ самъ Кантъ; кромѣ того, онъ самъ считалъ необходимымъ ставить такую цѣль, которая была бы достижима, а иначе направить на нее волю невозможно ¹⁾. И тѣмъ не менѣе самъ Кантъ сдѣлалъ именно такой шагъ.

Введеніе понятія Бога въ сущности не спасаетъ положенія, а наоборотъ, ухудшаетъ его. Хотя Богъ Канта постулированъ на основѣ этическихъ мотивовъ и у него этика обосновываетъ религію, а не наоборотъ, тѣмъ не менѣе къ этому понятію примѣнимо обычное простое возраженіе, что всѣ усилія людей

¹⁾ Kritik der praktischen Vernunft, p. 143 (стр. 182, Philos Eibl).

являются или тщетными, если они идутъ въ разрѣзъ съ волей Божіей, или же излишними, ненужными, если они стремятся къ тому же. Кантъ самъ говоритъ, что если Богъ является факторомъ, опредѣляющимъ все, то тогда «человѣкъ—маріонетка или вокасоновскій аппаратъ, сдѣланный и заведенный высшимъ мастеромъ всѣхъ искусныхъ произведеній» ¹⁾. Кантовскій Богъ, правда, не исключаетъ свободы человѣка, но онъ также не устраняетъ глубоко смущающаго сомнѣнія, къ чему усилія человѣка, нуждающіяся все равно въ пополненіи Божествомъ, когда Богъ съ его всемогуществомъ все осуществитъ безупречно и твердо. И у Канта вездѣ замѣтны колебанія между двумя полюсами—вѣры въ человѣка и недовѣрія къ нему. У Канта попадаются притомъ даже указанія на предопредѣленіе.

У Канта, такимъ образомъ, даны двѣ тенденціи установить смыслъ: субъективнымъ путемъ, личностью самою, и объективнымъ путемъ при помощи Бога и хода вещей; въ конечномъ счетѣ послѣдняя тенденція беретъ верхъ и является завершающей, но тогда жизнь и *сознательныя* усилія человѣка лишены всякаго смысла. Чтобы открыть возможность утвердить этотъ смыслъ, надо прежде всего неизбежно утвердить самую личность человѣка, что Кантъ и сдѣлалъ, поднявъ при этомъ личность на недостижимую высоту, и признать за ней реальную возможность самоопредѣляться, чего у него въ сущности нѣтъ. Гдѣ личность становится ничѣмъ, гдѣ объективный ходъ вещей или божественная власть рѣшаютъ все независимо отъ личности, тамъ жизнь личности, какъ таковой, утрачиваетъ всякій смыслъ. Пусть даже у міра и внѣ личной объективной жизни вмѣстѣ съ тѣмъ утверждается богатѣйшій смыслъ, жизнь личности, какъ таковой, утрачиваетъ всякій смыслъ, потому что утрачиваютъ смыслъ ея сознательныя усилія и она становится только средствомъ или матеріаломъ.

И у Канта, какъ это ни странно, невольно получается такое положеніе. Хотя онъ все перенесъ въ субъекта, разумокъ сдѣланъ законодателемъ природы, личность стала единственнымъ носителемъ добра въ этомъ мірѣ, все это очень цѣнные элементы, и тѣмъ не менѣе въ окончательномъ итогѣ верхъ взялъ взглядъ, уничтожившій все сдѣланное. Это тѣмъ болѣе, что нравственный законъ самъ по себѣ не можетъ обосновать смыслъ

¹⁾ Kritik der praktischen Vernunft, p. 101.

жизни, такъ какъ онъ опредѣляетъ характеръ воли, но оставляетъ открытымъ вопросъ о предметѣ ея. Только расширившись до полноты высшаго блага, онъ способенъ претендовать на роль ключа къ жизни. Но въ кантовскомъ понятіи высшаго блага блаженство есть только необходимое слѣдствіе, а основой остается добродѣтель и нравственный законъ.

И вотъ тутъ обнаруживается другой крупный недостатокъ попытки рѣшить вопросъ о смыслѣ жизни на одной этической основѣ, хотя, конечно, понятіе добра, а съ нимъ и понятіе нравственного закона должны входить въ число *основныхъ* факторовъ, обосновывающихъ этотъ смыслъ. Кантъ различаетъ въ понятіи высшаго блага два смысла: высшее благо, какъ занимающее послѣднюю ступень поднимающейся лѣстницы, и высшее благо въ смыслѣ всеохватывающей полноты. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ изъ ученія Канта вытекаютъ для жизни личности роковыя слѣдствія: въ первомъ случаѣ утрачиваютъ самостоятельную цѣнность всѣ ступени, кромѣ послѣдней, за ними сохраняется самое большее служебное значеніе, т.-е. чрезмѣрная категоричность уничтожила полноту въ данной этической области; во второмъ случаѣ полнота кантовскаго высшаго блага, объединяющаго добродѣтель и блаженство, не только исключаетъ степени нравственности, утверждая, что онѣ или есть въ полномъ категоричномъ видѣ или ихъ вовсе нѣтъ, но оно въ ужасающей степени обѣдняетъ и суживаетъ цѣнный міръ и жизнь личности: высшее благо охватываетъ область этики и только какъ слѣдствіе нравственности, даритъ бѣднѣйшему и оскопленному духу человѣка сумрачное блаженство, здоровое въ корнѣ, потому что оно нравственно оправдано, но лишенное аромата и красочности дѣйствительной жизни. Кантъ по существу могъ сохранить значительно болѣе широкую позицію, потому что онъ много тонкаго вниманія удѣлил эстетической жизни, но эти вѣчныя цѣнности не находятъ себѣ мѣста въ его ученіи о высшемъ благѣ, принявшемъ слишкомъ узкій категоричный характеръ.

Но и въ области этической Кантъ вступилъ на путь нежизненной узости. Какъ справедливо отмѣтилъ Зиммель въ своей работѣ о Кантѣ, между ступенью стремленія къ чувственному удовлетворенію и идеальнымъ соблюденіемъ нравственного закона лежитъ масса всякихъ благъ, которыя и съ нравственной точки зрѣнія должны найти неодинаковую оцѣнку. Стремленіе

къ счастью можетъ быть очень различнымъ: одинъ находитъ его въ объятіяхъ проститутки, другой—въ духовныхъ благахъ, въ сонатахъ Бетховена, одинъ—въ «Бренномъ металлѣ», другой—въ служеніи ближнимъ. Такимъ образомъ, открывается широкій міръ благъ, далеко не безразличный для выясненія вопроса о смыслѣ и цѣнности жизни. Одинъ нравственный принципъ и чистая воля, какъ путь, не въ силахъ дать все: идея смысла должна оживлять, вдохновлять, а для этого она сама должна дышать не мертвой формулой, а плотью и кровью.

Въ этомъ и слѣдуетъ видѣть истинный ригоризмъ Канта,— въ томъ, что онъ, тонкій теоретикъ эстетики и человѣкъ, тонко цѣнившій познавательныя стремленія и знаніе, страннымъ образомъ отвергъ ихъ въ своемъ понятіи высшаго блага; онъ не далъ той богатой полноты, какую мы встрѣчаемъ, хотя и въ наивномъ единствѣ, у античнаго мыслителя Платона: соединеніе истины, добра, красоты и святости. Для ригоризма Канта характерно, что онъ и для сохраненія жизни приводитъ только одно оправданіе—повиновеніе долгу¹⁾, т.-е., помимо нравственности, не видитъ основаній признавать за ней какую-либо цѣнность, хотя самъ онъ и въ этикѣ, и въ своей эстетикѣ развернулъ для этого необычайно широкія и вполне оправданныя возможности. При исключеніи иныхъ цѣнностей и благъ въ сущности получается глубокой трагизмъ именно тогда, когда Кантъ сулитъ вершину блаженства: при недостижимости высшаго блага утрачиваетъ смыслъ стремленіе къ нему, а если оно достижимо, то надъ личностью нависаетъ не менѣе грозная туча: съ достиженіемъ высшаго блага откроется безцѣльность и пустота: дальше пустыня, нечего желать, не къ чему стремиться, все становится абсолютно безразличнымъ. Въ интересахъ обоснованія смысла необходимо сохранить для личности возможность вѣчнаго достиженія и вѣчныхъ дальнѣйшихъ цѣнныхъ перспективъ дѣятельности. Этого Кантъ не даетъ. Объясненіе этого, на нашъ взглядъ, кроется въ томъ узкомъ пониманіи личности, съ которымъ мы встрѣчаемся у Канта. Какъ мы это отмѣтили раньше, онъ сущность ея перенесъ всецѣло на этическую почву и этимъ закрылъ тѣ широкія возможности, которыя онъ самъ же от-

1) *Metaphysik der Sitten*, гл. «Uebergang von der gemeinen sittlichen Vernunft zur philosophischen». См. также въ «*Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*» (2 изд., Dürr), стр. 45, разсужденіе объ отклоненіи мысли о самоубійствѣ.

крыль; что онъ свободу оцѣнилъ и опредѣлилъ только какъ нравственную свободу, какъ автономію воли.

Наконецъ, на почвѣ этого суженія у Канта получается еще одно недоразумѣніе, объяснимое только желаніемъ все рѣшить на почвѣ нравственного закона. Если мы припомнимъ, что блаженство только слѣдствіе изъ соблюденія нравственного закона, что иныхъ цѣнностей нѣтъ, тогда у Канта получается заколдованный кругъ. Въ самомъ дѣлѣ: высшая цѣль это—осуществленіе высшаго блага, но имъ въ концѣ-концовъ оказывается нравственный законъ и чистая воля; но нравственный законъ это—формальное условіе для употребленія свободы. Тогда на вопросъ, для чего же служить эта свобода, получается отвѣтъ: для исполненія нравственного закона.—А исполненіе нравственного закона? Отвѣтъ: для употребленія свободы, потому что онъ условіе употребленія свободы ¹⁾.

Этимъ указаніемъ на недочеты рѣшенія вопроса о смыслѣ жизни мы не хотимъ исчерпать всего. Въ положеніи личности у Канта, въ утвержденіи свободы, въ пониманіи добра, красоты, истины, какъ истинно человѣческой сферы, въ знаменитомъ «субъективизмѣ» Канта кроются богатые положительные возможности, но самъ онъ на нашъ взглядъ ихъ оставилъ въ данномъ случаѣ неиспользованными. Выясненіе пути развитія этихъ положительныхъ идей есть уже дѣло систематическаго труда. Для характеристики этихъ возможностей отмѣтимъ только одну изъ нихъ: Кантъ пришелъ къ выводу, что эстетика это есть единственная и прямая почва для примиренія чувственности и разсудка; но тогда прямымъ выводомъ отсюда должно было бы быть утвержденіе, что эстетическое, красота,—это величайшее благо, «величайшій даръ боговъ»,—возможны только у личности и черезъ личность у существа, причастнаго къ двумъ мірамъ, чувственному и сверхчувственному. Ни въ мірѣ чувственномъ отдѣльно, ни въ мірѣ сверхчувственномъ самомъ по себѣ ихъ быть не можетъ; они мыслимы только въ мірѣ человѣческомъ. Въ этомъ направленіи открывается также богатая возможность рѣшенія вопроса о смыслѣ жизни.

М. М. Рубинштейнъ.

¹⁾ Толкованіе нравственного закона какъ формальнаго условія употребленія свободы подтверждаетъ и «Religion innerhalb...» (Philos. Bibl., 1903, стр. 3).

Новая исторія европейской философіи.

I

Разразившаяся европейская катастрофа мобилизовала въ Германіи не только однихъ воиновъ, но и писателей. Эти послѣдніе представляютъ собою идейно нѣмецкое войско, не менѣе компактное и упругое, чѣмъ дѣйствующая германская армія. Нѣтъ недостатка въ нынѣшнемъ интеллектуальномъ войскѣ Германіи и въ философахъ. Большинство изъ современныхъ германскихъ представителей философіи поспѣшило сказать свое слово о войнѣ. И, разумѣется, это все слова на одну и ту же мельницу: въ оправданіе народа нѣмецкаго и въ осужденіе ихъ противниковъ. Вундтъ, Ойкенъ, Лассонъ, Когенъ, Риль, Наторпъ, Мюнстербергъ, Кюльпе, Трѳльчъ и др. изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы только въ многочисленныхъ, но почти что совершенно толословныхъ своихъ статьяхъ и брошюрахъ такъ или иначе обълить, восхвалить и превознести нѣмецкую націю и очернить, втоптать въ грязь, заклеить другіе выступающіе противъ Германіи народы. Среди нихъ особенно плодovitъ и въ иныхъ отношеніяхъ поразительно плодovitый Вундтъ. Онъ успѣлъ уже написать двѣ статьи, посвященныя раскрытію смысла современной войны, разъясненію участія въ ней нѣмецкаго народа и установленію сущности истинной войны, а кромѣ того, объемистую брошюру на тему: «Націи и ихъ философія»¹⁾, долженствующую представлять собою, по замыслу автора, краткую исторію европейской философіи со стороны ея общаго идейнаго содержанія, начиная съ эпохи Ренессанса, когда впервые выступили на арену націи, еще и до настоящаго времени опредѣляющія ходъ культуры²⁾.

¹⁾ *Wilhelm Wundt, Die Nationen und ihre Philosophie. Ein Kapitel zum Weltkrieg (1915).*

²⁾ *ibid. S. V.*

Объ этомъ послѣднемъ произведеніи Вундта, какъ представляющемъ общепhilософскій интересъ, и будетъ сейчасъ рѣчь

Цѣлью этого сочиненія,—такъ заявляетъ Вундтъ въ предисловіи,—является оказать содѣйствіе разрѣшенію много обсуждаемыхъ нынѣ вопросовъ о происхожденіи, отдаленныхъ условіяхъ и вѣроятныхъ послѣдствіяхъ нынѣшней войны. Руководящія имъ идеи пришли автору на мысль еще задолго до нынѣшняго конфликта народовъ, но при свѣтѣ этого конфликта онѣ значительно уяснились у него и приняли болѣе законченную форму. Различія въ характерѣ народовъ выступаютъ, вѣдь, гораздо рельефнѣе въ моменты потрясенія и борьбы, чѣмъ въ мирное время; тѣмъ рельефнѣе они выступили сейчасъ въ моментъ небывалой еще міровой войны. При этомъ, хотя и всѣ области духовной жизни даютъ матеріаль для того, чтобы судить объ этихъ различіяхъ, но наиболѣе цѣнныя и важныя свидѣтельства доставляются поэтическимъ творчествомъ и философіей. Стремясь дать вмѣстѣ съ установленіемъ міросозерцанія, соответствующаго научному сознанію даннаго времени, также и выраженіе нравственнымъ стремленіямъ его, комбинируя такое научное міросозерцаніе съ этими стремленіями и объединяя ихъ, философія тѣмъ самымъ начертываетъ общую картину духовныхъ цѣнностей національной культуры. Разумѣется, не всякая философія можетъ претендовать на то, чтобы быть выраженіемъ какой-либо эпохи и какаго-либо народа. Для этого она должна обладать двумя свойствами: она должна быть распространена и популярна на опредѣленную эпоху и она должна оказать вліяніе на дальнѣйшее развитіе философскаго мышленія даннаго народа.

Исходя изъ такихъ общихъ идей, Вундтъ приступаетъ къ характеристикѣ европейской философій отъ эпохи Ренессанса. При этомъ, онъ открыто заявляетъ, что пишетъ эту свою работу, какъ нѣмецъ, опѣнивая философскія дѣянія другихъ націй съ точки зрѣнія нѣмецкой науки и считая неподдающимся ни времени, ни ударамъ судьбы лишь міропониманіе нѣмецкаго идеализма. «Тѣмъ не менѣе, заканчиваетъ авторъ свое предисловіе, онъ долженъ завѣрить, что это сочиненіе написано *sine via et studio*, и что онъ честно постарался не только показать слабыя стороны философскихъ дѣяній другихъ націй, но и быть справедливымъ въ признаніи ихъ преимуществъ»¹⁾.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи и критическихъ замѣчаніяхъ въ концѣ мы увидимъ, насколько это завѣреніе автора соотвѣтствуетъ истинѣ.

II.

Возрожденіе философской мысли къ новой жизни, сопряженное съ переходомъ изъ Среднихъ Вѣковъ въ эпоху Ренессанса, освящается, по мнѣнію Вундта, тремя нѣмецкими именами, носителямъ которыхъ принадлежитъ честь перваго яснаго осознанія трехъ основныхъ идей, руководящихъ впредь новымъ философскимъ мышленіемъ. Это—Николай Кузанскій, Николай Коперникъ и Теофрастъ Парацельсъ; а идеи, ими впервые явленные свѣту, суть: идея безконечности въ ея абсолютной величинѣ, идея относительности явленій въ ея двойномъ значеніи: какъ относительности движеній въ отношеніи другъ къ другу и какъ относительности явленій въ отношеніи къ субъекту, ихъ воспринимающему, и идея монады и духовной сущности вещей. Однако, хотя и давши новому міру трехъ замѣчательныхъ мыслителей и сыгравъ роль духовно-идейнаго инициатора, Германія тѣмъ не менѣе, согласно Вундту, не смогла въ эту эпоху подняться до установленія объединенной и систематизированной философіи. Прежде нея на культурномъ поприщѣ должны были выступить другія націи, болѣе сложившіяся, болѣе разившіяся, болѣе созрѣвшія, выработавшія и заставившія слушать Европу свой собственный языкъ, тогда какъ Германія въ это время и творила и говорила на чужихъ ей языкахъ.

Но, вѣдь, въ такомъ случаѣ теряетъ подъ собою всякую почву и первое утвержденіе Вундта: какъ могутъ освѣщать нѣмецкіе мыслители своими именами начало Ренессанса, если, съ одной стороны, выраженные ими идеи суть «разрозненные идеи»²⁾ и съ другой стороны, другіе мыслители той же эпохи, но иной націи дали не разрозненные мысли, а болѣе или менѣе законченныя системы, чрезвычайно характерныя для этого періода? Не Кузанскій, а Бруно является подлиннымъ носителемъ идеи безконечности въ новой философіи; не Парацельсъ, а Бруно ввелъ въ кругъ философіи новаго времени идеи монады и ду-

1) *ibid.* S. VI.

2) *ibid.* S. 3.

ховнаго существа вселенной; не Коперникъ, а Галилей является подлиннымъ отцомъ и утвердителемъ идеи относительности движеній; не Копернику, а Декарту принадлежитъ философское ученіе объ относительности явленій въ отношеніи къ субъекту. Разумѣется, мы не хотимъ этимъ сказать, что Бруно, Галилей и Декартъ были первыми, заговорившими о соответствующихъ идеяхъ. Несомнѣнно, раньше ихъ заговорили о нихъ указываемые Вундтомъ мыслители. Но столь же несомнѣнно, во первыхъ, что это «раньше» настолько мало, что равняется «одновременно», особенно если принять во вниманіе тогдашнюю разобщенность народовъ и людей, благодаря отсутствію средствъ и путей быстро сообщенія. И столь же несомнѣнно, во вторыхъ, что раньше Кузанскаго, Коперника и Парацельса, приписываемыя имъ Вундтомъ идеи высказывались другими мыслителями: идею безконечности мы встрѣчаемъ еще у Анаксимандра, а въ болѣе развитой критически—спиритуалистической формѣ, напр., у Плотина и въ патристикѣ; объ относительности движеній и явленій вообще учили еще греческіе софисты, а затѣмъ идея эта проходитъ чуть ли не черезъ всѣ системы; идея монады явно имѣется у Демокрита равно у Плотина; у этого же послѣдняго, какъ равно и у Отцовъ Церкви, находятъ себѣ широкое примѣненіе идея о духовной сущности міра и вещей.

Тѣмъ не менѣе, никто изъ этихъ греческихъ и патристическихъ мыслителей не считался родоначальникомъ философіи Возрожденія. Вообще, нельзя не признать того факта, что во всей исторіи философской мысли не встрѣчается такого мыслителя, у котораго нельзя бы было найти преемниковъ. И родоначальникомъ какой-либо данной мысли приходится считать какого-нибудь опредѣленнаго мыслителя не потому, что онъ первый что-нибудь и какъ-нибудь сказалъ о ней, а потому, что онъ высказалъ ее ясно, рельефно, систематично и законченно, давъ цѣлую концепцію, раскрывающую и исчерпывающую эту мысль Ни Кузанскій, ни Коперникъ, ни Парацельсъ не суть классики философіи, и не освѣщаютъ потому своими именами возрожденіе философской мысли въ эпоху Ренессанса. Каждый изъ нихъ, безусловно, между прочимъ, былъ причастенъ и этимъ новымъ идеямъ; но эти послѣднія были высказаны ими достаточно смутно, отрывочно и въ тѣсной связи съ идеями, принадлежащими другой эпохѣ, т. е. недостаточно сознательно, принципиально и

логично. И если Вундтъ, тѣмъ не менѣе, приписалъ имъ столь отвѣтственную роль, то только потому, что ему непремѣнно хочется во главѣ философіи новаго времени поставить мыслителей нѣмецкаго происхожденія.

III.

Первымъ изъ народовъ на поприщѣ систематическаго созиданія культуры новаго времени, въ томъ числѣ и философской, выдвинулся народъ итальянскій. Вундтъ характеризуетъ это философское движеніе итальянскаго Ренессанса именами Бруно, Телезіо, Галилея. Ихъ дѣло состояло въ томъ, чтобы уплотнить, систематизировать, развить и объединить въ нѣчто цѣлое идеи, высказанныя вышеупомянутыми тремя нѣмецкими мыслителями. Въ результатѣ этого движенія намѣтились ясно два характерныхъ философскихъ устремленія: къ универсализму и къ индивидуализму, изъ которыхъ впоследствии суждено было выйти пантеизму и теизму ¹⁾. Равнымъ образомъ, въ этомъ движеніи явственно обнаружилось недовольство крайнимъ интеллектуализмомъ схоластики, склонность признать права аффекта и, стало быть, уклонъ къ волюнтаризму ²⁾. Наконецъ, оно ясно демонстрировало на примѣрѣ Бруно и Галилея коренную духовную двойственность психологіи итальянскаго народа: склонность южнаго итальянца къ фантазіи и аффекту, а сѣвернаго итальянца — къ точному и ясному научному мышленію. Эта двойственность сказывается также и впоследствии въ итальянской философіи, и тоже не безъ вліянія со стороны другихъ народовъ. Такъ нынѣ на сѣверѣ Италіи царитъ позитивизмъ, а на югѣ частичное господство приобрѣла нѣмецкая философія ³⁾.

То, что дѣло Бруно, Телезіо и Галилея свелось лишь къ систематизации и раскрытію идей, высказанныхъ уже ранѣе нѣмцами, Вундтъ подтверждаетъ весьма простымъ способомъ. Онъ ссылается на слова Бруно, восхваляющаго Кузанскаго, Коперника и Парацельса, какъ трехъ великихъ философскихъ новаторовъ ⁴⁾. Но, къ несчастію, этимъ мало что доказывается: бли-

¹⁾ *ibid.* S. 8.

²⁾ *ibid.* S. 9.

³⁾ *ibid.* S. 10.

⁴⁾ *ibid.* S. 6.

жайшіе предшественники и современники очень часто кажутся гораздо значительнѣе и важнѣе, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, а время потомъ постепенно исправляетъ историческую перспективу, какъ то и случилось на самомъ дѣлѣ въ данномъ случаѣ. Кромѣ того, прибѣгая къ подобной же аргументаціи, можно было бы легко показать, что и великіе нѣмецкіе идеалисты, Кантъ, Фихте и Гегель, суть не болѣе и не менѣе, какъ простые систематизаторы и объединители высказанныхъ ранѣе идей; ибо Кантъ прямо и опредѣленно говоритъ о Платонѣ, Декартѣ, Ньютонѣ, Юмѣ и Лейбницѣ, какъ о своихъ учителяхъ. Такой выводъ, конечно, мало бы понравился Вундту, хотя онъ ничѣмъ не хуже его разсужденія о классическихъ представителяхъ философіи Ренессанса.

Не менѣе удивительна и несостоятельна, чѣмъ такой способъ аргументаціи, и краткая характеристика, даваемая Вундтомъ итальянской философіи послѣ Ренессанса. Ни единого слова о Вико, являющемся безспорнымъ родоначальникомъ новѣйшей философіи исторіи и предупреждающемъ въ этой сферѣ нѣмецкихъ мыслителей второй половины XVIII-го и всего XIX-го столѣтія, и вмѣстѣ съ тѣмъ авторитетное, совершенно голословное утвержденіе, что развитіе философски-историческихъ воззрѣній въ Италіи XIX-го столѣтія произошло подъ вліяніемъ нѣмецкаго идеализма ¹⁾. Ни единого слова о такихъ философскихъ гигантахъ, какъ Росмини и Джіоберти, достойныхъ стоять въ одномъ ряду съ великими классиками нѣмецкаго идеализма, и каждый по своему (въ особенности Росмини) представляющихъ мощный потокъ идеалистическаго движенія въ первой половинѣ XIX-го вѣка ²⁾. И наконецъ, совершенно схематическая характеристика итальянскаго мышленія распредѣленіемъ его между позитивизмомъ и идеализмомъ, внушаемымъ будто бы итальянскому народу духовной дѣятельностью другихъ націй, между тѣмъ какъ итальянская философская мысль совершенно самостоятельно характеризуется склонностью къ своего

¹⁾ см. о Вико. напр., у *В. Croce*, *La filosofia di Giambattista Vico* (1911).

²⁾ см. *Б. Яковенко*. Итальянская философія *Послѣдняго* времени (въ *Логосъ* за 1911 годъ кн. 2-ая). *В. Эрнъ*, Итальянская философія (въ новомъ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона), сравн. также *Palotier Rosmini* (1909) и *В. Эрнъ*, *Розмини и его теорія познанія* (1914)

рода конкретно идеалистическому онтологизму ¹⁾. Не ясно ли, что такое неоднократное и голословное представление объ итальянской философіи возникло у Вундта, если не *sine ira*, то ужъ во всякомъ случаѣ *sine studio*?

IV.

Итальянской философіи отведено у Вундта всего только шесть страницъ, хотя она дала въ XIX-омъ вѣкѣ самыя замѣчательныя, послѣ нѣмецкихъ, построения. Французской и англійской философіи повезло больше, ибо первой посвящено имъ 18 страницъ, а второй цѣлыхъ 32. Почему это такъ, мы увидимъ ниже.

Послѣ Италіи руководящую роль въ философіи приняла на себя въ новое время Франція. Передъ философской мыслию тогда стояла задача объединенія всѣхъ отдѣльныхъ добытыхъ науками результатовъ въ единое міропониманіе и выпуклой формулировки обнаружившихся различій и противорѣчій въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ имѣющіяся данныя не позволяли еще состоятельнаго синтеза. Такая задача была какъ нельзя болѣе по темпераменту и умственному складу французскаго народа, который надѣленъ не столько новаторскими способностями и творческой фантазіей, сколько свѣтлымъ разсудкомъ, даромъ блестящей риторики и способностью къ ясному изложенію. Эту задачу и выполнилъ какъ нельзя лучше, типичнѣйшій французскій философъ, Декартъ. Послѣ полной приключеній юности онъ предался уединенію, руководимый честолюбивымъ желаніемъ ученой славы, результатомъ чего была философская попытка утвердить дуализмъ, примирить новое механистическое міропониманіе съ требованіями религіи,—«любопытная смѣсь смѣлыхъ, духомъ новаго естествознанія преисполненныхъ гипотезъ съ позаимствованіями изъ старой церковной философіи» ²⁾; такъ что для настоящаго философа это ученіе «остається безъ движенія стоять какъ разъ у того самаго пункта, у котораго начинается проблема»; и если за Декартомъ есть вообще какая-нибудь классическая заслуга, то это—блестящее умѣніе ставить философскія проблемы ³⁾. Чувствуя всю несостоятельность Декарто-

¹⁾ см. Б. Яковенко, *op. cit.* стр. 261 сл. 282—285.

²⁾ W. Wundt *op. cit.* s. 12.

³⁾ *ibid.* S. 13.

⁴⁾ *ibid.* S. 14.

ва дуализма слѣдующее столѣтіе приняло лишь одинъ изъ элементовъ смѣси: механистическое міропониманіе и такимъ образомъ возникъ французскій матеріализмъ XVIII-го вѣка, получившій у себя на родинѣ громадное вліяніе. Жанъ Жакъ Руссо, несмотря на всю свою значительность, не смогъ успѣшно бороться съ этимъ теченіемъ, и его произведенія оказали гораздо больше вліянія въ Германіи, чѣмъ во Франціи. Изъ Декартова же ученія вышелъ и французскій колеблющійся скептицизмъ, обильно представленный въ сочиненіяхъ Байля, Вольтера, Дидро и постоянно и легко впадающій въ обратную крайность, въ догматизмъ. Декартъ былъ и остается самымъ значительнымъ изъ французскихъ философскихъ мыслителей: «Франція и послѣ него дала немало ученыхъ изслѣдователей міра..., большаго философа она не породила послѣ Декарта 1)». И Огюсть Контъ значительно уступаетъ Декарту въ этомъ отношеніи, ибо его Энциклопедія наукъ хоть и является, «для своего времени созданиемъ, достойнымъ удивленія, но самостоятельно философскаго творенія она, все же, собою не представляетъ 2)». Равнымъ образомъ, Бергсонъ даетъ въ концѣ-концовъ лишь своеобразную перестройку картезіанскаго дуализма въ своей двойственной концепціи памяти и припоминанія, уснащенную позаимствованіями изъ нѣмецкой философіи. Что касается до практической философіи, то французская мысль обнаруживала къ ней вообще мало склонности, интересуясь болѣе общими вопросами метафизическаго міропониманія; въ тѣхъ случаяхъ, когда она принималась за нравственныя проблемы, какъ, напр., въ философствованіяхъ Гельвеція, или же въ трудахъ «наиболѣе значительныхъ философвъ Франціи ближайшаго прошлаго», Фулье и Гюйо, — въ тѣхъ случаяхъ она защищала постоянно мысль, что нравственныя побужденія коренятся непосредственно въ себялюбіи, что альтруизмъ есть лишь возвышенная форма эгоизма, словомъ проповѣдовала эгоистическій или альтруистическій индивидуализмъ 3). — Хотя французской философіи въ моментъ ея расцвѣта и преобладанія и не удалось достигнуть подлинно-синтетическаго міропониманія, безпротиворѣчиво вбирающаго въ себя всѣ основ-

1) *ibid.* S. 20.

2) *ibid.* S. 20.

3) *ibid.* S. 23, 25.

ные и важные мотивы того времени, хотъ сдѣлать это и выпало на долю въ тѣ поры интернаціональному мыслителю, давшему подлинно интернаціональный философскій синтезъ, Спинозѣ¹⁾, тѣмъ не менѣ двѣ заслуги неотъемлемы у нея: она впервые проникла въ широкіе круги, благодаря бѣльшей способности французскихъ мыслителей къ ясному и простому изложенію, и она впервые сумѣла достигнуть ясной постановки проблемъ, которыхъ она, впрочемъ, не рѣшила, и рѣшенію которыхъ «даже мало посодѣйствовала»²⁾).

Этотъ краткій обзоръ французской философіи носить на себѣ совершенно явные слѣды пристрастія и предубѣжденности. Я совершенно согласенъ съ Вундтомъ, что французская философія мало дала философскому мышленію въ смыслѣ рѣшенія основныхъ проблемъ, и что послѣ Декарта во Франціи не было философскаго классика перваго ранга. Но я совершенно не согласенъ ни съ его оцѣнкой Декарта, ни съ тѣмъ, что онъ говоритъ о другихъ, менѣ значительныхъ философахъ Франціи. Въ дѣйствительности Декартъ не только блестяще поставилъ нѣкоторыя изъ основныхъ проблемъ философіи, но и столь же блестяще и ясно разрѣшилъ ихъ. Вундтъ утверждаетъ, что этого послѣдняго не было; но вѣдь это же не соотвѣтствуетъ факту дѣйствительности: факту дуалистической системы Декарта съ полускептически признаваемымъ Божествомъ надъ двумя субстанціями. Съ легкой руки Вундта можно было бы такъ обвинять всѣхъ философскихъ мыслителей до одного въ томъ, что они ничего не разрѣшили. Такъ напр., по моему, ничего не разрѣшилъ Спиноза, поставивъ только очень остро проблему онтологическаго тождества всего сущаго или, что, то же, проблему взаимоотношенія между единымъ и множественнымъ. Но утверждая это, я говорю отъ себя, т.-е. становясь на систематическую точку зрѣнія; съ исторической же, — на которую обязанъ встать и Вундтъ въ своемъ обзорѣ, — я безусловно признаю систему Спинозы, какъ и систему Декарта, своеобразными классическими рѣшеніями. Между прочимъ, Вундту слѣдовало бы помнить, что его разсужденія о системѣ Декарта нѣтъ ничего легче примѣнить къ другой и столь близкой сердцу его

1) *ibid.* S. 17—18.

2) *ibid.* S. 22.

дуалистической системѣ, системѣ Канта, а подходя еще ближе къ современности, и къ его собственной, дуалистической концепціи.

Далѣе, совершенно непонятно, какъ могъ Вундтъ не упомянуть ни единымъ словомъ слѣдующія четыре созданія французскаго философскаго духа: онтологію Малекранша, систематизировавшую и развившую идеалистически-спиритуалистическую сторону ученія Декарта; волюнтаристическій спиритуализмъ Мэнъ де Бирана, являющійся собственно первымъ значительнымъ провозглашеніемъ философскаго примата воли во всей философской литературѣ новаго времени и представляющій большое значеніе въ дальнѣйшемъ развитіи французской философіи; нео-критицистическій нео-монадологизмъ Ренувье, выдвигающій цѣлый рядъ весьма своеобразныхъ и глубокомысленныхъ ученій, а какъ цѣлое, представляющій собою очень любопытный синтезъ различныхъ мотивовъ: и Декартова, и Лейбница, и Канта; философія дѣйствія Блонделя, содержащая мало извѣстную еще, но тѣмъ не менѣе любопытную и оригинальную концепцію міра, отнюдь не являющуюся переизданіемъ какихъ-либо ученій нѣмецкаго идеализма, а растущую изъ родныхъ ей источниковъ французскаго спиритуализма. Да и то, что говоритъ Вундтъ о Бергсонѣ, весьма недостаточно. Совершенно вѣрно, что въ Бергсонѣ много картезианства; совершенно вѣрно, что онъ многимъ обязанъ, напр., Шопенгауэру, Шеллингу, даже Фихте; совершенно вѣрно, что имъ проповѣдуется дуализмъ. Но развѣ можно забывать за всеѣмъ этимъ самое существенное въ философіи Бергсона: его борьбу съ интеллектуалистическимъ схематизмомъ, сопряженную съ утверженіемъ интуитивизма и призывомъ къ живому конкретному опыту? Наконецъ, и самая характеристика французской философіи, отправляющаяся отъ матеріализма, не вѣрна: во всякомъ случаѣ въ XIX-омъ вѣкѣ Франція становится типичнымъ пристанищемъ спиритуализма, каковымъ и остается до нашихъ дней, когда во главѣ ея философскаго движенія шли и идутъ такіе мыслители, какъ Лашелье, Бергсонъ, Бутру, Блондель.

V.

Англійская философія оказала, по мнѣнію Вундта, на европейскую мысль гораздо болѣе сильное вліяніе, чѣмъ итальянская и

французская. Такое ее значение находится в тѣсной связи съ тѣми предѣлами, въ которыхъ она вращается: „Исключивъ религиозныя проблемы, она впервые въ новое время дала міру примѣръ строгаго проведенія міросозерцанія, базирующагося на чувственной дѣйствительности. Съ этимъ первымъ ограниченіемъ связано тѣснымъ образомъ второе. Оно заключается въ одностороннемъ направленіи интереса на вопросы теоріи познанія и морали и въ свою очередь ведетъ еще за собою дальнѣйшее ограниченіе: исключительный интересъ къ эмпирическому міру превращаетъ теорію познанія въ философію опыта, а эта послѣдняя, перелагая этическую проблему въ изслѣдованіе эмпирическихъ мотивовъ и цѣлей нравственной жизни, сообщаетъ англійской этикѣ первымъ дѣломъ видъ морали благополучія“¹⁾. Эта мораль въ допуританскій періодъ, держась альтруистическаго утилитаризма, съ Гоббса пускается въ проповѣдь эгоистическаго утилитаризма и въ концѣ-концовъ превращается въ эгоистическій утилитаризмъ.

Обращаясь къ самому ходу развитія англійской философской мысли въ новое время, Вундтъ полагаетъ ее исходный пунктъ въ эмпиризмѣ Бэкона, исключаящей совершенно изъ сферы философскаго разсмотрѣнія и раціональнаго знанія содержаніе религиозной вѣры, и въ эгоистическомъ матеріализмѣ Гоббса. Но рѣзкій матеріализмъ былъ слишкомъ радикаленъ для англійскаго духа, потому дальнѣйшее развитіе философской мысли въ Англии идетъ скорѣе отъ Бэкона, чѣмъ отъ Гоббса. Тутъ, прежде всего, выдвигается въ качествѣ поразительно типичной фигуры Джонъ Локкъ: „теоретически реализмъ, опертый на чувственный опытъ, практически утилитаризмъ, руководимый эгоизмомъ, а рядомъ хоть и внѣ философіи лежащее, но для удовлетворенія потребностей вѣры необходимое откровеніе, передаваемое черезъ посредство Священнаго Писанія,—въ этомъ Джонъ Локкъ, прежде другихъ, является точнѣйшимъ выраженіемъ англійскаго духа“¹⁾. Такое умѣренное эмпирически-утилитаристическое направленіе было настолько сильно въ Англии, что, напр., система Беркли нашла тамъ признаніе лишь постольку, поскольку въ ней жилъ духъ Локка; идеализмъ же Беркли не нашелъ себѣ серьезнаго отвѣта, и вообще философія Беркли послужила

¹⁾ *ibid.* S. 56 57.

ла лишь переходнымъ мостомъ къ психологизму Юма. Путемъ тонкаго психологическаго анализа этотъ послѣдній въ общемъ только утверждаетъ эмпирическую позицію Локка; что касается до морали, то попытка Юма, шедшаго тутъ по слѣдамъ Шефтсбери и его ученика Адама Смита, психологически обосновать наличие социально-альтруистическихъ чувствъ не имѣла въ Англии серьезнаго успѣха. Полную побѣду въ этой сферѣ одержало эгоистически-утилитаристическое направленіе Локка, чему порукой служить имя Бентама. Его ученикъ Джонъ Ст. Милль пытался, безъ всякой удачи, дополнить эгоистическій утилитаризмъ на его собственной почвѣ альтруистической пристройкой; то же нужно сказать и о попыткѣ Спенсера привести эгоизмъ путемъ эволюціоннаго процесса къ альтруизму, оставаясь все время на почвѣ утилитаризма. «Спенсеровая система представляетъ собою, — по мнѣнію Вундта, — послѣдній оригинальный продуктъ англійской философіи» ²⁾. Что касается до прагматизма или гуманизма, то это философское явленіе американскаго происхожденія «носитъ на себѣ печать почти всякаго разлагающагося философскаго теченія, печать эклектизма» ³⁾.

Тенденціозность Вундтовской характеристики англійской философіи новаго времени слишкомъ явна и замѣтна, чтобы на этомъ нужно было еще настаивать. Вундту хочется непременно представить англійскій духъ узко-практическимъ, эмпирио-эгоистическимъ и утилитарнымъ; значить и философія Англии должна отличаться этими же чертами. А потому мыслители болѣе или менѣе чуждые этому духу не должны имѣть большого значенія въ исторіи британской мысли, и о нихъ можно либо только едва упомянуть, либо можно оставить ихъ безъ всякаго упоминанія. Первая мѣра примѣняется Вундтомъ, напр., къ Беркли и отчасти къ Юму, къ Миллю и къ прагматизму, вторая же мѣра получаетъ чрезвычайно широкій кругъ примѣненія: у Вундта нѣтъ ни слова ни о Кольерѣ, ни о замѣчательномъ американскомъ платоническомъ спиритуалистѣ Эдвардсѣ, ни о шотландской школѣ во главѣ съ Ридомъ, Дюгальдомъ Стюартомъ, Гамильтономъ и Манселемъ, ни о трансцендентальномъ мистицизмѣ американца Эмерсона, ни объ идеализмѣ Кольриджа и Кар-

1) *ibid.* S. 41-42.

2) *ibid.* S. 55.

3) *ibid.* S. 55.

лейля, ни о различных формах конструктивнаго идеализма, находящихся свое запечатлѣніе въ трудахъ Феррьера, Грина, Керда, Бродли, Ройса, Бозанкета, ни о метафизикѣ опыта Годжсона и т. д. и т. д. Сверхъ того, разумѣется, и тѣ англійскіе мыслители, которые подходят къ характеристикѣ Вундта, представляются имъ чрезвычайно односторонне: напр., Локкъ, у котораго въ психологическомъ изслѣдованіи познанія моментъ эгоистическаго утилитаризма стоитъ въ концѣ-концовъ совсѣмъ на заднемъ планѣ, такъ какъ онъ главнымъ образомъ занятъ анализомъ познавательныхъ функций и ихъ механизма и значенія. И хотя онъ высказывается при этомъ, конечно, какъ чистый эмпиристъ, это нисколько не мѣшаетъ ему, напр., въ его ученіи о первичныхъ и вторичныхъ признакахъ, въ его критикѣ прирожденныхъ идей и въ его ученіи о субстанціи быть прямымъ предшественникомъ Канта, воспринявшаго отъ него не мало элементовъ въ свою психологію познавательнаго процесса.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, многіе изъ тѣхъ мыслителей, которые либо только мимоходомъ отмѣчаются Вундтомъ, либо совсѣмъ опускаются имъ, не только просто характерны для англійскаго духа и мышленія, но даже имѣютъ въ его исторіи нисколько не меньшее, если не большее еще значеніе, чѣмъ тѣ, о которыхъ Вундтъ распространяется съ особой охотой. Беркли, Колье, Эдвардсъ и представители шотландской школы, съ одной стороны, Эмерсонъ и англо-американскіе идеалисты, съ другой,—тому нагляднѣйшее доказательство. Достаточно только соединить единой линіей развитія Беркли, Юма (отчасти) и шотландцевъ, и получится болѣе импозантная школьная преемственность, чѣмъ въ англійскомъ утилитаристическомъ эмпиризмѣ стараго образца. Достаточно взять, какъ одно цѣлое, движеніе англо-американскихъ мыслителей идеалистической закваски, начиная съ Эмерсона, Карлейля и Гамильтона (отчасти) и кончая Бродли и Ройсомъ, и передъ нашими глазами встанетъ импозантный рядъ непрерывнаго развитія опредѣленныхъ основныхъ идей, гораздо болѣе компактный, сплоченный и упругій, чѣмъ движеніе позитивизма и эволюціонизма, предводительствуемое Спенсеромъ¹⁾.

¹⁾ См. *Th. M. Forsyth, English Philosophy. A study of its Method and general Development* (1910), *James Seth, English philosophers and Schools of Philo-*

Я не стану отрицать того, что въ английской философіи уклонъ къ крайнему эмпиризму, эгоизму и утилитаризму нашель болѣе рельефное и рѣзкое выраженіе, чѣмъ въ философіяхъ другихъ народовъ. Но, во первыхъ, развѣ не повсюду приходилось истинному и положительному теченію и развитію философской мысли, которое идетъ отъ Гераклита, Парменида, Сократа и Платона черезъ всю исторію философіи, бороться за свое существованіе съ направленіями отрицательно-философскаго характера? И въ Германіи тоже философское движеніе идеализма постоянно жило въ борьбѣ съ противниками эмпирическаго, матеріалистическаго или утилитаристическаго направленія. Если, далѣе, на английской почвѣ, въ виду склонности къ практическому сужденію, выработанной въ английскомъ народѣ социальными условіями жизни, эмпиризмъ и утилитаризмъ проявились съ большей силой, имѣли болѣе глубокое вліяніе на умы и оказали большее сопротивленіе идеалистическому теченію и такимъ образомъ на-дольше затормазили развитіе идеалистической философіи, то вмѣстѣ съ тѣмъ это не было лишено и благотворныхъ послѣдствій. А именно: на английской почвѣ философской традиціи пришлось съ особеннымъ вниманіемъ отнестись къ эмпиризму и утилитаризму, обдумать и испробовать всѣ способы его окончательнаго преодоленія и дать ему рядъ наиболѣе рѣшительныхъ сраженій, которыя въ своей совокупности, безусловно, дали английскому идеализму рѣшительную и безповоротную побѣду. Пусть въ теченіе XIX-го столѣтія английскіе идеалисты боролись такъ успѣшно съ этими врагами философіи, благодаря помощи, оказывавшейся имъ непосредственными предшественниками ихъ, нѣмецкими идеалистами. Что жъ изъ этого? Это нисколько не отнимаетъ у нихъ заслуженныхъ правъ на самостоятельность и оригинальность, ибо въ философской традиціи и ея борьбѣ съ врагами все преемственно. И выступленіе Канта тоже тѣсно связано съ именами Декарта, Локка и Юма, что нисколько не лишаетъ оригинальности его мышленіе. Равнымъ образомъ,—но разумѣется, въ меньшемъ историческомъ масштабѣ,—оригинальны концепціи и построенія напр., Брэдли и Рой-

са, выросшія прямокомъ какъ оппозиція англійскому эмпиризму и утилитаризму ¹⁾).

Что касается до самихъ этихъ философскихъ теченій, то хотя они и нашли для себя въ Англии, какъ было сказано, благоприятную почву, тѣмъ не менѣе, они не являются исключительнымъ продуктомъ англійскаго мышленія, а по традиціи перешли къ нему изъ Греціи. И вотъ подобно тому, какъ грубый эмпиризмъ и утилитаризмъ софистовъ вызваль къ жизни подлинно-философское развитіе въ Греціи, такъ точно и въ Англии оба эти теченія толкнули въ концѣ-концовъ мышленіе къ мощному утвержденію иныхъ философскихъ теорій. Нельзя, между прочимъ, не отмѣтить въ этой связи и большого сходства между инсулярнымъ положеніемъ, торговымъ развитіемъ и вытекающимъ отсюда практическимъ уклономъ жизни обоихъ народовъ. Такъ что изъ грековъ можно такъ же легко сдѣлать торгашей и утилитаристовъ, какъ и изъ англичанъ: достаточно только просто игнорировать подобно Вундту все то, что говоритъ противъ этого, или же сгруппировать и подтасовать подобно, напр., Зомбарту, все то, что говоритъ за это.

VI.

Какъ и надо было ожидать, больше всего мѣста Вундтъ отводитъ въ своемъ обзорѣ нѣмецкой философіи. Характерной ея чертою, по его мнѣнію, является ея тѣсная связь съ реформациею, ея постоянный союзъ съ религіей, вызванный своеобразными условіями развитія германскаго духа. Не только Меланхтонъ, но и такіе еще люди, какъ Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель начали свою карьеру съ изученія теологіи. «Такимъ образомъ становится понятно, что въ нѣмецкой философіи съ раннихъ поръ на первомъ планѣ стояли проблемы религіозныя вмѣстѣ съ тѣсно связанными съ ними метафизическими проблемами, и что, начиная съ того времени, нѣмецкой философіи оставалась присущей универсалистическая черта» ²⁾. Наиболѣе типичнымъ и всестороннимъ представителемъ такого устремленія нѣмецкой

¹⁾ Срвн. Б. Яковенко, Философская система Жозіа Ройса въ 17-омъ сборникѣ „Новыхъ идей въ философіи“ (1914).

²⁾ *W. Wundt*, op. cit. S. 64

философіи является, по мнѣнію Вундта, Лейбницъ, „по времени первый и по многообразію своихъ стремленій надолгое время руководящій нѣмецкій философъ»¹⁾. Хотя политически онъ и склонялся опредѣленно къ интернаціонализму и мечталъ объ объединеніи націй въ одно великое христіанское сообщество, тѣмъ не менѣе, его философское міровоззрѣніе заключаетъ уже въ себѣ руководящія идеи нѣмецкой философіи. Дѣйствительно, «монадолгія есть истинно-нѣмецкое созданіе, въ которомъ строгая логика мысленнаго построенія объединяется съ чертою старой нѣмецкой мистики въ одну гармоническую систему»²⁾. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о его защитѣ единства бытія и признаніи бытія по сущности своей духовнымъ, ибо «мысль, что въ духовномъ мірѣ раскрывается сущность самого міра, оставалась съ тѣхъ поръ присущею нѣмецкой философіи»³⁾. Въ равной мѣрѣ чисто-нѣмецкимъ было его ученіе о міровой гармоніи, о мірѣ, какъ о внутренно единой системѣ душевнообразныхъ монадъ, а также его мораль, противопоставляющая утилитаризму и эгоизму пониманіе права, какъ нравственнаго порядка.

Время, послѣдовавшее непосредственно за Лейбницемъ, находилось подъ слишкомъ сильнымъ вліяніемъ французскаго и англійскаго духа, чтобы усвоить истинно-германскія философемы Лейбница. Потому школа Вольфа и популярная философія этого времени знаменуютъ собою переходный періодъ въ исторіи нѣмецкой мысли. Единственною ихъ заслугой является болѣе рельефное выведеніе понятія цѣли въ міропониманіи и изложеніи міровой гармоніи и принятіе въ мораль центрального понятія долга. Съ этого какъ разъ пункта и начинается дальнѣйшее развитіе нѣмецкой философіи. Для Канта его теоретическая философія была только путемъ къ уствовленію системы морали на базѣ категорическаго императива и воли къ долгу; и именно сущность его практической философіи оказала въ дальнѣйшемъ рѣшающее вліяніе на нѣмецкую мысль, тогда какъ теоретическій формализмъ былъ отклоненъ уже частично у Фихте и Гегеля, которые въ свою очередь оказали вліяніе не столько теоретической формой своихъ философій, сколько прак-

¹⁾ *ibid.* S. 65.

²⁾ *ibid.* S. 67.

³⁾ *ibid.* S. 68.

тическимъ и жизненнымъ духомъ, заключающимся въ одеждахъ ихъ діалектики. Съ обоснованіемъ морали на автономіи долга у Канта тѣсно связано обоснованіе религіи и понятія Божества и божественнаго на морали. Фихте постарался довести до конца и до полной прозрачности это обоснованіе, Шлейермахеръ же предпочелъ раздѣлить сферы религіи и морали, чувствуя иначе невозможность сохранить принципъ автономіи морали безъ концессій религіи. Наконецъ, Гегелю принадлежитъ заслуга приведенія формалистической морали Канта къ конкретной жизни и полнѣйшаго освобожденія ея отъ остатковъ индивидуализма и субъективизма черезъ связь съ государствомъ. Ему же принадлежитъ и заслуга связаннаго рядоположенія и объединенной систематизаціи различныхъ обнаруженій духа и жизни, такъ что, напр., мораль и религія, ранѣе разъединенныя Шлейермахеромъ, снова были включены въ одно духовное цѣлое. Діалектика Гегеля послужила лишь внѣшней формой для послѣдовательнаго и обстоятельнаго проведенія основной философской идеи Лейбница и всей германской мысли: «что духовный міръ самъ есть нѣкоторое связанное цѣлое, упорядоченное, согласно единымъ законамъ духовной жизни»¹⁾). Остановившись еще специально на философій права Фихте и Гегеля и подробно выяснивъ на этомъ болѣе конкретномъ примѣрѣ духъ нѣмецкаго идеализма, Вундтъ переходитъ затѣмъ къ обзору дальнѣйшаго развитія нѣмецкой философій. Послѣ непродолжительнаго и временнаго упадка въ философскомъ движеніи, послѣдовавшаго за разложеніемъ гегелианства, пытавшагося снова удариться въ матеріализмъ, позитивизмъ и эклектизмъ, но по существу своему, тѣмъ не менѣе, проникнутаго, по мнѣнію Вундта, все тѣми же традиціонными идеями нѣмецкаго идеализма, начался въ Германіи періодъ обновленія философій, провозгласившаго возвратъ къ Канту. Разумѣется, этотъ возвратъ означалъ не простое принятіе философій Канта, а ея новую переработку и преобразование, новое стараніе освободить ея отъ присущаго ей субъективизма, формализма и индивидуализма. Но только прежде, чѣмъ совершится этому переходу, нѣмецкому идеализму суждено было пережить моментъ внутренняго само-разложенія и само-уничтоженія со стороны тяготѣвшихъ

1) *ibid.* S. 82,

надъ нимъ недостатковъ и заблужденій. Эта само-уничтожительная, но вмѣстѣ и само-освободительная работа была произведена Шопенгауэромъ и Ницше. Ученіе Шопенгауэра таило въ себѣ, несмотря на весь свой безпросвѣтный пессимизмъ, лучъ оптимизма и эволюціонизма въ теоріи генія. Ницше, начавши съ вѣрнаго слѣдованія шопенгауэровскому пессимизму, мало по малу сталъ продолжателемъ этой оптимистической струи. Такимъ образомъ, традиціонный нѣмецкій духъ невольно вернулся во-свояси, послѣ продолжительной прогулки по чужимъ краямъ. И на первый взглядъ столь индивидуалистическое ученіе Ницше о сверхчеловѣкѣ, на самомъ дѣлѣ,—какъ увѣряетъ Вундтъ,—имѣетъ въ своемъ основаніи слѣдующую заповѣдь: «ты долженъ отдать себя той задачѣ, которая поставлена тебѣ въ мірѣ»¹⁾. И современность показала, что такое пониманіе Ницше и его дѣйствія правильно: онъ привелъ нѣмецкій идеализмъ къ возрожденію его въ трактованіи проблемъ нравственнаго жизне-пониманія, и составляющихъ собственно центральный пунктъ всякой философіи. «Но въ нынѣшній грозный часъ мы убѣдились, что въ душѣ нѣмецкаго народа этотъ идеализмъ, не возвышенія отдѣльной личности, а ея само-отдачи цѣлому, «роду», какъ выражался Фихте, практически живъ еще болѣе, чѣмъ когда-либо раньше... Нѣмецкій идеализмъ возродился также и у тѣхъ, для кого былъ потерянъ въ теченіе долгаго мирнаго періода»²⁾.

И это изложеніе развитія нѣмецкой философіи не можетъ также не быть признано совершенно одностороннимъ, а въ своей односторонности тенденціознымъ. Прежде всего, центръ тяжести въ нѣмецкой философіи вообще, а въ частности и въ нѣмецкомъ идеализмѣ, лежитъ не въ практической философіи, не въ трактованіи нравственныхъ проблемъ, а въ сферѣ метафизики, гносеологии и онтологіи. Тому лучшій примѣръ Лейбницъ, если только согласится признать его дѣйствительно національнымъ нѣмецкимъ философомъ, а не философскимъ представителемъ Европы въ началѣ XVIII-го вѣка вообще: онъ занялъ главнымъ образомъ проблемами познанія, бытія, міра, души, Бога, зла; проблемамъ же нравственности онъ удѣляетъ относительно мало вниманія.

¹⁾ *ibid.* S. 114.

²⁾ *ibid.* S. 114—115

То же самое слѣдуетъ сказать и про Канта, «Критика чистаго разума» котораго со второй частью «Критики силы сужденія» представляетъ, безспорно, фундаментъ всего зданія его философіи и главный объектъ его вниманія и интереса. Утверждать, какъ Вундтъ, что «Критика чистаго разума» была у Канта лишь путемъ къ построенію практической философіи, по меньшей мѣрѣ, не основательно, такъ какъ противорѣчитъ всей критической конструкціи кантовскаго идеализма и явственному различію въ обоснованіи и критеріяхъ его теоретической и практической философіи. Тѣмъ болѣе, что самъ Кантъ засвидѣтельствовалъ однажды, что его «Критика чистаго разума» представляетъ собою не просто путь, а цѣлую систему теоретической философіи. Еще меньше чѣмъ къ Канту примѣнима характеристика Вундта къ философіямъ Фихте и Гегеля. Ибо у Фихте «ученіе о правѣ» и «нравоченіе» совершенно отчетливо и расчлененно базируются на «наукоученіи», являясь лишь частными областями примѣненія общихъ принциповъ теоретической философіи; система же Гегеля не даромъ именуется панлогизмомъ, представляя круговое движеніе и развитіе содержанія человѣческаго сознанія, какъ ростъ единой логической идеи, высшимъ этапомъ которой является не нравственное ея состояніе и не религиозное ея обнаруженіе, а она сама, какъ таковая, въ цѣлостной и всецѣлой своей выявленности, т.-е. какъ философія. Наконецъ, такъ называемый «возвратъ къ Канту» есть преимущественно философскій шагъ теоретическаго характера, чему свидѣтельствомъ служатъ, скажемъ, системы Шуппе, Когена, Рия, Либманна, Риккерта и др., базирующіе свои нравственныя теоріи всецѣло на системахъ логики и теоріи познанія и на этихъ послѣднихъ сосредоточивающія свое главное вниманіе и свой наиболѣе интенсивный интересъ.

Равнымъ образомъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и характеристика нѣмецкаго идеализма, какъ по преимуществу философіи жизни и жизненнаго міросозерцанія. Именно о ней то менѣе всего, во всякомъ случаѣ, менѣе, чѣмъ о какой-либо другой философіи, можно сказать, что она представляетъ собою «Weltanschauungsphilosophie», что міровоззрѣніе является его высшей конечной цѣлью и его основнымъ движущимъ мотивомъ. Ничего подобнаго! Нѣмецкій идеализмъ и Канта, и его великихъ послѣдователей, и недавняго «возврата къ Канту», и

нынѣшнихъ нео-идеалистовъ устремленъ опредѣленно и неукоснительно на систему истины, на систему сушаго. Только потому, косвенно, въ своихъ результатахъ и выводахъ, приходитъ онъ къ вопросамъ жизни и превращается въ миропониманіе. И тѣ изъ современныхъ философовъ, которые, минуя основныя трудности философскаго мышленія, стремятся поскорѣе смастерить ходкое и популярное мировоззрѣніе, подобно, скажемъ, Ойкену, Мюнстербергу, Гомперцу, находятъ въ устахъ подлинныхъ современныхъ носителей германской философской традиціи только рѣзкое осужденіе.

Именно поэтому-то совершенно незаконно придавать ни Шопенгауэру, ни тѣмъ болѣе Ницше такого философскаго значенія въ германской философіи, какое старается придать имъ Вундтъ. И тотъ, и другой строили философію изъ опредѣленнаго жизненнаго мотива, выдавая за истину опредѣленное миропониманіе, т.-е. строй мыслей, внушенный опредѣленнымъ волевымъ и эмоціональнымъ устремленіемъ. При этомъ, философія Шопенгауэра далеко не исчерпывается такимъ содержаніемъ и содержитъ въ себѣ немало цѣнныхъ элементовъ подлиннаго теоретическаго разсмотрѣнія проблемъ, тѣмъ самымъ еще храня въ груди своей традицію нѣмецкаго идеализма. Философствованіе же Ницше все, отъ начала и до конца, есть отзвукъ жизненныхъ переживаній, а не строгій анализъ и синтезъ сушаго, и потому онъ цѣликомъ, за исключеніемъ немногихъ теоретическихъ отрывковъ, стоитъ внѣ подлинной линіи и струи развитія нѣмецкаго философскаго мышленія. Это обстоятельство нисколько не препятствуетъ ему быть однимъ изъ идейныхъ руководителей и вдохновителей послѣднихъ германскихъ поколѣній. Наоборотъ, оно до чрезвычайности сближаетъ его наиболѣе характерныя идеи и мечты съ современнымъ военно-патріотическимъ подъемомъ германскаго народа и съ совершенно сверхчеловѣческой интерпретаціей, даваемой многими изъ нынѣшнихъ идейныхъ представителей Германіи судьбамъ, состоянію и миссіи своего народа. Вундтъ совершенно правъ, видя въ Ницше вдохновителя тѣхъ, кто въ Германіи сейчасъ полонъ вѣры и довѣрія къ своему отечеству и практикуетъ пангерманистическій идеализмъ; но онъ совершенно неправъ, утверждая, что этотъ послѣдній идеализмъ есть плоть отъ плоти исконнаго философскаго нѣмецкаго идеализма. Послѣднимъ великимъ

представителемъ философски-идеалистической традиціи въ Германіи былъ Гегель, а не Шопенгауэръ; а болѣе современными продолжателями ея были Лотце, Шуппе, Когенъ, Риккертъ, а не Ницше. И у нихъ съ современнымъ «пангерманистическимъ» и «милитаристическимъ» идеализмомъ нѣтъ ровно ничего общаго. Не упоминая объ нихъ ни единымъ словомъ, Вундтъ самъ даетъ наилучшее доказательство того, что это такъ. Беря же изъ великихъ нѣмецкихъ идеалистовъ только тѣ моменты, которые наиболѣе подходятъ къ практически-міросозерцательной интерпретаціи устремленія нѣмецкой философской мысли, онъ тѣмъ самымъ расписывается въ тенденціозности своего обзора и изложенія.

VII.

Въ разсмотрѣнныхъ главахъ настоящаго Вундтовскаго сочиненія все время чувствуется нѣкоторая предвзятая нарочитость, но не ясно еще, куда клонится дѣло. Только изъ послѣдней главы, которая носитъ слѣдующій заголовокъ: „Духъ націй во время войны и во время мира“, узнаемъ мы въ точности, wo ist der Hund begraben.

Въ аффектѣ обычно и отдѣльный человекъ, и народы раскрываются иначе и подлиннѣе, чѣмъ въ мирное время привычныхъ, установленныхъ правилъ и взаимоотношеній; тѣмъ болѣе въ военное время, когда просыпаются особенно сильные и продолжительные аффекты. Потому, чтобы распознать отличительныя черты народныхъ душъ и психологій, лучше всего обратиться именно къ такому времени. При этомъ прекраснымъ объектомъ наблюденій и анализа является солдатская пѣсня. Что же говорить она намъ у находящихся нынѣ въ борьбѣ народовъ ¹⁾. Французы, по мнѣнію Вундта, обладаютъ въ своемъ родѣ единственной солдатской пѣсней, Марсельезой, которая воодушевляется мыслями и мечтами о чести и славѣ. Англійская пѣсня, «Rule Britannia», превозноситъ силу и господство. Гораздо скромнѣе нынѣшняя нѣмецкая солдатская пѣсня. Ни патриотическая пѣснь Морица Арндта, ни «Deutschland, Deutschland über alles» Гофмана уже не поется теперь. Пѣсней же, которую знаетъ и

¹⁾ О русскихъ при этомъ у Вундта совсѣмъ не идетъ рѣчи. И понятно, ему трудно было бы, по русскимъ пѣснямъ, очернить своего врага.

поэтъ каждый, является «Wacht am Rhein» ¹⁾), провозглашающая твердость и вѣрность, т.-е. долгъ.

То, что такъ рельефно выражается въ солдатской пѣснѣ, составляетъ задній фонъ въ повседневной жизни и подоплеку философскихъ народныхъ аспирацій. Честь и слава являются, безспорно, наивысшими благами въ глазахъ французскаго народа, какъ о томъ свидѣтельствуетъ вся исторія французскаго народа. Соперничество изъ-за чести и славы проходитъ красной нитью черезъ всю французскую жизнь, распространяясь на всѣ ея даже наиболѣе серьезныя проявленія. Такъ во Франціи, начиная съ народной школы и кончая академіей, повсюду царить конкурсъ: парижская академія выдаетъ ежегодно больше премій, чѣмъ всѣ другія академіи міра вмѣстѣ; судъ присяжныхъ оправдываетъ преступника только въ силу блестящей рѣчи защитника ²⁾). Понятно, что французскій народъ чувствительнѣе всего именно къ пораненіямъ чести и славы. Такъ, напр., одинъ интеллигентный французъ, знакомый Вундта, и специалистъ по нѣмецкой литературѣ, уѣхалъ изъ Германіи, когда минувшая война между Германіей и Франціей стала неизбѣжной, только потому, что онъ не могъ переживать эту войну въ Германіи, ощущая, какъ тяжело будетъ для Франціи въ случаѣ пораженія потерять «престижъ». То же самое народное устремленіе сказывается въ идеѣ о реваншѣ, которая собственно и привела,—такъ полагаетъ Вундтъ,—къ нынѣшней войнѣ. Такимъ образомъ, двигающимъ мотивомъ французской души является своего рода теоретическій эгоизмъ, о чемъ свидѣтельствуетъ также и французская философія съ ея склонностью къ «расширенному эгоизму».

Характерныя черты англійской души, такъ рельефно обозначаемаыя англійской солдатской пѣсней, далеко не такъ ясно выступаютъ въ повседневной англійской жизни, какъ то случается во Франціи съ французскими чертами: англійскій народъ представляется на первый взглядъ народомъ спокойной торговли и мирнаго накопленія богатствъ, мало помышляющимъ о могуществѣ и господствѣ. Такой видимый контрастъ объясняется во-первыхъ инсулярнымъ и потому безопаснымъ положеніемъ Англій, а во-вторыхъ тѣмъ, что будучи фактически торговымъ

²⁾ *W. Wundt*, *op. cit.*, S. 119.

³⁾ Намекъ на оправданіе г-жи Кайо.

господиномъ на мировомъ рынкѣ, англійскій народъ является „сытой націей“. Нужно совершенно экстраординарныя условія либо прежнихъ далекихъ временъ, либо настоящаго момента, чтобы разбудить основные мотивы его души и заставить его заговорить снова рѣзкимъ голосомъ властелина и господина. Привыкнувъ къ такой своей «сытости» и спокойствію, Англія крѣпко держится за извѣстныя конвенціональныя формы общезжитія, которыя гарантируютъ каждому изъ ея гражданъ личную свободу; „безграничная свобода каждаго во всемъ, что не противорѣчитъ подобной же свободѣ другихъ,—это основоположеніе Англія высказала первая и ни въ какой другой странѣ оно не коренится до такой степени въ характерѣ націи, какъ тутъ»¹⁾; выразителемъ этой англійской свободы является Habeas Corpus и парламентская жизнь. Въ полной гармоніи съ такой «сытостью» находится англійскій взглядъ на инныя страны, какъ на нѣчто вродѣ вассальныхъ земель, что такъ явственно сказывается въ поведеніи англичанъ путешественниковъ; въ полномъ согласіи съ конвенціональной личной свободой стоитъ государственная политика, выражающаяся прекрасно въ поговоркахъ «my house is my castle «и» my country is my world» и постоянно практикующая ложь, обманъ, нарушеніе договоровъ и употребленіе насилія. Англійская философія съ поразительной точностью отразила въ себѣ эти черты англійской психологіи. «Утилитаризмъ есть специфически англійская философія». Это—философія эгоистическая, «философія насытившагося»²⁾.

Нѣмецкій народъ появился на европейскомъ поприщѣ совсѣмъ недавно, это—совсѣмъ молодой народъ, совсѣмъ молодое государство. Мудрено ли, что онъ вызвалъ къ себѣ въ другихъ народахъ, давно сложившихся, полное непониманіе? «Мы до извѣстной степени составляемъ «мировую загадку». Мы видимъ себя иначе, чѣмъ насъ видятъ другіе, и этимъ послѣднимъ мы являемся въ чрезвычайно разномъ свѣтѣ»³⁾. Эта загадочная сущность нѣмецкаго народа лучше всего, конечно, выражается въ его поэтическомъ творествѣ и его идеалистической философіи. Однако же формулировать составляющія ее положительныя качества Вундтъ считаетъ для себя въ настоящій моментъ не-

1) *W. Wundt*, op. cit. S. 129.

2) *ibid.* S. 133.

3) *ibid.* S. 135.

удобнымъ, якобы въ виду того—отрицательнаго отношенія къ нѣмецкому идеализму, которое царитъ повсюду за границей, и предпочитаетъ указать ея недостатки. Таковыхъ онъ устанавливаетъ два: склонность слѣпо подражать чужому и чрезмѣрная скромность, выражающаяся въ отрицаніи своего. Эти свойства губительно сказываются въ томъ, что нѣмецъ скорѣе всякаго другого теряетъ свою національность при переселеніи въ другія страны.

Какъ и всякое большое историческое переживаніе, эта война должна внести измѣненія въ жизнь и психологію націй. Такъ, французскій народъ, по мнѣнію Вундта, смирится, позабудетъ о престижѣ и реваншѣ, какъ въ общемъ то сдѣлали нѣмцы, и будетъ жить въ мирѣ и взаимодействіи съ нѣмецкимъ народомъ. Съ Англійей же дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе: ея коммерческое и морское господство вошло и въ кровь, и въ плоть ея гражданъ, и даже ея философія въ лицѣ Спенсера признала индустриальную фазу развитія, въ которой находится сейчасъ Англія, конечной. Но что если это не такъ? Умозаключая послѣдовательно отъ одержанныхъ побѣдъ къ побѣдамъ грядущимъ, нѣмцы вѣрятъ въ то, что положеніе Англіи тоже измѣнится, и моря съ коммерціей станутъ свободными. Что касается до нихъ самихъ, то они уже измѣнились за эту войну въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Прежде всего, нѣмецкій народъ, какъ никогда прежде, осозналъ свою національную силу и свое національное единство.—Далѣе, нѣмецкій народъ приобрѣлъ громадное довѣріе къ пресловутому «милитаризму». Вся эта заграничная кампанія противъ него зиждется на глубочайшемъ заблужденіи и беззащитнѣйшей лжи, ибо выходитъ такъ, что «нѣмецкій ученый и художникъ становятся варварами, какъ только они вмѣсто партикулярнаго платья надѣваютъ военный сюртукъ». «Нѣтъ,—воскликаетъ Вундтъ,—мы не послѣдуемъ доброму совѣту нашихъ враговъ и не станемъ уничтожать нашего милитаризма. Мы нуждаемся въ немъ также и далѣе, не только потому, что намъ нужно вооруженіе и на землѣ, и на морѣ, дабы гарантировать себѣ миръ, а и потому, что общая воинская повинность стала у насъ тѣмъ воспитательнымъ средствомъ, которое сообщаетъ нашей молодежи тѣлесную ловкость и строгую вѣрность долгу также и въ мирное время»¹⁾.—Затѣмъ, нѣмецкій народъ

¹⁾ ibid. S. 144.

научился, подъ давленіемъ вызванныхъ войною обстоятельствъ, хотя бы временно жить жизнью фихтевскаго «замкнутаго торговаго государства».

Но самой высшей наградой, которую готовитъ война нѣмецкому народу, является дальнѣйшее проведеніе начатыхъ во время мира реформъ. «Наши побѣды были одержаны всѣми нѣмцами безъ различія положенія и призванія. Значитъ справедливо, чтобы они пошли на благо тоже всѣмъ, первымъ же дѣломъ— на благо тѣмъ, кто больше всего нуждается въ улучшеніи своего положенія» ¹⁾. Война ведетъ нѣмецкій народъ къ осуществленію подлиннаго государственнаго социализма. Такъ что, повидимому, и тутъ нѣмецкій идеализмъ несетъ съ собою побѣду надъ французскимъ духомъ, склоняющимся къ пропитанному эгоистической моралью коммунизму.

VIII.

Такимъ образомъ, историко-философскій очеркъ Вундта былъ написанъ имъ специально для того, чтобы экскурсами и сообщеніями историко-философскаго характера облить народъ нѣмецкій, столь запачканный нынѣшнимъ его веденіемъ войны и набросить тѣнь на его противниковъ. Не даромъ же его книжка носить подзаголовокъ: «Ein Kapitel zum Weltkrieg».

Мы видѣли уже, что эта его комбинированная попытка обленія-очернѣнія обошлась недешево исторіи философіи, такъ какъ изъ нея было взято только то, что подходило для затѣи Вундта. То же самое приходится констатировать и по отношенію къ его обще-политическимъ и народно-психологическимъ соображеніямъ въ заключительной главѣ. Такъ, напр., Марсельеза свидѣтельствуетъ не только и не столько о французскомъ пристрастіи къ чести и славѣ, сколько о безпредѣльной любви народа къ родинѣ и свободѣ. Вѣдь объ этомъ уже говорится съ третьяго ея стиха: «contre nous de la tyrannie l'étandard sanglant est levé». И достаточно вспомнить тѣ дни французской революціи, когда она была сложена, чтобы понять, что въ ней меньше всего именно помышлений о чести и славѣ. Съ другой стороны, совсѣмъ не вѣрно, что Германія мало пѣла эти дни свою агрессивную пѣснь: «Deutschland, Deutschland über alles,

¹⁾ ibid. S. 145.

über alles in der Welt». Многочисленные нѣмецкія свидѣтельства говорятъ обратное. И совсѣмъ не о мирномъ и добродушномъ составѣ германской души говоритъ фактъ того громаднаго успѣха, который имѣла въ Германіи въ первые мѣсяцы войны «Пѣснь ненависти къ Англіи» Лиссауера. Для нагляднаго изображенія столь популярныхъ еще недавно въ Германіи чувствъ, ее стоитъ привести здѣсь цѣликомъ.

Hassgesang gegen England. 1)

Was schießt uns Russe und Franzos,
Schuss wider Schuss und Stoss um Stoss,
Wir lieben sie nicht,
Wir hassen sie nicht,
Wir schützen Weichsel und Wasgaupass,—
Wir haben nur einen einzigen Hass,
Wir lieben vereint, wir hassen vereint,
Wir haben nur einen einzigen Feind:
Den ihr alle wisst, den ihr alle wisst,
Er sitzt geduckt hinter grauen Flut,
Voll Neid, voll Wut, voll Schläue, voll List,
Durch Wasser getrennt, die sind dicker als Blut.
Wir wollen treten in ein Gericht,
Einen Schwur zu schwören, Gesicht in Gesicht,
Einen Schwur von Erz, den verbläst kein Wind,
Einen Schwur für Kind und für Kindeskind.

- 1) Что намъ русскій и что намъ французъ,
Выстрѣлъ на выстрѣлъ и ударъ за ударъ,
Мы ихъ не любимъ,
Мы не питаемъ къ нимъ ненависти,
Мы защищаемъ Вислу и переваль черезъ Вогезы,
Мы чувствуемъ только одну единственную ненависть,
Мы любимъ сообща, мы ненавидимъ сообща,
Мы имѣемъ только одного единственнаго врага,
Котораго вы всѣ знаете, вы всѣ знаете,
Онъ сидитъ, затаившись, за сѣрой волной,
Полный зависти, ярости, лукавства и хитрости,
Отдѣленный водой, которая гуще, чѣмъ кровь.
Мы хотимъ предстать на судъ,
Дать клятву лицомъ къ лицу,
Дать клятву, твердую какъ металл, которую не ослабитъ ни-
какой вѣтеръ,

Vernehmt das Wort, sagt nach das Wort,
 Es wälze sich durch ganz Deutschland fort:
 Wir wollen nicht lassen mit unserm Hass:
 Wir haben alle nur einen Hass,
 Wir lieben vereint, wir hassen vereint,
 Wir haben alle nur einen Feind:

England.

In der Bordkajüte, im Feiersaal,
 Sassen Schiffsoffiziere beim Liebesmahl,
 Wie ein Säbelhieb, wie ein Segelschwung,
 Riss einer grüssend empor den Trunk,
 Knapp hinknallend wie Ruderschlag,
 Drei Worte sprach er: «Auf den Tag!»
 Wem galt das Glas?

Sie hatten alle nur einen Hass.

Wer war gemeint?

Sie hatten alle nur einen Feind:

England.

Nimm du die Völker der Erdc in Sold,
 Baue Wälle aus Barren von Gold,

Дать клятву за дѣтей и за дѣтей дѣтей.
 Услышите слово и повторяйте его,
 Пусть прокатится оно по всей Германіи:
 Мы не хотимъ забывать нашу ненависть;
 Мы всѣ полны только одной ненавистью,
 Мы любимъ сообща, мы ненавидимъ сообща,
 Мы всѣ имѣемъ только одного врага:

Англию.

Въ бортовой каютѣ, въ праздничномъ залѣ,
 Сидѣли морскіе офицеры за братской трапезой;
 Подобно удару сабли, подобно взмаху паруса,
 Поднялъ одинъ заздравный бокаль,
 Отчеканивъ сухо, какъ весенній ударъ.
 Три слова сказалъ онъ: „За тотъ день!“
 За что былъ поднять бокаль?
 Они всѣ чувствовали только одну ненависть.
 О комъ шла рѣчь?
 Они всѣ имѣли только одного врага:

Англию.

Бери себѣ въ наймы народы земли,
 Дѣлай насыпи изъ слитковъ золота,

Bedecke die Meertlut mit Bug bei Bug,
 Du rechnest klug, doch nicht klug genug.
 Was schießt uns Russe und Franzos:
 Schuß wider Schuss und Stoss um Stoss!
 Wir kämpfen den Kampf mit Bronze und Stahl
 Und schliessen Frieden irgend einmal,
 Dich werden wir hassen mit langen Hass,
 Wir werden nicht lassen von unserm Hass,
 Hass zu Wasser und Hass zu Land,
 Hass des Hauptes und Hass der Hand.
 Hass der Hämmer und Hass der Kronen,
 Drosselnder Hass von siebzig Millionen,
 Sie lieben vereint, sie hassen vereint,
 Sie haben alle nur einen Feind:

England.

Впрочемъ, глубоко-народная или выразительная солдатская пѣснь далеко не является характерной для всякаго момента въ жизни даннаго народа. Марсельезу пѣли французскіе солдаты и тогда, когда двигались по Европѣ, будучи слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Наполеона. Равнымъ образомъ, нынѣшній нѣмецъ можетъ сколько угодно ему распѣвать сейчасъ свою «Wacht am Rhein» съ содержащимся тамъ провозглашеніемъ твердости, вѣрности и долга, но и его твердость, и вѣрность, и долгъ пойдутъ при этомъ на пользу никакъ не осуществленію возвышенныхъ идеаловъ, а на утвержденіе самаго грубаго и эгоистическаго націонализма.

Покрывай гладь моря сомкнутымъ строемъ кораблей,
 Ты умно рассчитываешь, но недостаточно умно.
 Что намъ русскій и что намъ французъ:
 Выстрѣлъ на выстрѣлъ и ударъ за ударъ!
 Мы ведемъ борьбу бронзой и сталью,
 И когда нибудь мы заключимъ миръ,
 Тебя же мы ненавидимъ длительной ненавистью,
 И наша ненависть не оставитъ насъ,
 Ненависть на водѣ и ненависть на сушѣ,
 Ненависть головы и ненависть руки,
 Ненависть мологовъ и ненависть коронъ,
 Удушающая ненависть семидесяти милліоновъ,
 Они любятъ сообща, они ненавидятъ сообща,
 Они всѣ имѣютъ только одного врага:

Англію.

Вся остальная аргументация Вундта въ пользу его отрицательныхъ характеристикъ Франціи и Англіи и положительной характеристики Германіи совершенно также произвольна и поверхностна. Развѣ можно, напр., приписывать французскому духу склонность къ дурному и поверхностному соперничеству и конкурсу на томъ основаніи, что Парижская академія выдаетъ ежегодно массу премій? Это также несправедливо, какъ, скажемъ, приписывать германскому народу нелюбовь къ наукѣ и научнымъ занятіямъ на основаніи того факта, что стать ученымъ въ Германіи обычно можетъ только человекъ со средствами, а такихъ относительно мало. Развѣ можно, напр., интерпретировать отношеніе англичанъ къ другимъ народамъ по тому, какъ держать себя за границей англійскіе туристы? Развѣ не правильнѣе было бы сдѣлать обзоръ нынѣшней англійской колониальной политики, напр., отношенія англичанъ къ бурямъ и этихъ послѣднихъ къ англійскому народу? Развѣ можно толковать англійскій общественно-политическій укладъ по двумъ-тремъ народнымъ поговоркамъ или руководствуясь взглядами двухъ-трехъ англійскихъ индивидуалистовъ? Этакъ и о нѣмецкомъ идеализмѣ станетъ позволительно судить по «Единственному» Макса Штирнера и «Сверхчеловѣку» Ницше, либо по цѣлому ряду нѣмецкихъ поговорокъ совсѣмъ некультурнаго и невысокаго содержанія.

Дѣлаемый Вундтомъ упрекъ нѣмецкому народу въ томъ, что онъ слишкомъ подражаетъ чужому и слишкомъ отрицаетъ свое, звучитъ опредѣленно, какъ насмѣшка надъ читателемъ. Ибо за послѣднія два десятилѣтія нѣмцы не только не повинны въ этихъ мнимыхъ недостаткахъ, но наоборотъ, какъ будто только и дѣлаютъ, что хвалятъ и превозносятъ свое и съ презрѣніемъ относятся къ чужому. Не такъ давно одинъ изъ представителей германской интеллигенціи попытался даже показать, что большинство выдающихся людей латинской расы (Италія и Франція) по своему происхожденію германцы и что такимъ образомъ лучшее у чужихъ народовъ создано нѣмцами. Бруно оказался въ дѣйствительности не больше, не меньше, какъ Брауномъ, Винчи—Винке, Буанаротти—Бонротомъ, Веласкесъ—Велахисемъ, Дидеро—Титротомъ и т. д. ¹⁾ Съ легкой руки проф. Оствальда

¹⁾ См. *L. Woltmann, Die Germanen und Renaissance in Italien (1905). Die Germanen in Frankreich (1907)*

всѣ другія европейскія націи на пятьдесятъ лѣтъ отстали отъ германской ¹⁾, а проф. Лассонъ, напр., утверждаетъ, что нѣмцы—«внѣ сравненій» ²⁾. Ну гдѣ же тутъ говорить еще о нѣмецкой скромности и самоотрицаніи!

Разсужденіе Вундта о «милитаризмѣ» тоже черезчуръ наивно и смахиваетъ на насмѣшку. Онъ не можетъ не знать того, что никто въ Европѣ не думаетъ, что нѣмецкій ученый становится варваромъ отъ перемѣны платья. Въ Европѣ думаютъ только, что, надѣвъ военное платье, нѣмецкій ученый показалъ свой подлинный душевный обликъ, который закрывался партикулярнымъ платьемъ и не былъ достаточно хорошо видѣнъ. А это, вѣдь, большая разница! Что проф. Вундтъ не хочетъ и впредь разставаться съ милитаризмомъ, это вполнѣ отвѣчаетъ нынѣшнему воинственному и завоевательному настроенію нѣмецкаго народа и связанному съ этимъ предпочтенію человѣка машины—живому и свободному человѣку. Лучшимъ же примѣромъ того, какъ ужасно дѣйствуетъ милитаристическая школа на человѣческой духъ и состояніе сознанія, является утвержденіе проф. Зомбарта, что Кантово сочиненіе о вѣчномъ мирѣ есть продуктъ выжившаго изъ ума старикашки ³⁾, и утвержденіе проф. Наторпа, что милитаризмъ есть не болѣе и не менѣе, какъ одностороннее выраженіе социализма ⁴⁾.

Но даже если бы всѣ эти разсужденія Вундта о душевной природѣ французовъ, англичанъ и нѣмцевъ были правильны и основательны, этимъ бы нисколько не предрѣшался вопросъ о томъ, кто правъ, справедливъ и нравствененъ въ настоящемъ конфликтѣ, и на кого должна пасть вина за совершающееся кровопролитіе. Вундтъ безусловно хочетъ доказать своимъ обзоромъ ту мысль, что націи, надѣленные такими дурными и эгоистическими склонностями, какъ французская и англійская, неизбежно должны быть инициаторами всего дурного въ настоящемъ конфликтѣ. Тотъ, кто стремился идейно къ славѣ, чести, силѣ и господству, кто проповѣдовалъ идейно индивидуализмъ и эгоизмъ, естественно долженъ быть виновникомъ и нынѣшней борьбы. Однако же, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, правиль-

¹⁾ Paroles Allemandes, p. 47

²⁾ ibid. p. 43.

³⁾ Werner Sombart, Händler und Helden (1915) S.93

⁴⁾ Paul Natorp, Der Tag des Deutschen (1915) S. 48.

нѣе обратиться къ всестороннему разсмотрѣнію всѣхъ основныхъ фактовъ европейской жизни за послѣдніе двадцать пять лѣтъ, чѣмъ писать краткій и поневолѣ уже односторонній обзоръ исторіи философіи за послѣдніе пятьсотъ лѣтъ. Было бы лучше заглянуть въ протоколы гаагскихъ конференцій, въ исторіи всѣхъ послѣднихъ политическихъ конфликтовъ, въ политическую и военную литературу воюющихъ нынѣ народовъ за послѣднее время, наконецъ въ дипломатическую переписку, непосредственно предшествовавшую нынѣшнему конфликту, и въ запротоколированные и засвидѣтельствованные акты происходящей борьбы.

Разумѣется, тогда бы трактованіе неволью приняло нежелательную и неблагопріятную для нѣмецкаго народа окраску. Потому-то нѣмецкіе ученые всѣхъ сортовъ предоставляютъ эту благодарную работу своимъ французскимъ, англійскимъ и т. п. коллегамъ, сами же предпочитаютъ подходить къ современнымъ общественно-политическимъ проблемамъ издалека съ общими мѣстами, приблизительными и произвольными сужденіями, подтасовкой сообщаемыхъ данныхъ и громкими lamentаціями то порицательнаго и протестующаго, то восторженнаго характера. Хотя такимъ образомъ и теряется ихъ ученое достоинство, но зато на нѣмецкій народъ оказывается своего рода гипнотическое воздѣйствіе, да и не-нѣмецкимъ читателямъ на нѣкоторое время запорашиваются глаза. А сейчасъ вѣдь это только и нужно! Нужно, напр., во что бы то ни стало и всякому, кому только можно, внушить ту мысль, что Германія, нарушивъ нейтралитетъ Бельгіи и предавъ эту страну «мечу и пожарамъ», служила вѣчнымъ культурнымъ цѣнностямъ, а Англія, защищая нейтралитетъ и свободу Бельгіи являлась и является служительницей собственнаго эгоизма. И вотъ, при этомъ, всѣ способы и мѣры хороши, которые ведутъ къ цѣли, хотя бы достиженіе ея покупалось и предательствомъ высшихъ и вѣчныхъ цѣнностей. Хорошо написать и исторію европейской философіи, если только это оказывается возможнымъ сдѣлать такъ, чтобы написанная исторія содѣйствовала обѣленію нѣмцевъ и очерненію ея противниковъ, какъ то и удалось сдѣлать Вундту. Что такимъ образомъ совершается надруганіе надъ историко-философской истиной, это — не важно. Ибо, по нынѣшнему нѣмецкому разумѣнію: «No kennt kein Gebot!»

Два типа міросозерцанія.

(По поводу книги С. Л. Франка „Предметъ знанія“.)

I

Книга С. Франка «Предметъ знанія» — крупное событіе въ русской философской литературѣ. Книга эта не принадлежитъ къ обычному типу диссертаций, это вполне самостоятельный философскій трудъ, цѣлая система знанія. Въ этомъ отношеніи ее можно сравнить съ книгой Н. О. Лосскаго «Обоснованіе интуитивизма». А въ предшествующемъ философскомъ поколѣнніи по размаху своему она напоминаетъ «Положительныя задачи философіи» Л. М. Лопатина. Для С. Франка характерна его безкорыстная любовь къ истинѣ и преобладаніе паэоса утвержденія надъ паэосомъ отрицанія. Его философія поистинѣ — положительная философія. Съ этими его свойствами быть можетъ связанъ недостатокъ остроты темперамента. Нѣтъ рѣзкихъ противоположеній и обостреній, многое сглаживается и представляется ужъ слишкомъ яснымъ. Но есть положительный паэосъ философіи, любовь къ мудрости. «Предметъ знанія» — цѣлая теорія знанія, связанная съ онтологіей и опирающаяся на онтологию. С. Франкъ съ большой отчетливостью и ясностью раскрываетъ онтологическія основы знанія, всякаго знанія, начиная съ научнаго и кончая мистическимъ. Мы погружены въ безконечное бытіе всеединства, окружены имъ, пропитаны имъ и всякій актъ знанія предполагаетъ его. Эта несомнѣнная истина хорошо и своеобразно обоснована Франкомъ. Онъ вполне вооруженъ всѣми орудіями современной философіи, прошелъ черезъ нѣмецкій критицизмъ и искушенъ всѣми гносеологическими сомнѣніями и вопрошеніями. Тѣмъ болѣе цѣнно, что онъ по новому, при помощи модернозированныхъ философскихъ методовъ преодолеваетъ

гносеологизмъ, въ который философія уперлась, какъ въ безвыходный тупикъ, и приходитъ къ старой, онтологической мудрости Плотина и Николая Кузанскаго, особенно имъ излюбленныхъ. Отъ книги вѣдетъ философскимъ оптимизмомъ, преодоленіемъ трагедіи познанія или недостаточно острымъ ея сознаниемъ. Отъ слишкомъ ясной мысли Франка ускользаютъ нѣкоторые темные изгибы проблемы познанія. Мы увидимъ, что нѣкоторые проблемы рѣшены Франкомъ упрощенно и недостаточно оправданно его основной точкой зрѣнія. Основные идеи книги Франка не новы, онѣ продолжаютъ очень древнюю традицію. Но обоснованы эти идеи по своему, оригинально. Что-то отъ вѣковой мудрости имъ самостоятельно узнано и продумано. Что-то основное въ проблемѣ познанія ему открылось и превосходно имъ разъяснено.

Прежде всего открылось Франку и разъяснено имъ, что сфера бытія даннаго сознанія ограничена, сфера же бытія имѣющагося у меня до всякаго опознанія безконечна. То, что для знанія есть еще трансцендентная задача, имѣется уже у меня, какъ бытіе. И только потому и возможно знаніе. Мы обладаемъ всеединымъ бытіемъ, оно въ насъ и мы въ немъ. Въ этомъ отношеніи Франкъ послѣдовательной имманентистъ. Превосходны его разъясненія о томъ, что трансцендентное есть лишь неизвѣстное, неузнанное, задача познанія, а не абсолютный онтологическій предѣлъ. Поэтому трансцендентное подвижно, его границы вѣчно мѣняются. Для знанія не поставлено абсолютныхъ предѣловъ. Еще трансцендентное мнѣ, какъ познающему, имманентно мнѣ, какъ бытію, ибо я погруженъ во всеединство, внѣдренъ въ абсолютное бытіе. Имманентизмъ означаетъ, что бытіе внутренне не моему сознанію, а моему цѣлостному бытію, которое можетъ быть еще темнымъ. «То сверхвременное единство, въ которомъ мы усмотрѣли основу отношенія сознанія къ «предмету», какъ таковое, дано намъ не въ формѣ сознанія, а въ формѣ *бытія*. Мы сознаемъ это единство, т. е. наше сознаніе можетъ направляться на него, только потому, что независимо отъ потока остальныхъ переживаній, образующаго жизнь нашего сознанія, мы есмь сверхвременное единство, *мы пребываемъ въ немъ и оно въ насъ*. Первое, что есть, и что, слѣдовательно, непосредственно очевидно, есть не сознаніе, а *само сверхвременное бытіе*. Это бытіе есть, конечно не «предметное» «трансцен-

дентное» бытіе, бытіе, котораго мы должны достигать, до котораго мы должны косвеннымъ путемъ доходить: это есть *абсолютное бытіе*, внѣ котораго нѣтъ ничего и которое есть не трансцендентное, а абсолютно имманентная основа всякой трансцендентности.»¹⁾ И дальше: «Само бытіе, какъ таковое, не «дано» мнѣ, въ тамъ смыслѣ, что входитъ въ потокъ сознанія, но и не только «потенціально имѣется» у меня, въ томъ смыслѣ, что лежитъ за предѣлами этого потока и только образуетъ цѣль, къ которой я стремлюсь, или задній фонъ, на почвѣ котораго протекаетъ сознаніе, а въ строжайшемъ смыслѣ *есть* у меня и со мною: оно не только принадлежит мнѣ, но и принадлежит ко мнѣ, или точнѣе говоря: я принадлежу къ нему»²⁾. С. Франкъ превосходно устанавливаетъ различіе между предметнымъ, объективированнымъ, выброшеннымъ во внѣ бытіемъ и бытіемъ всеединымъ, абсолютнымъ. Въ чемъ же смыслѣ знанія? Франкъ долженъ признать, что темная еще сфера «имѣющагося» бытія въ знаніи становится свѣтлымъ бытіемъ. А это значитъ, что знаніе имѣетъ не только онтологическую основу, но и какой-то положительный онтологическій смыслъ, осуществляетъ какую-то онтологическую задачу. Но этого положительнаго онтологическаго смысла знанія Франкъ не раскрываетъ. И мы увидимъ, что въ раскрытіи этого смысла онъ встрѣтился бы съ почти непреодолимыми затрудненіями. Такое раскрытіе онтологическаго смысла знанія Франкъ, повидимому, считаетъ выходящимъ за предѣлы своего гносеологическаго изслѣдованія, хотя и онтологически направленнаго. Есть ли знаніе рационализація бытія и потому умаленіе божественнаго свѣта, отпаденіе отъ божественнаго всеединства или въ знаніи есть положительная прибыль свѣта, возростаніе бытія въ самомъ всеединствѣ? Вотъ проблема, которая должна стать передъ Франкомъ.

II.

Въ концѣ своей книги Франкъ приходитъ къ той истинѣ, что цѣльное знаніе есть жизнь и что основано оно на тождествѣ субъекта и объекта. «Послѣднее, наиболѣе полное знаніе должно быть *жизнью*, ибо сама *истина* бытія есть жизнь»³⁾. «Мнѣ

1) См. С. Франкъ. „Предметъ знанія“, стр. 154.

2) См. тамъ же стр. 155.

3) Стр. 430.

есми само абсолютное бытіе, но лишь въ потенціальной, непроясненной формѣ. Поэтому всякое расширение нашего знанія есть лишь самопроясненіе въ насъ, возвышеніе до чистой, актуализованной сверхвременности, самаго абсолютнаго бытія» ¹⁾. «Абсолютное бытіе и *есть* такое живое знаніе; и потому наше знаніе его есть лишь приобщеніе насъ самихъ къ абсолютному бытію. Своеобразіе такого живого знанія въ томъ и состоитъ, что въ немъ уничтожается противоположность между предметомъ и *знаніемъ о немъ*: *знать* что-либо въ этомъ смыслѣ и значить не что иное, какъ *быть* тѣмъ, что знаешь, или жить его собственной жизнью» ²⁾. Всѣ мистики учили о томъ, что познавать значитъ быть. Фр. Баадеръ, совмѣщавшій въ своемъ лицѣ мистика и философа, училъ, что познавать истину значитъ быть истиннымъ. С. Франкъ оправдываетъ всѣ ступени познанія, отъ самыхъ низшихъ и элементарныхъ до высшихъ ступеней мистическаго сліянія. То, что онъ говоритъ о самой высшей ступени живого знанія, должно пролить свѣтъ на всю природу знанія. И вотъ тутъ остается у него что-то не до конца выясненнымъ. Есть ли высшее, живое знаніе — возвратъ отпавшаго, блуднаго сына въ лоно безконечнаго всеединого бытія, сліяніе съ безконечной божественной жизнью, подобно тому какъ воды рѣкъ сливаются съ водами морей, т. е. въ концѣ-концовъ возвратъ къ изначальной божественной невыявленности, или знаніе есть процессъ творчески-прибыльный для самаго всеединого бытія, для самой абсолютной жизни? Это основная проблема октологической гносеологіи, въ которую упирается всякое изслѣдованіе конечныхъ проблемъ знанія, проблемы раскрытія послѣдняго смысла гнозиса, оправданія знанія. Онтологія Франка достаточно вырисовывается въ этой его книгѣ, чтобы сказать, что у него есть несомнѣнный уклонъ къ пантеистическому монизму, хотя и довольно тонкому, типа Николая Кузанскаго. Но для пантеистическаго монизма непреодолимую трудность представляетъ проблема измѣненія, творческаго движенія, возникновенія новаго, небывшаго, а также и проблема космической множественности индивидуальности. Съ этимъ связана и трудность разрѣшить проблему знанія, какъ творческаго въ онтологическомъ

¹⁾ Стр. 431.

²⁾ См. 432.

смыслъ процесса. Правда, пантеистическій монизмъ Франка совмѣщаетъ въ себѣ всѣ противоположности, обнимаетъ единое и множественное, покой и движеніе. Но въ этомъ совмѣщеніи и объятіи все сглаживается. Во всякомъ монизмѣ есть гладкость, ибо онъ не до конца принимаетъ антиномичность. Проблему творческаго измѣненія, какъ и проблему множественности индивидуальностей, Франкъ разрѣшаетъ слишкомъ упрощенно и легко. Проблемы эти представляютъ для него несоизмѣримо большія трудности.

С. Франкъ считаетъ своими великими учителями Плотина и Николая Кузанскаго, но хотѣлось бы ему болѣе рѣзко поставить вопросъ, въ какой мѣрѣ онъ сознаетъ себя принадлежащимъ къ тому мировому философскому теченію, которое имѣетъ свой древній истокъ въ Парменидѣ? Парменидъ и элеаты отвергли онтологическое значеніе подвижности и множественности, измѣненія и индивидуальнаго многообразія ¹⁾. Истинное метафизическое бытіе было для нихъ единое и неизмѣнное. Множественность и подвижность—прозрачны, онѣ цѣликомъ—достояніе чувственнаго міра. Элеаты создали глубокую и прочную традицію въ исторіи философской мысли. Вслѣдъ за элеатами метафизики видѣли истинное бытіе въ единомъ-неподвижномъ; множественность же и подвижность цѣликомъ была предоставлена эмпирикамъ: Франкъ причисляетъ себя къ сектѣ платониковъ. Но платонизмъ въ значительной степени принадлежитъ Парменидовскому теченію. Платонизмъ—статиченъ. Міръ вѣчныхъ идей, прообразовъ бытія—бездвижно-пребывающій міръ, небесно-статическій. Высшія достиженія античной мысли были статичны, а не динамичны. Эллинскій міръ—статически замкнутый міръ. Изначальная эллинская эстетика, опредѣлившая все эллинское міросозерцаніе, не динамична. Христіанство внесло динамическій принципъ въ замкнутое эллинское міросозерцаніе, которое само никогда не вышло бы за свои предѣлы. Но и внутри христіанскаго міросозерцанія огромное мѣсто принадлежитъ статическому платонизму. Статическій дуализмъ Платона, изъ котораго тщетно искалъ самъ Платонъ динамическаго выхода въ ученіи объ

¹⁾ См. „Доксографика“. Историко-критическій обзоръ и переводъ фрагментовъ доксографическаго и биографическаго матеріала. А. Маковельскаго. Часть вторая. Элеатовскій періодъ. Благодаря труду г. Маковельскаго по русски сдѣлалась доступна досократовская философія.

эросъ, былъ высочайшей трагедіей античнаго міра, уготовлявшей христіанское сознаніе, въ существѣ своемъ динамическое. Но противоположности соприкасаются и переходятъ другъ въ друга. Безысходный дуализмъ переходитъ въ крайній монизмъ. Одинъ изъ выходовъ изъ статическаго дуализма двухъ міровъ—міра единства и пребыванія, и міра множественности и измѣнчивости—это—монизмъ, для котораго лишь одинъ міръ—истинный и подлинный, другой же міръ—ложный и призрачный. Внутри христіанскаго міросознанія и міроощущенія статическій монизмъ нашель себѣ самое совершенное и самое радикальное выраженіе въ мистикѣ Экхардта. Для сознанія Экхардта всякое творческое движеніе и всякая множественность и индивидуальность есть отпаденіе отъ Божества, отъ всеединства, и потому призрачны. Въ философїи же этотъ типъ изначальной эллинской мысли преобладалъ въ разныхъ формахъ. Онъ торжествуетъ и у Когена и марбургской школы.

Я знаю что Франкъ—сторонникъ динамическаго монизма, въ которомъ всеединство объемлетъ всякое измѣненіе и всякую множественность. Міросозерцаніе Франка нельзя причислить къ чисто Парменидовскому типу. Но все же онъ ближе къ духу Парменида, чѣмъ къ духу Гераклита, основоположника другого мірового теченія, менѣе классическаго и менѣе господствующаго въ метафизикѣ, чѣмъ теченіе перваго типа. Въ великомъ провидцѣ Гераклитѣ, все еще не до конца понятомъ, античный міръ вышелъ за свои предѣлы и ему приоткрылась метафизическая природа динамическаго процесса ¹⁾. Но его прозрѣнія не опредѣлили античнаго міросозерцанія. Въ иномъ уже мірѣ, въ иныя эпохи онъ остается близокъ всѣмъ тѣмъ, кому близка стихія огня. Гераклитовскій духъ, духъ огненный и динамическій, можно открыть въ гнозисѣ Я. Беме. Въ новѣйшей философїи динамизмъ этаго типа міросозерцанія нашель себѣ блестящее выраженіе въ философїи Бергсона. Борьба съ платонизмомъ—одинъ изъ основныхъ мотивовъ бергсоновской философїи. Философскій революціонизмъ Бергсона нужно видѣть прежде всего въ томъ, что основной тезисъ Парменида, такъ сильно повліявшій на Платона и на всю исторію метафизики, онъ переворачиваетъ вверхъ ногами. Большая часть метафизиковъ держится

¹⁾ См. „Досократики“. Часть первая, стр. 116—180.

Парменидовскаго типа міросозерцанія, т. е. неизмѣнность и пребываніе считаютъ характернымъ для метафизическаго бытія, измѣненіе же и движеніе цѣликомъ относятъ къ бытію эмпирическому, чувственному. Поэтому тезисъ противоположный Пармениду и Платону обосновывали лишь эмпирики, позитивисты и матеріалисты. Такое рѣшительно анти-Парменидовское направленіе было и анти-метафизическимъ направленіемъ. Статическая концепція абсолютнаго бытія, какъ бездвижнаго, была признана классической въ метафизикѣ. Бергсонъ выставилъ тезисъ совершенно обратный. Неподвижность онъ считаетъ характерной для нашего пространственнаго міра. Наука, основанная на опытѣ и дискурсивнымъ мышленіи, безсильна постигнуть движеніе, т. е. для нея закрыта сущность жизни. Сущность жизни открывается лишь для интуитивной метафизики, какъ жизненный порывъ, какъ творческое развитіе, какъ движеніе, какъ чистая длительность. Неподвижность есть фикція, создаваемая наукой посредствомъ перевода времени на пространство, въ которомъ творческое движеніе жизни какъ бы застываетъ. Жизнь есть движеніе по метафизической своей сущности. Для Бергсона метафизическая сущность бытія—жизнь, а не идея. И абсолютная, божественная жизнь тоже должна быть постигнута, какъ движеніе, какъ жизнь огненная. Бергсонъ не доходитъ до этого, но его типъ міросозерцанія рѣшительно влечетъ къ рѣшенію всѣхъ вопросовъ въ анти-парменидовскомъ духѣ. Метафизическое знаніе не есть созерцаніе вѣчныхъ идей, прообразовъ бытія, неподвижнаго солнца. Метафизическое знаніе погружаетъ въ потокъ становленія, въ творческій потокъ жизни. Само это знаніе можетъ быть понятно, какъ активное соучастіе въ динамическомъ процессѣ жизни, жизни абсолютной. Въ этомъ типѣ міросозерцанія знаніе не есть возвратъ въ лоно всеединства и не сліянiе съ абсолютной жизнью, а динамическій жизненный процессъ самаго абсолютнаго бытія, творческое событіе внутри самого бытія. У Бергсона нѣтъ такого ученія о природѣ знанія и его гносеологія двойственна и не сильна. Но по духу своему онъ—въ творчески-динамическомъ теченіи.

Франкъ хотѣлъ бы синтезировать тѣ два типа міросозерцанія, которые я характеризовалъ, какъ Парменидовское и Гераклитовское. Стремленія Франка—синтетическія и широкія, онъ не

хочетъ никакихъ крайностей. Но нельзя сказать, что такой синтезъ удался ему, что онъ обнялъ противоположности. Философскій темпераментъ Франка,—созерцательно-тихий, болѣе влечетъ его къ типу Парменидовскому, чѣмъ Гераклитовскому. Онъ принадлежитъ къ сектѣ платониковъ и недостаточно созналъ, что многое въ платонизмѣ должно быть радикально преодолено. Абсолютное, божественное бытіе раскрывается Франку не какъ творческое становленіе, не какъ драма рождающихся ликовъ, движущихся Упостасей, не какъ драма динамической множественности въ единомъ, а прежде всего какъ всеединство, какъ единое, пребывающее за всякой множественностью и за всякимъ движеніемъ. Онъ видитъ лучъ свѣта, исходящій отъ абсолютнаго бытія, но одинъ только лучъ. Основная философская настроенность Франка—античная, въ духѣ неоплатонизма. Это—очень благородная философская настроенность и въ ней есть непреходящая истина. Но не все видно такимъ образомъ настроенному и направленному сознанию. Античный міръ, изначально погруженный въ множественность, искалъ единого и пребывающаго и на вершинѣ своей приблизился къ Единому. Міръ христіанскій, въ которомъ родился новый человѣкъ, нашелъ Единое и отъ Единого идетъ онъ къ множественному и движенію. Платонизмъ въ новомъ, христіанскомъ мірѣ не динамиченъ. Платонизмъ можетъ быть понятъ, какъ философія рода, общеродового въ онтологическомъ, а не только въ логическомъ смыслѣ этого слова ¹⁾. Но для онтологической философіи рода недоступна проблема индивидуальности, уходящей въ самую глубину абсолютно божественной жизни. Въ философіи рода не раскрывается ликъ человѣка. Это чувствуется и у Франка.

III.

У Франка не только рѣшена, но и не поставлена гносеологическая и онтологическая проблема человѣка. Человѣкъ тонетъ во всеединствѣ. Образъ человѣка, ликъ человѣка не возстаетъ ни въ системѣ знанія, ни въ системѣ бытія. *Specificum* человѣка

¹⁾ См. интересную интерпретацію платонизма у свящ. П. Флоренскаго „Смыслъ идеализма“. Юбилейный сборникъ Имп. Моск. Академіи. Серг. Посадъ, 1914 г.

не раскрывается. Монизмъ всегда поглощаетъ человѣка, онъ освобождаетъ его на мгновеніе, чтобы потомъ окончательно истребить. Въ современной философіи идетъ борьба не только противъ психологизма, но и противъ антропологизма. Эта борьба ведется Когеномъ—однимъ путемъ, Гуссерлемъ—другимъ путемъ, монизмомъ Дреусовскаго типа—третьимъ путемъ. Но возможно ли совершенно отклонить антропологическую природу нашего познанія, возможно ли совершенно очистить знаніе отъ человѣка и совершенно отрицать, что познаетъ человѣкъ, что познаніе есть активность человѣка въ мірѣ? Я склоненъ думать, что это невозможно. Не слѣдуетъ смѣшивать антропологизмъ съ психологизмомъ. Преодоленіе психологизма необходимо и плодотворно, преодоленіе же антропологизма всегда есть самообманъ. И философія должна сдѣлаться сознательно антропологической. Для этого самъ человѣкъ долженъ быть повышенъ въ рангѣ. Природа человѣка—онтологическая, а не психологическая. И человѣкъ—онтологическая, а не психологическая предпосылка познанія. Человѣкъ—впостась самага абсолютнаго бытія, сынъ Божій, вѣчно рождающійся въ Отцѣ. Эта сыновья божественная впостась—едина въ Христѣ, множественна въ человѣкахъ. И эта антиномія единаго лика и множества ликовъ должна быть до конца принята. Антропологическое начало обогащаетъ само всеединое бытіе. Познаніе человѣка, какъ творческая активность человѣка, не можетъ быть простымъ сляніемъ съ всеединомъ, приобщеніемъ къ абсолютному бытію. Актъ познанія, какъ творческій актъ, есть что-то новое въ самомъ всеединствѣ, въ самомъ абсолютномъ бытіи, въ самой божественной дѣйствительности, есть движеніе, прорывъ въ ней. Знаніе имѣетъ онтологическую природу и по онтологическому своему смыслу оно есть свѣтъ во тьмѣ, солнечный лучъ въ темныхъ нѣдрахъ бытія. А отъ солнечнаго свѣта все возрастаетъ и цвѣтетъ ¹⁾.

Не бытіе имманентно знанію, а знаніе имманентно бытію,— оно есть внутреннее творческое событіе въ бытіи. Знаніе же противостоитъ бытію, оно совершается съ бытіемъ, какъ внутренній загорающійся въ немъ свѣтъ. Допустимъ трансцендентность бытія знанію, какъ сферы неосвѣщенной знаніемъ. Но

¹⁾ См. мою книгу „Смыслъ творчества. Опытъ оправданія человѣка.“

окончательно должна быть преодолѣна трансцендентность знанія бытію, т.-е., та внѣположность и противоположность знанія бытію, при которой знаніе не можетъ играть творческой роли въ бытіи, а можетъ лишь или отражать и выражать бытіе или приобщаться къ бытію и сливаться съ нимъ. Творческую роль въ бытіи знаніе можетъ играть лишь въ томъ случаѣ, если оно глубоко внутренне бытію, если оно есть бытіе, самозагорающийся свѣтъ въ бытіи. Но въ предѣлахъ гносеологіи истина эта не можетъ быть раскрыта до конца. Онтологія же Франка въ силу ея мистически-пантеистическаго уклона не раскрываетъ творческо-динамической природы знанія, какъ акта человѣка, въ которомъ возгорается свѣтъ. Въ его онтологіи не намѣчается мѣста для антропологіи. Та точка зрѣнія, которую я намѣчаю, должна привести къ признанію не только космической, но и космогонической природы знанія. Черезъ свѣтъ знанія хаосъ оформляется въ космосъ. И понимать это нужно не въ Кантовскомъ смыслѣ привнесенія формъ субъекта въ матерію объекта, а какъ событіе самого бытія, какъ процессъ становленія въ немъ. Кантовская точка зрѣнія по внѣшности активна, въ дѣйствительности же она лишаетъ знаніе всякой активности въ бытіи. Абсолютное тождество бытія и знанія тоже лишаетъ знаніе творческаго характера. Если бытіе просто тождественно знанію, то у знанія нѣтъ никакой задачи въ бытіи. Творческая природа знанія предполагаетъ реализмъ, а не идеализмъ. И поскольку Франкъ реалистъ, онъ расчищаетъ почву для творческаго пониманія знанія. Но у него человѣкъ на вершинѣ своего познанія сливается съ абсолютнымъ, приобщается къ всеединству. Для него не стоитъ вопроса о томъ, что человѣкъ, его знаніе и его творческая активность есть новое въ движеніи абсолютнаго. Другая точка зрѣнія принуждена смотрѣть на человѣка, какъ на отпаденіе отъ абсолютнаго, какъ на умаленіе всеединства. Человѣка не видно въ концепціи Франка. Мало сказать, что знаніе есть жизнь, бытіе. Нужно признать, что знаніе есть разсвѣтъ бытія, возрастаніе жизни. Въ свѣтѣ знанія черезъ антропогонію въ вѣчности совершается теогонія и космогонія. Знаніе въ послѣдней своей бытіиственной глубинѣ есть богорожденіе въ тьмѣ, загораніе солнца внутри темнаго бытія или темной бездны, которая глубже всякаго бытія. На мистической почвѣ рожденная идея *Ungrund* а плодотворна и для гносеологіи и для

онтологіи, въ нее упирается всякое утвержденіе динамическаго процесса въ божественной жизни, всякое утвержденіе творчества ¹⁾).

IV

Въ началѣ былъ свѣтъ, логось, но до начала, еще глубже—тьма, бездна, Ungrund. Свѣтъ въ вѣчности рождается изъ темной безконечности, изъ темной основы бытія. Изначальная тьма не есть зло, зло рождается уже послѣ появленія свѣта, какъ его тѣнь. Приливы темныхъ волнъ безосновной основы бытія, бездоннаго его дна ставятъ динамическія, творческія задачи преодоленія, оформленія, просвѣтленія. Знаніе потому имѣетъ творческую природу, что оно должно одолѣвать этотъ вѣчный напоръ тьмы, пронизывать его свѣтомъ, оформлять этотъ изначальный хаосъ. Свѣтъ знанія есть божественный свѣтъ и можно изслѣдовать его лучи. Свѣтъ знанія есть также человѣческій свѣтъ. Ибо рожденіе свѣта во тьмѣ въ разныхъ своихъ моментахъ есть рожденіе Бога и рожденіе человѣка, теогоническій и антропогоническій процессъ, какъ моментъ одного и того же, одинаго процесса. Нельзя познать тьму и оставить тьму въ изначальномъ, непросвѣтлѣнномъ состояніи,—познаніе тьмы есть уже просвѣтлѣніе. Вотъ почему онтологической первоосновой знанія не можетъ быть признано божественное всеединство, какъ того хочетъ Франкъ. У него знаніе не имѣетъ творчески-активной задачи и творческо-активной природы, потому что онъ мыслитъ изначальное безконечное, какъ божественное всеединство, какъ божественную полноту, какъ извѣчно пребывающій свѣтъ. Темное для Франка существуетъ лишь какъ условно-трансцендентное, еще неузнанное, т.-е. въ концѣ-концовъ какъ недостаточное и неполное наше приобрѣтеніе къ всеединству. И гносеологическую плодотворность категоріи изначальной тьмы нужно видѣть въ томъ, что, лишь принявъ ее, можно постигнуть творчески-динамическую природу знанія. Всеединство у Франка не имѣетъ никакой въ себѣ темной природы, темной основы, въ немъ нѣтъ никакой бездны, изъ которой вѣчно бьютъ темные источники. Поэтому знаніе можетъ быть лишь приобщеніемъ къ всеединству, слияніемъ съ нимъ. Всеединство

¹⁾ Источникомъ гениальныхъ откровеній объ изначальной безднѣ, которая глубже Бога, является Я. Беме.

созерцается статически. Признаніе же темной бездны есть признаніе вѣчнаго источника динамическаго процесса. Извѣчно свѣтлое безконечное не можетъ вести ни къ какому процессу и въ немъ не можетъ зародиться никакое движеніе. Основой знанія не можетъ быть признано всеединое бытіе; этой основой можетъ быть признанъ лишь безосновно рождающійся божественный свѣтъ въ безосновной тьмѣ бытія. Этотъ свѣтъ загорается въ человѣкѣ, какъ микрокосмѣ. Это и значить, что въ основѣ знанія лежитъ свобода, а не необходимость.

Великія откровенія Я. Беме плодотворны для развитія не только онтологіи, но и гносеологіи. Гносеологія существенно нуждается въ предѣльномъ понятіи бездонной тьмы. И непродоходящее значеніе послѣкантиантскаго германскаго идеализма нужно видѣть въ томъ, что онъ философски принялъ Бемевскую прививку, хотя и не до конца раскрылъ все что вытекаетъ отсюда. Фихте, Шеллингъ и Гегель погружаютъ абсолютное въ потокъ становленія, открываютъ въ абсолютномъ движеніе, т.-е. постигаютъ его динамически. Такимъ образомъ преодолевается статичность античнаго міросозерцанія. Но въ германскомъ идеализмѣ была ограниченность, помѣшавшая ему разрѣшить другую основную проблему. Германскій идеализмъ не только не рѣшилъ, но и не поставилъ проблему человѣка. Онъ признаетъ одну божественную природу, представляетъ собой монофизитскую ересь. Онъ преодолеваетъ статическое міросозерцаніе и переходитъ къ динамическому міросозерцанію, но остается философіей рода: проблема индивидуальности оказывается для него непосильной. Въ идеализмѣ не виденъ ликъ человѣка. Это связано съ антиноміей единого и множественнаго. Германскій идеализмъ не принялъ до конца этой антиноміи и утопилъ множественное въ единомъ, утопилъ человѣка въ Божествѣ. Монофизитство не принимаетъ антиноміи.

И у Франка есть монофизитскій уклонъ. Единое съѣдаетъ у него множественное, Божество съѣдаетъ человѣка. Его философія — все же родовая философія, философія единого-общаго, въ ней нѣтъ выхода въ индивидуальное бытіе. Франкъ слишкомъ вѣрится въ абсолютную теорію познанія. Эта вѣра коренится у него въ томъ, что онъ не связываетъ своей теоріи познанія съ проблемой человѣка. Но не можетъ быть абсолютной теоріи познанія. Теорія познанія слѣдуетъ за познаніемъ чело-

вѣка, она отражаетъ разныя степени познанія. Степени познанія зависятъ отъ возраста человѣка и отъ измѣненій человѣческой природы, не эмпирическихъ только измѣненій, но и онтологическихъ. Претензіи Канта и кантіанцевъ построить абсолютную теорію познанія на фактъ науки, взятой въ формѣ математическаго естествознанія, должны быть рѣшительно отклонены. Расширеніе науки, колебанія въ самыхъ основахъ ея, при которыхъ мы присутствуемъ, рѣшительно мѣняють и теорію познанія. Человѣческому сознанію не можетъ быть поставлено никакихъ навязанныхъ границъ, оно погружено въ безконечность и безмѣрность. Та «общеобязательность», которую открываетъ кантіанство и которой оно хотѣло бы придать абсолютный характеръ, есть прежде всего социально-родовая категорія, она цѣликомъ стоитъ въ зависимости отъ ступени социальной общности людей. И гносеологизмъ и онтологизмъ можетъ быть статическимъ закрѣпленіемъ познанія и ограниченіемъ безмѣрной жизни. Нужно признать большой заслугой Франка, что онъ борется съ искусственными ограниченіями, что онъ ведетъ познаніе къ безграничности и безмѣрности. Но бѣда въ томъ, что всеобъемлющее, безграничное и безмѣрное всединство Франка не только ограничиваетъ, но и поглощаетъ индивидуальное бытіе, топить въ своемъ океанѣ всякій ликъ. Всякое знаніе для Франка есть знаніе всединства. Это превосходно раскрыто Франкомъ. Но имъ недостаточно раскрыто знаніе индивидуальнаго. Очень плодотворно было бы показать, что знаніе индивидуальнаго есть знаніе абсолютнаго и есть абсолютное знаніе. Черезъ интуитивное познавательное вживаніе въ индивидуальное и конкретное происходитъ погруженіе въ божественную жизнь. Образъ божественной жизни есть прежде всего образъ индивидуальнаго, а не общаго. Все это у Франка недостаточно ясно. Мысли парменидовскаго типа поглощаютъ тѣ цѣнныя возможности, которыя пріоткрываются въ теоріи познанія Франка. Но всѣ недостатки философіи Франка не мѣшаютъ признать большое значеніе за его книгой. Онъ принимаетъ наслѣдіе великихъ философскихъ противоположностей. Два типа міросозерцанія сталкиваются въ немъ, но одинъ изъ нихъ, тотъ типъ, который я характеризовалъ, какъ Парменидовскій, все еще преобладаетъ. Въ книгѣ его во всякомъ случаѣ есть истинно-философскій духъ, есть философская жизнь. Онъ свѣжѣе и свободнѣе современныхъ.

нѣмецкихъ гносеологическихъ книгъ, на ней не лежитъ печати школьной ограниченности. Вдохновляться Платономъ и Николаемъ Кузанскимъ плодотворнѣе, чѣмъ вдохновляться Когеномъ, Риккертомъ или Гуссерлемъ. Въ книгѣ Франка есть освобождающее снятіе границъ. Въ наше время, когда иные философы нерѣдко превращаются въ таможенныхъ чиновниковъ и въ пограничную стражу, это большая заслуга. И въ этой книгѣ чувствуется подлинное созерцаніе безконечной божественной жизни.

Николай Бердяевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ.

Г. Шпетъ. Исторія какъ проблема логики. Ч. I. Матеріалы. М. 1916.

Въ своемъ сочиненіи Г. Г. Шпетъ впервые въ русской философской литературѣ изслѣдуетъ огромной важности вопросъ о томъ, можетъ ли исторія, имѣющая своимъ предметомъ единичное, считаться наукой въ то время, какъ традиціонная логика предметомъ науки считаетъ общее.

Въ настоящемъ первомъ томѣ своего труда авторъ представилъ матеріалы для разрѣшенія указаннаго вопроса. Для этой цѣли онъ разсмотрѣлъ состояніе проблемы исторіи, какъ науки, въ XVIII вѣкѣ, въ связи съ господствовавшими въ то время философскими теченіями: эмпиризмомъ и рационализмомъ.

Во введеніи авторъ разъясняетъ съ философской точки зрѣнія сущность проблемы исторіи, какъ науки. Охарактеризовавъ господствующее въ настоящее время философское направленіе, какъ отрицательное, онъ находитъ, что именно отрицательное направленіе въ философіи препятствуетъ установленію правильной точки зрѣнія на исторію, какъ науку. Затѣмъ, разсмотрѣвши въ общихъ чертахъ предметъ логики, онъ дѣлаетъ попытку разграничить области различныхъ дисциплинъ, частью философскихъ, которыя связаны съ проблемой исторіи. Здѣсь у него выдѣляются три такихъ дисциплины: 1) философія исторіи, 2) методика исторіи, которую онъ называетъ также „историкой“ или исторической эвристикой, и, наконецъ, 3) логика исторіи, имѣющая своимъ предметомъ проблему исторіи, какъ науки. Эти три дисциплины, хотя и очень тѣсно связаны другъ съ другомъ,

однако требуютъ строгаго разграниченія своихъ областей. Различіе между ними сводится къ слѣдующему. Философія исторіи имѣетъ своимъ предметомъ историческій процессъ. Методика исторіи—это совокупность правилъ научной разработки исторіи. Логика и историка отличаются отъ философіи исторіи тѣмъ, что имѣютъ своимъ предметомъ исторію, какъ науку, а философія исторіи имѣетъ своимъ предметомъ эмпирическую дѣйствительность (стр. 15—53).

Произведя отдѣленіе философіи исторіи отъ «историка» и отъ логики исторіи, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію развитія проблемы исторіи, какъ науки.

Существуетъ мнѣніе, что все міровоззрѣніе XVIII вѣка лишено историческихъ корней и историческаго смысла. Авторъ, разсмотрѣвъ связь исторической проблемы въ XVIII вѣкѣ съ философскими направленіями того времени, приходитъ къ выводу, что это утвержденіе не соотвѣтствуетъ фактамъ. Затѣмъ, пытаясь рѣшить вопросъ, при какихъ философскихъ предпосылкахъ обезпечивается развитіе и существованіе исторіи, какъ науки, онъ разсматриваетъ связь проблемы исторіи съ различными философскими теченіями.

Можно было бы ожидать, что въ *эмпирической* философіи логика исторіи должна была бы найти свое признаніе и болѣе глубокую обработку на томъ основаніи, что сама исторія представляетъ собою эмпирическую науку. Но, по мнѣнію автора, это не могло быть потому, что въ эмпирической логикѣ не ставились принципиальные вопросы относительно понятія объясненія, относительно характера причинности и т. п. Поэтому ни Беконъ ни Юмъ не дали основъ для построенія логики исторіи. Въ эмпиризмѣ «для научной исторіи нѣтъ идеи внутренняго фактора, лежащаго въ самомъ историческомъ процессѣ и не только объединяющаго, но и объясняющаго его». Этотъ вопросъ поставилъ и разрѣшилъ только *раціонализмъ*, который, будучи тѣсно связанъ съ логикой, долженъ былъ натолкнуться на проблему историческаго знанія. Только раціонализмъ могъ усмотрѣть проблему въ единичномъ. Авторъ останавливается главнымъ образомъ на раціонализмѣ Вольфа и именно на его ученіи о *ratio*. *Ratio*, по мнѣнію Вольфа, обнаруживается въ сущности самой вещи (*essentia*). «Сущность вещи является носителемъ разумнаго основанія вещей и, слѣдовательно,

источникомъ ихъ внутренняго объясненія». Единичные, не повторяющіеся факты исторіи подлежатъ разумному объясненію, но притомъ не только изъ причинъ, но и изъ *essentia*. Такимъ образомъ, и единичное, предметъ исторіи, не исключаетъ возможности рациональнаго объясненія. Поэтому исторія не только получаетъ право быть включенной въ рядъ другихъ эмпирическихъ наукъ, но и въ рядъ наукъ, выходящихъ за предѣлы одного только описанія и принципиально требующихъ также теоретическаго объясненія.

Авторъ подробно излагаетъ (гл. 3-я) взгляды *Хладеніуса*, который именно рассматривалъ исторію съ рационалистической точки зрѣнія и пытался установить значеніе единичнаго, какъ предмета историческаго познанія. Событія, составляющія предметъ исторіи, по мнѣнію *Хладеніуса*, суть измѣненія. Но измѣненія предполагаютъ нѣкоторую длящуюся сущность или субстанцію. Исторія, слѣдовательно, предполагаетъ нѣкоторый субъектъ, къ которому относятся событія. Историческія положенія, рассказы и т. д. должны имѣть нѣкоторый субъектъ, объ измѣненіяхъ котораго они повѣствуютъ. Такимъ различіемъ «сущности» историческихъ процессовъ и событій, какъ проявленій этой «сущности», *Хладеніусъ* вводитъ въ методологію исторіи возможность рациональнаго объясненія.

Затѣмъ авторъ рассматриваетъ связь философіи исторіи съ *рационализмомъ* (гл. 4-я). Рационалистическая философія оказала направляющее вліяніе на научную историческую работу въ томъ смыслѣ, что философы и историки перешли къ такимъ изложеніямъ, которыя хотятъ уловить только «сущность» или «смыслъ», основныя нити хода историческихъ событій. Первымъ опытомъ философскаго изложенія исторіи на почвѣ рационализма было сочиненіе *Изелина*. Его послѣдователемъ является *Вегельтъ*, который равнымъ образомъ даетъ рационалистическое объясненіе исторіи. Связь проблемы исторіи, какъ науки, съ рационализмомъ совершенно ясна изъ взглядовъ *Гердера*, который, правда, занимается по преимуществу вопросами философіи исторіи, но изъ нихъ вытекаютъ рационалистическіе взгляды *Гердера* на исторію, какъ науку. *Гердеръ* признаетъ специфичность предмета исторіи и того разумнаго основанія, которое должно лежать въ основѣ историческихъ объясненій.

Въ заключеніи 1-го тома своего излѣдованія авторъ рассма-

триваетъ отношеніе взглядовъ *Канта* къ проблемѣ исторіи. Критическая философія Канта, въ противоположность вольфовской рационалистической системѣ, не только не оставляла мѣста для рѣшенія теоретической проблемы исторіи, но прямо должна была препятствовать ея включенію въ число теоретическихъ проблемъ философіи. Авторъ не согласенъ со взглядомъ Виндельбанда и Риккерта, по которому философія исторіи вырастаетъ на почвѣ кантовскаго критицизма; онъ думаетъ, что философія исторіи возникаетъ на почвѣ философіи *Шеллинга*. Шеллингъ воспользовался основной мыслью рационализма, именно его ученіемъ о *ratio*, и подошелъ къ мысли, что исторія есть осуществленіе разума въ дѣйствительности.

Собственная точка зрѣнія автора можетъ быть названа платонизмомъ или рационализмомъ. По его мнѣнію, платоновская идея можетъ быть объясняющимъ началомъ, можетъ раскрываться въ историческомъ процессѣ, можетъ быть имманентной силой въ исторіи, и философія исторіи, какъ ученіе о ней, есть теорія познаваемого (стр. 60).

По вопросу о томъ, былъ ли XVIII вѣкъ вѣкомъ историческимъ, авторъ ставитъ въ упрекъ историкамъ философіи выводной характеръ ихъ умозаключеній. Они не рассматривали фактического состоянія науки исторіи, чтобы показать, что XVIII вѣкъ былъ вѣкъ неисторическій. Между тѣмъ собственныя построенія автора также отличаются только выводнымъ характеромъ. Онъ не рассматриваетъ фактического состоянія науки исторіи, чтобы показать, что XVIII вѣкъ былъ вѣкъ историческій, но только рассматриваетъ, съ какими философскими направленіями соединима проблема исторіи. Сущность его взглядовъ сводится къ слѣдующему. Предметъ исторіи требуетъ внутренняго обоснованія. Такое-обоснованіе можетъ дать только рационализмъ. Въ XVIII вѣкѣ господствующимъ направленіемъ былъ рационализмъ, а потому XVIII вѣкъ былъ вѣкъ историческій. Если бы XVIII вѣкъ былъ исключительно эмпирическимъ, то въ силу феноменализма этого послѣдняго онъ не былъ бы историческимъ, т.-е. не было бы науки исторіи, или, вѣрнѣе сказать, не было бы теоріи исторіи.

Въ доказательствѣ этой мысли, которому посвящена вся 1-я часть изслѣдованія автора, можно отмѣтить нѣкоторое отклоненіе отъ намѣченнаго плана.

Если цѣль автора заключалась въ томъ, чтобы отыскать философскія предпосылки научной исторіи, т.-е. разрѣшить вопросъ о томъ, при какихъ предпосылкахъ логическихъ, или, вѣрнѣе, онтологическихъ, возможна научная исторія, и если для разрѣшенія этого вопроса онъ разсматриваетъ связь развитія научной исторіи съ тѣми или иными философскими теченіями, то въ такомъ случаѣ, кажется, было бы вполне цѣлесообразно разсмотрѣть всю исторію вопроса, между тѣмъ авторъ ограничился разсмотрѣніемъ только XVIII вѣка. Кажется, какъ будто авторъ полемизируетъ только съ Риккертомъ и Виндельбандомъ, которые настаивали на неисторичности XVIII вѣка. Между тѣмъ читатель остается въ невѣдѣніи, не была ли проблема логики исторіи затронута раньше.

Отсутствіе разсмотрѣнія взглядовъ Вико, писателя XVIII вѣка, замѣтитъ всякій внимательный читатель. Самъ авторъ на стр. 27 говоритъ: „Въ исторической наукѣ методологическое самоопредѣленіе начинается съ отграниченія историческаго метода и историческаго предмета прежде всего отъ методовъ математическаго и естественно-научнаго“. Въ такомъ случаѣ разсмотрѣніе взглядовъ Вико представило бы безспорную важность. Вотъ что говоритъ Vico по поводу метода Декарта: «vouloir tout assujettir à la méthode géométrique, c' est tomber dans l' excès opposé... d' employer la méthode, mais une méthode diverse selon la nature des choses». Здѣсь имѣется какъ разъ то, что авторъ считаетъ необходимымъ для философскаго самоопредѣленія исторіи. Между тѣмъ онъ ограничивается только тѣмъ, что въ примѣчаніи на стр. 124 говоритъ: «у Vico имѣется признаніе специфичности социальной науки». Не вполне оправданнымъ является отсутствіе разсмотрѣнія взглядовъ Лейбница на исторію. У автора были всѣ основанія для разсмотрѣнія именно взглядовъ Лейбница. Лейбницъ поставилъ проблему объясненія единичнаго. Его Теодицея есть въ извѣстномъ смыслѣ философія исторіи. Кромѣ того, извѣстно, что онъ самъ занимался конкретными историческими изслѣдованіями. Въ такомъ случаѣ чрезвычайно важно было опредѣлить отношеніе Лейбница къ исторіи. Не помѣшалъ ли Лейбницу именно его рационализмъ видѣть въ исторіи науку?

Нельзя понять, для какой цѣли авторъ подвергаетъ подробному анализу взгляды Монтегкье, разъ самъ относится къ нему

просто отрицательно. (Стр. 111. «Произвольно видѣть въ Монте-скье основателя историческаго метода.» 116. «У Монте-скье вообще не было желанія выдѣлять объектъ исторіи, какъ особаго рода научный предметъ»). Равнымъ образомъ не вполне понятно, въ какой связи находятся взгляды Руссо съ основной задачей автора. Точно такъ же не ясно, для какой цѣли приведены взгляды Фергюсона и Гома, разъ, по признанію самого автора, мы у нихъ ничего не получаемъ для освѣщенія интересующихъ насъ проблемъ исторіи и философіи исторіи (стр. 319). Можетъ быть, разсмотрѣніе взглядовъ этихъ писателей нужно автору для послѣдующихъ частей его труда?

Затѣмъ, мы замѣчаемъ у автора мѣстами недоговоренность, напр., относительно значенія эмпиризма для исторіи. Желая доказать, что эмпиризмъ не соединимъ съ исторіей, какъ наукой, авторъ беретъ различные моменты. 1) У Бэкона понятіе формы имѣетъ характеръ метафизическій, и притомъ матеріалистическій. 2) У Юма нѣтъ понятія индивидуальной причины. (стр. 81. «Юмъ тѣмъ болѣе затрудняетъ себѣ представленіе исторической, т.-е. единично обнаруживающейся причинности, что... причинная связь устанавливается путемъ механическаго повторенія»). Кроме того, Юмъ—феноменалистъ. Этотъ способъ разсмотрѣнія кажется недостаточно убѣдительнымъ. Въмѣсто того, чтобы отыскать то общее, что въ эмпиризмѣ являлось препятствіемъ для исторіи, онъ разсматриваетъ каждого эмпирика въ отдѣльности. Далѣе, авторъ приводитъ въ примѣръ Болингброка, какъ иллюстрацію неудачнаго приложенія принциповъ эмпиризма, но иногда называетъ его локкянцемъ, иногда бэконянцемъ. Примѣръ былъ бы убѣдительнымъ только въ томъ случаѣ, если бы Болингброкъ дѣлалъ попытку именно примѣнить бэконовское понятіе причинности.

Если авторъ утверждаетъ, что эмпиризмъ вообще не можетъ дать «объясненія», а потому онъ не можетъ служить базисомъ исторіи, то съ этимъ также нельзя согласиться. Объясненія Милля изъ психологическихъ причинъ и аналогичное объясненіе Вундта могутъ считаться вполне удовлетворительными, именно, какъ «объясненіе» въ наукѣ исторіи. Авторъ справедливо утверждаетъ, что только объясненіе единичнаго дѣлаетъ изъ исторіи науку. Но объясненіе изъ психологическихъ причинъ, по мнѣнію автора, есть даже вовсе не объясненіе; оно было

бы пріемлемымъ въ томъ случаѣ, если бы оно было онтологическимъ. Съ авторомъ можно было бы вполне согласиться, если бы рѣчь шла не объ исторіи, какъ наукѣ, а о философіи исторіи. Для исторіи на первой стадіи объясненіе должно имѣть все таки характеръ эмпирической.

Такую же недоговоренность можно отмѣтить и по отношенію къ рационализму. Авторъ утверждаетъ, что обыкновенно рационализмъ понимаютъ неправильно, именно предполагаютъ, что по рационализму все познаніе цѣликомъ получается изъ разума, такъ что на долю чувственного опыта ничего не остается. Авторъ вноситъ поправку и утверждаетъ, что рационализмъ прекрасно понималъ, что расширеніе познанія происходитъ благодаря именно опыту (стр. 176). Значеніе чувственного момента для рационализма всегда было признаваемо въ достаточной мѣрѣ и раньше. Даже Кенигъ, который, по мнѣнію автора, ошибочно излагаетъ Вольфа какъ разъ именно въ этомъ пунктѣ, обращаетъ вниманіе на то, что въ ученіи Вольфа чувственный моментъ допускался. «Опытъ допускается на ряду съ логической дедукціей и собственно этимъ уничтожается то условіе, что дѣйствіе узнается изъ причины». (*Geschichte des Causalproblems*, В. II стр. 132).

Авторъ подробно излагаетъ ученіе Вольфа, между тѣмъ роль Вольфа для теоріи исторіи остается невыясненной. Съ одной стороны, по мнѣнію автора, рационализмъ Вольфа не исключаетъ истолкованія историческаго познанія. Съ другой стороны, послѣдователи Вольфа утверждали, что «исторія не есть наука». Подробное изложеніе Вольфа заставляетъ думать, что какъ будто бы авторъ переноситъ центръ тяжести на рационализмъ Вольфа. Не умалено ли здѣсь значеніе Лейбница? Не оказывалъ-ли вліяніе на послѣдующихъ писателей Лейбницъ безъ посредства Вольфа? Послѣдующіе писатели, вліяніе которыхъ на теорію исторіи несомнѣнно, напр., Хладеніусъ, Изелинъ, Гердеръ, по замѣчанію самого автора, суть лейбниціанцы (стр. 266, 268, 319, 321, 358, 378). Хладеніусъ сходится съ Вольфомъ только въ одномъ опредѣленіи. Въ такомъ случаѣ не понятно, что собственно Вольфъ сдѣлалъ для исторіи.

Авторъ отличаетъ философскую исторію отъ философіи исторіи и находитъ, что „философская исторія смѣняется философіей исторіи, когда удается подмѣтить идею и смыслъ

историческаго процесса“. Изъ этой схемы слѣдуетъ, что философія исторіи выдѣляется только изъ философской исторіи, и именно въ XVIII вѣкѣ, а между тѣмъ философія исторіи была значительно раньше. Напр., ученіе Блаженнаго Августина вполне подходитъ подъ опредѣленіе философіи исторіи, даваемое авторомъ.

Между философіей исторіи и логикой исторіи есть огромное различіе. Философія исторіи имѣетъ своимъ предметомъ историческій процессъ, а логика имѣетъ своимъ предметомъ познаніе. Предметомъ изслѣдованія автора является именно логика исторіи, и читатель въ правѣ ожидать, что именно о логикѣ исторіи будетъ говорить по преимуществу. Однако при разборѣ взглядовъ различныхъ писателей авторъ переноситъ свое разсмотрѣніе по преимуществу на философію исторіи. Такъ, при разборѣ взглядовъ Канта, онъ по преимуществу занимается разборомъ его историко-философскихъ взглядовъ и только въ отдѣльныхъ мѣстахъ разсматриваетъ вопросъ логики исторіи. Аргументація Канта относительно законмѣрности исторіи и единичности предмета исторіи выдвигается авторомъ совсѣмъ случайно, и то въ формѣ программы на стр. 243 („Только идеаль математическаго естествознанія является по существу враждебнымъ научной исторіи со специфическими задачами объясненія, равно какъ и философіи исторіи“). Въ другомъ мѣстѣ авторъ утверждаетъ, что единичность предмета исторіи не объяснима съ точки зрѣнія феноменализма (стр. 437. «Историческая проблема есть сильнѣйшій аргументъ противъ всякаго феноменализма и всякаго субъективизма... на почвѣ феноменализма никакъ нельзя понять... того, какъ устанавливается реальность неповторяющагося и неповторимаго»). Этотъ аргументъ выдвигается также случайно. По преимуществу съ точки зрѣнія философіи исторіи разсматриваются и взгляды Гердера.

На ряду съ этими недочетами слѣдуетъ отмѣтить выдающіяся достоинства книги.

Философское значеніе книги Г. Г. Шпета заключается въ томъ, что въ ней проблема исторіи человѣчества въ русской философской литературѣ, можно сказать, впервые вводится въ составъ философіи. До сихъ поръ обыкновенно при построеніи философскихъ теорій изъ конкретныхъ наукъ привлекали

главнымъ образомъ естествознаніе въ качествѣ союзника или въ качествѣ противника. Проблема исторіи челоѳчества ставится авторомъ очень широко. Связь между философскими направленіями и между проблемой исторіи выяснена весьма обстоятельно. Въ чрезвычайно богатомъ содержаніемъ книгѣ авторъ сдѣлалъ попытку указать теоретическія основы построеній исторической науки. Въ его книгѣ мы находимъ весьма удачную характеристику основныхъ философскихъ направлений XVIII вѣка: эмпиризма, рационализма и критицизма. Онъ далъ новое, оригинальное освѣщеніе философскихъ взглядовъ Христіана Вольфа, рѣзко расходясь съ общепринятыми взглядами на этого писателя, очень популярнаго въ XVIII вѣкѣ, но мало читаемаго въ настоящее время. Авторъ считаетъ невѣрнымъ то обычное толкованіе взглядовъ Вольфа, по которому этотъ послѣдній будто бы проводилъ рѣзкое различіе между *causa* и *ratio*. Авторъ показываетъ при помощи очень остроумныхъ доводовъ, какъ у Канта совершенно незамѣтно теряется рационалистическое значеніе термина *ratio*, и какъ въ современномъ пониманіи этого термина господствуетъ какъ разъ именно то неправильное пониманіе, которое было предложено Кантомъ. Значеніе Шеллинга для философіи исторіи разъяснено въ русской литературѣ впервые въ такой полнотѣ, въ какой это сдѣлано авторомъ. Выводы автора отличаются смѣлостью, оригинальностью и обоснованностью. Изложеніе строго, точно и послѣдовательно. На ряду съ огромной эрудиціей автора во всѣхъ философскихъ дисциплинахъ и тщательнымъ знакомствомъ съ первоисточниками слѣдуетъ отмѣтить совершенно самостоятельное отношеніе къ философскимъ проблемамъ. Въ книгѣ вполне опредѣленно намѣчается собственное философское міровоззрѣніе, которое самъ авторъ называетъ то рационализмомъ, то платонизмомъ, и которое примыкаетъ къ философскому реализму въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ виду того, что въ широкихъ философскихъ кругахъ это направленіе не пользуется особеннымъ признаніемъ, интерпретацію и апологию платонистическаго рационализма нужно считать безспорной заслугой автора.

Г. Челпановъ.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

Библиографическій обзоръ популярно-сельско-хозяйственной литературы. Вып. II. Изд. Императорскаго Вольн. Эконом. Общ. Петроградъ 1916. Ст. 187. Ц. 80 коп.

Вендеровичъ, Е. Л. Новыя данныя о ходѣ чувствительной, слуховой и зрительной системы въ гемисферѣ и о необходимости хирургическаго обслѣдованія и воздѣйствія на внутрибороздную кору при операціяхъ на кортикальныхъ проекціонныхъ зонахъ. Петроградъ 1916. Ст. 53.

Кречинъ, Н. Національный вопросъ. Петроградъ 1916. Ст. 14. Ц. 25 коп.

Кульватенко, К. Авель и Каинъ. (Трагедія). Москва 1916. Ст. 121. Ц. 75 коп.

Палимпсестовъ, В. свящ. Поѣздка на Тверскіе церковно-археологическіе курсы. Саратовъ 1916. Ст. 74. Ц. 50 коп.

Подъяпольскій, П. Случаи примѣненія гипнотическаго внушенія въ лазаретной практикѣ. Москва 1916. Ст. 22.

Рубинштейнъ, М. М. Исторія педагогическихъ идей въ ея основныхъ чертахъ. Москва 1916. Ст. 267. Ц. 2 р. 50 к.

Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Вып. 33. Саратовъ 1916. Ст. XXIII+196. Ц. 1 р. 50 к.

Г. И. Челпанову отъ участниковъ его семинарія въ Кіевѣ и Москвѣ. 1891—1916. Статьи по философіи и психологіи. Москва 1916. Ст. II+424. Ц. 3 р. 50 к.

Щербина, А. М. Слепой музыкантъ Короленка, какъ попытка зрячихъ проникнуть въ психологію слѣпыхъ (въ свѣтѣ моихъ собственныхъ наблюденій). Москва 1916. Ст. 51. Ц. 40 к.

Яценко, А. Русская библиографія по исторіи древней философіи. Юрьевъ 1915 г. Ст. 126. Ц. 60 коп.

Московское Психологическое Общество.

Условія для соисканія преміи, учрежденной при Московскомъ Психологическомъ Обществѣ покойнымъ Д. А. Столыпинымъ, за сочиненіе на тему по философіи наукъ.

Московское Психологическое Общество симъ объявляетъ, что по предложенію Д. А. Столыпина и на пожертвованныя имъ средства, оно назначаетъ вновь премію въ 1000 руб. за лучшее сочиненіе на тему:

«Критическое разсмотрѣніе положенія Огюста Конта о естественномъ совпаденіи (coïncidence spontannée) первообразныхъ законовъ неорганической природы съ основными законами органической жизни и стремленія всѣхъ реальныхъ знаній человѣка къ логическому и научному единству (unité logique et scientifique)».

См. Cours de philosophie positive, leçons 58-me et 59-me, особенно стран. 681 тома VI-го, изданія Литтре.

Психологическое Общество понимаетъ предлагаемую задачу въ томъ смыслѣ, что нужно рѣшить: *«Существуетъ ли различіе между законами наукъ о неорганической природѣ и законами социальными, и если существуетъ, то какое».*

Психологическое Общество считаетъ, что разработка этой темы предполагаетъ строго-научную и широкую философскую ея постановку, основанную на серьезномъ знакомствѣ съ направленіями современной *гносеологии* и ученіями современной *логики*.

Срокъ подачи сочиненій 1-е января 1918 года.

Присужденіе преміи особою комиссією при Психологическомъ Обществѣ произойдетъ въ апрѣлѣ 1918 года. По усмотрѣнію

комиссии, согласно волѣ жертвователя, премія можетъ быть раздѣлена между соискателями, а въ случаѣ неудовлетворительности представленныхъ сочиненій, присужденіе преміи или значительной части ея можетъ быть отнесено на новый срокъ.

Въ соисканіи преміи могутъ участвовать всѣ лица, получившія высшее образованіе. Сочиненія должны быть написаны на русскомъ языкѣ и доставлены въ Московскій университетъ на имя предсѣдателя Психологическаго Общества. Фамиліи и адреса соискателей должны быть присланы въ запечатанныхъ конвертахъ съ обозначеніемъ на нихъ девизовъ или эпитафировъ представленныхъ сочиненій.

Московское Психологическое Общество извѣщаетъ объ учрежденіи при Обществѣ преміи имени Вл. С. Соловьева. Премія присуждается согласно печатаемому ниже „Положенію о преміи имени Вл. С. Соловьева при Московскомъ Психологическомъ Обществѣ“. Ближайшій срокъ для представленія сочиненія на премію 1-ое марта 1917-го года (всѣ слѣдующіе сроки будутъ трехлѣтніе). Сочиненія посылаются на имя Предсѣдателя Московскаго Психологическаго Общества, въ редакцію журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“ (Пречистенка, Полуэктовъ пер., д. 8, кв. 29).

Положеніе о преміи имени Вл. С. Соловьева при Московскомъ Психологическомъ Обществѣ.

1. Премія имени Вл. С. Соловьева учреждается при Московскомъ Психологическомъ Обществѣ изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ. Капиталъ заключается въ двухъ облигаціяхъ 5% Россійскаго займа 1906 года, каждая по номинальной стоимости въ 1,875 рублей (годовой доходъ съ этихъ бумагъ 187 р. 50 к.).

2. Премія присуждается разъ въ три года (приблизительно въ суммѣ 560 рублей), для чего по истеченіи каждыхъ трехъ

лѣтъ выбирается соотвѣтствующая коммиссія. Если же по истеченіи трехлѣтняго срока премія не будетъ присуждена, то присужденіе ея откладывается еще на годъ. Если же и въ теченіе этого срока не окажется достойнаго премии сочиненія, то премія объявляется на новые три года, а накопившіеся за четыре года проценты присоединяются къ капиталу.

3. Сочиненія, представляемыя на премію, могутъ быть какъ въ печатномъ видѣ, такъ и въ рукописи. Сочиненія, написанныя на иностранныхъ языкахъ, должны быть представлены, при соисканіи премии, въ переводѣ на русскій языкъ.

4. Премія можетъ быть присуждена и за такое сочиненіе, которое не представлено для соисканія премии, но по своему содержанию и по своимъ достоинствамъ вполне удовлетворяетъ условіямъ полученія премии.

5. Премія можетъ быть присуждена за самостоятельное серьезное изслѣдованіе, посвященное разсмотрѣнію творчества Вл. С. Соловьева и его ученію, въ его цѣломъ или въ его частяхъ, или же ставящее своею задачею изученіе жизни и личности мыслителя. Авторъ сочиненія, представляемаго на премію, долженъ обнаружить въ немъ близкое знакомство съ положеніемъ трактуемой проблемы въ современной философіи и въ современной наукѣ.

6. Коммиссія по присужденію премии составляется изъ предсѣдателя или товарища предсѣдателя Московскаго Психологическаго Общества, двухъ членовъ совѣта Общества (по избранію Совѣта) и трехъ членовъ Общества (по избранію Общества). Избранная въ такомъ составѣ Коммиссія можетъ приглашать въ свою среду лицъ (независимо отъ того, состоятъ ли они членами Психологическаго Общества или не состоятъ), извѣстныхъ Коммиссіи въ качествѣ выдающихся специалистовъ по тѣмъ вопросамъ, которые трактуются въ поданныхъ на премію сочиненіяхъ.

7. Объявленія о премии печатаются въ журналъ «Вопросы философіи и психологіи» и въ другихъ изданіяхъ Психологическаго Общества.
